

СИБИРИАДА

ВИТАЛИЙ
ГАДИЯТОВ

Прииск
"БЕЗЫМЯНЫЙ"

Сибиряда

Виталий Гадиятов

Прииск «Безымянный»

«ВЕЧЕ»

2017

Гадиятов В. Г.

Прииск «Безымянный» / В. Г. Гадиятов — «ВЕЧЕ»,
2017 — (Сибириада)

ISBN 978-5-4444-8649-8

1950-е. Время сталинских репрессий. Сибирь, как и прежде, охвачена золотой лихорадкой, но старатели-одиночки уже не выдерживают конкуренции с учеными, ведущими поиск новых месторождений. Каждый золотоискатель выбирает свою сторону в этой гонке, где приз – несметное количество золотого песка. Тех, кто не хочет сотрудничать с государством, поджидают чекисты и ГУЛАГ. Беспощадна к человеку и сибирская тайга. Выживут не все, и уже новые геологи готовы идти по старым следам.

ISBN 978-5-4444-8649-8

© Гадиятов В. Г., 2017

© ВЕЧЕ, 2017

Содержание

Книга первая. У истоков золотого пути	6
Глава 1. Неожиданное открытие	6
Глава 2. Геолог Закатов	15
Глава 3. Империя под названием «Дальстрой»	22
Глава 4. Зеленокаменный пояс	29
Глава 5. На Колыме	37
Глава 6. В свободном поиске	46
Глава 7. Катастрофа	54
Глава 8. Неизвестный Брукс	61
Глава 9. Спасение	68
Глава 10. Площадь поисков	76
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Виталий Гадиятов

Прииск «Безымянный»

© Гадиятов В. Г., 2017

© ООО «Издательство «Вече», 2017

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2017

Сайт издательства www.veche.ru

Книга первая. У истоков золотого пути

Глава 1. Неожданное открытие

За окном трещал мороз, градусник показывал за сорок, а в большом здании геологического управления, на крутой крыше которого красовалась надпись «Богатство недр – народу», суровая зима совсем не ощущалась. В здание битком набились разные службы, подчиненные мощному министерству, руководившему всей геологической отраслью страны. Здесь же базировалась геологоразведочная экспедиция, в которой работал Фёдор Закатов, молодой геолог, приехавший покорять Север.

Фёдор был среднего роста, с пышной шевелюрой русых волос, зачёсанных набок. Пробор, проведённый, словно под линейку, разделял волосы на две части, лишая голову симметрии. Узкие бакенбарды спускались ниже уха.

Накануне принесли анализы проб из лаборатории, и то, что он увидел, превзошло все ожидания и надолго вывело его из равновесия. Эти пробы передали из геологического отдела. В сопроводительных бумагах значилось, что они поступили из Якутского краеведческого музея, а проанализированы в лаборатории Сибирского института геологии алмазов и благородных металлов. Однако результатов анализов не оказалось, и более месяца назад их отправили на повторное исследование в Центральную лабораторию Геологуправления, с которой Закатов сотрудничал долгое время.

И вот теперь рядом с сопроводительными документами и полученными результатами на его столе лежали пять небольших пакетов, свёрнутых из плотной обёрточной бумаги. На каждом выделялся выцветший штамп музея, поставленный фиолетовыми чернилами, а ниже, написанный простым карандашом, виднелся номер, разделённый косой дробной чертой. В знаменателе дроби на всех пакетах было написано «1927». После этих цифр через тире стояли порядковые номера от одного до пяти, дописанные, по-видимому, позднее. Внизу каждого пакета был указан вес пробы. Судя по проставленным аналитиками данным, золота в пакетах стало меньше, чем имелось первоначально.

Четырёхзначная цифра в числителе обозначала инвентарный номер, под которым пакет с золотом числился в краеведческом музее. Цифры 1927 – означали год поступления, а первая пятёрка – порядковые номера, которые пробам присвоили в Центральной лаборатории. Внутри каждого пакета лежал ещё один пакетик размером намного меньше, свернутый из полупрозрачной кальки. На нём стояли те же номера.

Фёдор осторожно открыл пакет из кальки. Тускло заблестел золотой песок, притягивающий к себе, словно магнитом. Золото оказалось таким мелким, что напоминало речной песок, и если бы не холодный металлический блеск и повышенный вес, неизвестно, как бы отнеслись к нему современники, не проводившие лабораторных определений.

Несколько золотых песчинок геолог насыпал на предметное стекло и включил микроскоп. Под направленным светом золотинок заблестели, у каждой появилась своя форма, и даже проявился рельеф на поверхности.

«Золото практически не окатанное¹, – первое, что бросилось в глаза Закатову, – размером меньше одного миллиметра. А ещё в основном однородное и более-менее изометричное».

В пробе не оказалось уплощённых «лепёшек» причудливой формы, какие часто встречаются в россыпях. Не оказалось и «зализанных» круглых или неправильных комочков. По

---

¹ Форма золота при удалении от рудного источника в результате механического воздействия изменяется. В том числе золотины становятся округлыми или иначе – окатанными. (Здесь и далее примечания автора.)

слегка красноватому золотисто-жёлтому цвету было видно, что золото высокопробное. Внешне оно ничем не отличалось от просмотренного раньше. Но это оказалось только первое впечатление, сохранявшееся до того, пока золотой песок не оказывался под микроскопом.

«С морфологией всё понятно: золото вынесено из коренных пород, – разглядывая жёлтые песчинки, размышлял Закатов, – и практически не перемещалось. По-видимому, пробу отобрали из рудного тела или из коры выветривания, образованной над ним. Значит, надо думать, что это реальный объект, имеющий место в земной коре, а если точнее – на поверхности Земли».

Фёдор машинально застегнул пиджак и усмехнулся, но когда проверил данные по карте, мысли побежали в другом направлении. По химическому составу золото из двух проб оказалось не похожим ни на одно российское месторождение. В то же время было почти идентично золоту из известного африканского гиганта.

«К бабке не ходи: похоже, прямо один в один. Отличается только содержанием урана и вот этими показателями. – Он снова расстегнул пиджак, полосатый галстук выскочил наружу и, раскачиваясь в такт его движениям, опустил за стол. – Но откуда здесь такое золото? В то время даже не каждый слышал про Африку, а чтобы у кого-то было золото, привезённое с чёрного континента, это вообще предел фантазии. – Пожав плечами, Фёдор посмотрел на значения отношений ряда химических элементов, служивших в качестве диагностических признаков. – Нет, золото явно местное, но вот откуда – большой вопрос!»

Закатов задумался и на время потерял нить своих мыслей. Потом его пригласили к телефону, и Анна Ивановна, геолог, сидевшая в этом же кабинете, позвала пить чай с рыбным пирогом. У Фёдора побежали слюнки, он невольно облизал губы и, бросив все дела, потянулся к столу.

«Так что же получается? – откусывая от большого толстого куска, думал молодой человек, – получается, что это золото из месторождения, так называемого типа древних золотосодержащих конгломератов. Эти месторождения локализованы в породах, возраст которых где-то порядка двух-трех миллиардов лет».

– Ну, как пирог? – перебила его размышления Анна Ивановна, высокая статная женщина лет сорока пяти с накрашенными губами и пышной причёской. – Это из муксуна, чира² я не нашла в магазинах.

Фёдор промычал набитым ртом вроде того, что очень вкусно, и снова замкнулся. Полученные анализы не выходили из головы.

«Таких месторождений у нас нет. Интересно получается: месторождений нет, а золото, судя по этим анализам, есть. Значит, что-то здесь не так, кто-то не прав...»

Об этой проблеме можно было размышлять бесконечно. Изучением золота занимались десятилетиями. Ещё до Закатова во всех концах страны геологи провели самые разные исследования, написали сотни монографий и диссертаций, в которых приводились какие угодно данные, но сообщений о таком золоте, как у него, не имелось.

Древнее золото усиленно искали, но пока никто его не видел. Заключение во всех отчётах и публикациях на эту тему звучали примерно одинаково: «По возрасту золото является молодым. По условиям образования связано с кварцем или метасоматитами³, углистыми сланцами или с другими породами».

Древнее золото задело Фёдора за живое. Вопросы роились в голове, и, не найдя на них ответа, он снова возвращался к неожиданно возникшей проблеме.

---

² Муксун и чир – рыба рода сигов. Водится в реках и озёрах бассейна Северного Ледовитого океана. Чир – самая крупная рыба этого рода.

³ Породы, образовавшиеся в результате замещения одних минералов другими с изменением их химического состава.

«Так кто же прав, предшественники, занимавшиеся этой проблемой многие годы, или я, сделавший многообещающее заключение? Хотя, если толком разобраться, моё заключение основано на результатах анализов каких-то случайных проб, непонятно как оказавшихся в музее. Правда, результаты получены профессионалами и выполнены с помощью современной аппаратуры. Один только Сан Саныч чего стоит! А Ирина Викторовна! Это же специалисты высшего класса, проанализировавшие тысячи самых разных проб. Итак, каково же резюме? – подталкивал он себя к принятию решения, которое могло изменить сложившееся представление о золотоносности страны. – А резюме таково: если пробы золота, действительно, с нашей территории и в анализах ничего не напутали, то у нас тоже есть такой же тип золотого оруденения, как в Африке. – Фёдор дёрнулся вперёд, горячий чай выплеснулся на рукав нового костюма, недавно купленного в ЦУМе, и облил руку, но он даже не заметил. – Правда, где этот объект – большой вопрос. Короче, надо срочно выяснять, откуда эти пробы...»

– Федя, поставь, пожалуйста, чашку. Ты, наверно, обжёгся? – участливо спросила Анна Ивановна, вернув его в действительность. – На, возьми салфетку.

Он ответил что-то односложное и, промокнув чай, снова погрузился в размышления.

– Федя, что с тобой? На тебе лица нет. С кем-то поругался или, может, Леночка отказала? Не переживай, всё пройдёт. Если хочешь, я поговорю с ней...

– Да при чём тут Леночка? – неожиданно вспыхнул парень. – Что вы кто мне пристали? Вечно вы что-то придумываете.

Анна Ивановна, как будто только этого и ждала, – и сразу перешла в наступление:

– Федя, ну ты, оказывается, наглец! Я к тебе пристала, я всё придумала! Товарищи, вы только посмотрите на него, вы представляете, какой он нахал! – неизвестно к кому обращаясь, выпалила женщина. – Вы все, мужики, одинаковые: вначале в любви объясняетесь, голову девкам морочите, а потом бегаете к другим бабам. Молодец, Леночка, правильно сделала, что тебе хвост показала. С таким букой, как ты, ни одна женщина долго не выдержит.

До Фёдора наконец дошло, в чём его обвиняют, захотелось возмутиться, но в последний момент он сдержался и спокойно сказал, что с Леной у него всё замечательно и только вчера он ходил с ней на концерт.

– С кем я работаю?! – не дослушав, обиделась Анна Ивановна. – Я его пирогами угощаю, а он...

«Ну, всё, её теперь не остановишь. Надо шефу рассказать о своём открытии этого золота. Я думаю, ему будет интересно».

* * *

На крупном лице Шурковского заходили желваки, глаза сощурились. Сквозь толстые стёкла очков Фёдор увидел, как в них блеснули сердитые огоньки, пунцовая краска выступила на щеках.

– У меня отчёт горит, а ты пристаёшь со всякой ерундой, – подняв голову от стола, резко сказал шеф. На высоком лбу обозначились едва заметные залысины. – Сейчас это совершенно не актуально, есть дела поважней. – Машинально он погладил лоб и продолжил уже более спокойно: – Фёдор, давай отложим этот разговор до лучших времен, я думаю, твои пробы никуда не денутся.

Несолоно хлебавши Закатов закрыл дверь.

«У него, видишь ли, отчёт горит, а ты тут кувыркайся как хочешь. Проблема моя, значит, и решать самому».

Своим открытием Фёдор поделился с Владимиром Николаевичем Ачагыровым. Поджарый, болезненный с виду Ачагыров выглядел лет на тридцать пять. Был он доброжелательным улыбчивым человеком среднего роста и худощавого телосложения. Редкие волосы Владимир

Николаевич зачёсывал назад, от чего его лицо казалось более вытянутым, но это несколько не портило его внешность. Взгляд выразительных тёмных глаз приковывал к себе внимание, придавая ту самую привлекательность, какой многим так не хватало. Во внешности Ачагырова угадывались якутские черты, которые можно было принять за азиатские корни разных народов, доставшиеся ему от каких-то далёких предков. Владимир Николаевич вёл свою научную тему и ещё работал на шефа. Как он справлялся с таким объёмом материала, оставалось только догадываться. Любой другой давно бы взбрыкнул, но только не Ачагыров, отличавшийся невероятной выдержкой.

– Понимаешь, у меня такая проблема, – взволнованно начал Фёдор. – Мне принесли пробы золота из музея, и в нашей лаборатории сделали анализы на основные микроэлементы. Получились классные результаты. Я до сих пор не могу успокоиться, а Шурковскому всё по фигу.

– Ну и что? – спокойно ответил геолог. – Я тоже получил свои пробы, и у меня неплохие анализы. И из-за этого шефа отрывать от отчёта? Да у него сейчас без нас забот хватает. Привыкай решать такие вопросы самостоятельно.

Ачагыров улыбнулся. До того как попасть в эту экспедицию, старший геолог Ачагыров прошёл все ступени роста. Работал горным мастером на Индигирке, где документировал канавы и шурфы, состоял в геолого-поисковой партии на Колыме, занимался геологической съёмкой в Верхоянье и, наконец, стал ответственным исполнителем работы по россыпям касситерита. Поэтому после того, что он испытал, проблемы Закатова казались ему детскими забавами. Только молодой специалист мог так болезненно относиться к безучастному отношению начальника.

– Понимаешь, это золото похоже на африканское из Витватерсранда, – ухмыльнувшись в ответ, продолжал Фёдор. – Это необычное золото. Такого здесь никто не находил. И не только здесь. Его вообще никто не видел в глаза.

– А ты откуда знаешь?

– По составу определил. В моей базе данных есть всё, что хочешь. Надо только ввести показатели – и ты получишь ответ. – Во взгляде его открытых тёмных глаз угадывался волевой характер и упорство.

Сообщением Фёдора Ачагыров заинтересовался и задумчиво посмотрел на парня. А тот, увидев в нём благодарного слушателя, рассказал о полученных результатах.

– Напомни мне, пожалуйста, про этот Витватерсранд, – будто невзначай, попросил его Владимир Иванович. – В своё время я что-то слышал о нём. Кажется, это одно из богатейших месторождений. Если не ошибаюсь, таких у нас нет.

– Я тебе об этом и говорю, – подскочил Фёдор. – Витватерсранд считается самым крупным месторождением золота в мире. Можно сказать, это крупнейшая древняя россыпь. Точнее, это группа месторождений, залегающих в структуре Ранд, – сбиваясь, быстро заговорил он, – а Рандом в Африке называют рифт или хребет. Так что, судя по названию, это целый золотоносный хребет, сложенный пластами преобразованных кварцитов⁴, песчаников⁵ и золотоносных конгломератов⁶.

Ачагыров молча закивал головой, и Закатов стал уверенно продолжать:

– Месторождение относится к типу древних конгломератов. Золотоносная порода представлена галькой кварца, гнейсов и других образований, которые когда-то разрушились, а потом вторично сцементировались. – Его понесло, как необъезженную лошадь, и, вспоминая всё, что знал, Закатов сыпал налево и направо: – Среднее содержание золота колеблется

---

⁴ Кварцит – порода, состоящая из кремнезёма. Образована при изменении песчаников или других пород.

⁵ Песчаник – осадочная обломочная порода, образованная в результате цементации песка.

⁶ Конгломерат – осадочная порода, состоящая из сцементированной гальки. Чаше разного состава и размера.

от шести до десяти граммов на тонну. Но это только среднее, на самом деле золота намного больше, а в отдельных местах доходит до пятидесяти граммов...

– Хорошее содержание, ничего не скажешь, – не выдержал Ачагыров.

– Но это ещё не всё. Если учесть, что длина Ранда около ста километров и он прослежен на глубину более четырёх километров, то это настоящий монстр, какой нам даже не снился.

– Когда его открыли?

Фёдор машинально почесал нос с едва заметной горбинкой и подошёл к окну. Сквозь висевшее морозящее облако было видно, что по улице нескончаемым потоком идут машины, на автобусной остановке толпится народ. Какая-то женщина в рыжем плаще остановила такси.

– По-моему, где-то во второй половине девятнадцатого века, – сказал он, поворачиваясь, – точной даты я не знаю. – Но, как всегда, и там не обошлось без курьёзов. Золото в конгломератах открыл один человек, а основной пласт золотосодержащих конгломератов, находящийся в центре Ранда и ставший тем самым Витватерсрандом, о котором мы теперь знаем, нашёл другой. Это оказался австралийский золотоискатель Джордж Харрисон. Геолог Штрубен обратил внимание на гряды конгломератов, развитых среди пород Главного рифа. При дальнейшей разведке выяснилось, что эти конгломераты залегают на всём протяжении Главного рифа. Выветрелые на поверхности, на глубине они оказались очень прочными, поэтому для их разработки требовалась дорогая техника, которой не обладали единоличные искатели форта.

– Конечно, там одиночкам не потянуть – нужны буровзрывные работы и обогащательная фабрика с разными дробилками, – словно разговаривая с самим собой, сказал Ачагыров. – Короче, без соответствующей технологии разработки много золота из них не добудешь.

– Вот поэтому на Витватерсранде вскоре появились горнодобывающие компании, которые смогли внедрить такие технологии. Но самое интересное, что и им эти породы оказались не по зубам. Проблема заключалась в том, что руды обогащены сульфидами, а они мешают извлечению металла. Золотодобытчики уже подумывали о закрытии рудников, как произошло одно событие, изменившее представление о добыче этого драгоценного металла.

Ачагыров больше не перебивал, а когда Фёдор заговорил о новой технологии, не выдержал:

– Ты, наверно, имеешь в виду промывку водой? Так ещё при царе Горохе знали, как «посадить» тяжёлые минералы и золото в том числе. Дроблёную породу...

– Да нет, я имею в виду метод извлечения золота с помощью цианидного выщелачивания, – не дал ему договорить Фёдор. – Цианиды имеют свойство разрушать любые горные породы и минералы, высвобождая драгоценный металл. В качестве реагента используются соли циановой кислоты – цианиды натрия или калия. Этот метод в конце девятнадцатого века запатентовали шотландцы Джон Макатур и братья Форест.

– А при чём тут Витватерсранд?! – с удивлением в голосе сказал Ачагыров. – Это же так называемый метод кучного выщелачивания. Насколько я знаю, его стали применять относительно недавно, и самое неприятное – из-за высокой токсичности цианистых солей «куча» оказывает отрицательное воздействие на окружающую среду.

Закатов усмехнулся.

– Чтобы не загрязнять окружающую среду, следует выдерживать технологию: надо соблюдать меры безопасности, и, в частности, обезвреживать стоки. Так вот, этот метод изобрели именно для получения золота из конгломератов. Потом его стали применять для извлечения золота из других пород. А теперь без него никто даже не представляет процесс добычи тонкого и рассеянного золота.

Установилась тишина. Каждый думал о своём, возможно, перебирал в памяти более безопасные способы получения драгоценного металла.

– Кстати, на Ранде сейчас самая глубокая шахта, – прервал молчание Закатов. – Она пройдена по рудному телу до отметки более четырёх тысяч метров. За время разработки место-

рождения там добыли почти половину всего золота, извлечённого из земли. Это и правда настоящий монстр, какого ещё не знали геологи.

– А ты видел золото оттуда?

Фёдор утвердительно закивал головой. Подержать в руках самое древнее золото Земли он мечтал давно, но как это сделать – не мог даже представить. Утешало только то, что его видели немногие соотечественники. А потом случилось чудо: главный геолог управления привёз пару образцов золотосодержащей породы из служебной командировки в ЮАР и передал их в музей.

– Как я понимаю, Федя, Витватерсранд – это древняя россыпь. Обрати внимание – россыпь. Значит, золото там должно быть окатанным. А твоё золото совсем не проработанное, у него практически нет признаков, свидетельствующих о перемещении. Значит, делай выводы.

То, что сказал Ачагыров, Фёдор знал не хуже его, но, по разработанным им параметрам, музейное золото подходило именно к этому типу.

– Может, это не конкретно Витватерсранд, – сказал он, будто оправдываясь, – но то, что золото из древних образований – это факт.

Ачагыров развёл руками. В этом жесте выражался и нескрываемый интерес, и полное разочарование.

– Ну что я тебе скажу, Федя, проблема крайне интересная и, по-моему, очень перспективная. Есть смысл ею заняться, только в нашей партии ты её не решишь – мы золотом не занимаемся. Выход у тебя один: надо заинтересовать шефа, убедить в её важности. Он человек неглупый и прагматичный, я думаю, поймёт. Но для этого шеф должен увидеть, что это перспективное направление и у тебя уже есть какие-то наработки, которые позволят получить положительные результаты. То есть можно будет открыть месторождение нового типа, – уточнил он. – Ты должен как по-писаному изложить суть дела и при этом вызвать его интерес. Улавливаешь, о чём я говорю?

Фёдор кивнул, хорошо понимая, о чём говорит коллега.

– Если у тебя получится, шеф поможет выбить самостоятельную научную тему. Вот тогда, считай, тебе дали зелёную улицу в науку. Запомни, у Шурковского огромные связи. Потягаться с ним может только Федотов.

* * *

Основными критериями, которыми руководствовался Закатов при составлении своей базы данных самородного золота, являлись химический состав и проба золота. Кроме того, Фёдор разработал ещё около двух десятков различных характеристик. Среди них была морфология, плотность и всевозможные коэффициенты, учитывающие отношения содержаний разных химических элементов друг к другу и даже к их суммам и произведениям. Это позволило разделить всё имеющееся у него самородное золото на множество мелких групп, которые характеризовали разные месторождения. Вначале таких групп получилось не меньше проанализированных проб. Нередко получалось, что золото из одного и того же месторождения отличается различным химическим составом, из-за чего попадает в другую группу. В этом заключалась главная сложность, возникшая при систематизации. На это натывались все исследователи, занимавшиеся подобной проблемой. Отсутствие жёстких параметров не позволило добиться положительных результатов.

«Нет двух, а тем более пяти или десяти месторождений с одинаковым типом золотин. Похожие есть, а одинаковых, так же как одинаковых снежинок, нет».

Это высказывание известного учёного Фёдор запомнил на всю жизнь и впоследствии сам убедился в его правоте. Разработав дополнительные критерии, он пошёл дальше всех: ему удалось добиться чёткого разделения золота из всех известных объектов. Теперь получалось, что любой образец золота с одного и того же месторождения, даже значительно отличавшийся по

составу от своих братьев, попадал в свою группу. Ошибка могла составлять ничтожные доли процента. Но введя дополнительные характеристики, ему удалось избежать их полностью.

Так Закатов создал первую базу данных самородного золота из месторождений Восточной Сибири. С её помощью он мог безошибочно определять образцы из разных объектов. Идея этой работы появилась не сразу и, как нередко бывает, поддержки не нашла. Только получив первые результаты, удалось уговорить начальника партии поэкспериментировать.

– Хорошо, даю тебе добро, – будто с барского плеча, сказал Шурковский, – но с одним условием.

Этот эпизод, ставший решающим в составлении базы данных, Фёдор вспоминал постоянно, и перед его глазами снова возник шеф.

– Моё условие таково, – будто испытывая Закатова на выдержку, шеф на мгновение замолчал, – основная работа остаётся за тобой. За это ты получаешь зарплату. Отсюда следует, что своей самостоятельностью ты можешь заниматься только в свободное время. Но ты не пугайся, – на его лице появилась улыбка. – Это не значит, чтобы ты сидел после работы или в выходные дни. Я имею в виду, что в первую очередь ты по-прежнему работаешь на меня, а потом всё остальное.

* * *

За основу базы данных Закатов взял образцы самородного золота из коллекции геологического музея. По правилам, заведённым когда-то в стенах геологического управления, со всех открытых и разрабатываемых месторождений в музей присылали образцы руд, редких минералов и самородного золота. Сотни таких проб, собранных за многие годы, нашли постоянное пристанище в его витринах и на стеллажах хранилища.

В пакетиках из кальки и крафтовой бумаги, в пробирках и колбочках, а то и просто в тряпочных мешочках пробы золота пылились в огромном сейфе, стоявшем в кабинете начальника геологического музея. Десятки килограммов драгоценного металла насчитывала эта бесценная коллекция. Такое представительное собрание самородного золота являлось уникальным, и Владимир Иванович Волченко в душе им очень гордился, но как человек, повидавший на своём веку немало, старался не афишировать свою коллекцию. Примеров того, когда известные экспонаты «уходили» даже из самых лучших музеев, он знал немало. А что говорить про его ведомственное подразделение, входившее в структуру геологического управления? При желании верхнего руководства можно было забрать любой экспонат или даже закрыть весь музей.

Об этой коллекции Фёдор узнал совершенно случайно. Получая карабин, хранившийся наряду с другим оружием в металлическом шкафу Волченко, заведовавшим также экспедиционным арсеналом, он увидел, как сотрудники музея разбирают небольшие пакеты из плотной бумаги и раскладывают их по кучкам.

– А что это за пробы? – не удержавшись, спросил Фёдор.

Волченко как-то хитро на него взглянул и нехотя сказал, что это новые образцы, которые им прислали с Индигирки на временное хранение. Индигирская геологоразведочная экспедиция занималась поисками и разведкой золотоносных россыпей, поэтому у Фёдора не возникло ни малейших сомнений о содержимом пакетов. Тем не менее, не зная зачем, он высказал предположение, что там, наверное, золото. Начальник музея заморгал своим единственным глазом и, набычившись, произнёс:

– Ну, золото. А тебе-то что до этого?

Молодой человек не растерялся и ответил, что не первый день в геологии, а природного золота ещё не видел. На лице Волченко появилась лукавая усмешка. Грузное тело обмякло, будто после тяжёлого похмелья, руки как-то сами по себе затряслись.

– Ну и хорошо, что ты его не видел. Держись от золота подальше. Ничего, кроме головной боли, оно тебе не даст. Поверь мне.

Его толстое лицо покраснело, на носу неожиданно выступили капельки пота.

«Ничего себе, Билли Бонс разошёлся. Похоже, я наступил на большую мозоль».

О том, что Волченко предприимчивый человек, знал каждый сотрудник экспедиции. То, что многим оставалось недоступно, он легко претворял в жизнь. В то время когда рядовые сотрудники экспедиции добирались на работу на общественном транспорте, а то и просто на своих двоих, Владимир Иванович подъезжал на своей зелёной «Волге» с оленем на капоте.

– Паша, покажи ему золото, – подмигнул он молодому парню. – Пусть посмотрит, раз так хочет, – более доброжелательно сказал Волченко. – Только не забудь расписаться за полученное оружие и разрешение. После полевого сезона придёшь, отчитаешься. Пять патронов я даю на пристрелку, они не в счёт. – Он протянул две амбарные книги, в которых появилась фамилия Фёдора. – Считай, тебе повезло: даю почти новый карабин – 1942 года выпуска, который только что пришёл, а мог бы получить довоенный револьвер системы «Наган».

Оставив свой автограф, Закатов подошёл к столу с пробами, и на его глазах произошло чудо. Содержимое коричневого пакета из крафтовой бумаги заблестело. Золотые песчинки, «лепешки» и мелкие камушки излучали волшебную силу, приковавшую его взгляд.

– Ух, ты! Сколько золота! Какие вы счастливые, что видите такую красоту.

– Да что тут красивого? – удивился Павел. – Песок, да и только, разве что тяжёлый. У нас его немеряно. – Пальцем он показал на несгораемый сейф, огромный глыбой возвышавшийся в углу. – Есть действительно стоящие экспонаты, а это – так себе, мелочь. Ты бы посмотрел на наши самородки!

Паша хотел сказать ещё что-то, но Волченко остановил:

– Всё, занимайся своим делом. А ты забирай карабин и до осени свободен. И ещё. Забыл тебя предупредить: о твоём нездоровом интересе к металлу я должен сообщить нашему куратору. Такие у нас правила. Если тебя вызовут в спецчасть, не обижайся.

Совершенно неожиданно Закатов заболел золотой болезнью: жёлтый металл стоял перед его глазами и даже снился. Он видел золотые чешуйки, а представлял себе изящные золотые фигурки и увесистые слитки. Они жили своей жизнью, о которой он раньше даже не подозревал, жили независимо от него. Этот драгоценный металл двигал экономику целых стран и даже способствовал развитию человечества.

Случайно Фёдору пришла в голову мысль, что не мешало бы составить сводку самородного золота, содержащую полную характеристику, включая химический состав и другую информацию. Но за эту работу следовало браться только при наличии материала из разных месторождений. И такой материал, собранный отовсюду, находился в геологическом музее Волченко. Не воспользоваться этим казалось непростительной глупостью. Только к этой коллекции требовалось как-то добраться. Но как?

И Закатов, как настоящий разведчик, стал прорабатывать различные варианты. Разговаривать на эту тему с Волченко было бесполезно: к музею он не подпускал никого, не говоря уж о коллекции золота. Повышенный интерес молодого геолога он мог расценить как покушение на свой музей и принять соответствующие меры. Выходить на начальство, ничего не зная о коллекции, – заведомо загубить хорошую идею. Единственным человеком, кто мог бы о ней рассказать, являлся Павел Безруков.

Паша работал геологом в отряде Волченко и отличался железной хозяйственной хваткой: то, что однажды к нему попадало, он уже не выпускал. А ещё он считался заядлым охотником и рыбаком. Так же, как начальник, работой в музее он убивал двух зайцев сразу: занимался геологией и своим хобби. Имея в загашнике хороший образец, за него мог выменять что-нибудь для души или просто продать. Простенькие поделки из самоцветов, которые Павел делал в музейной камнерезной мастерской, также находили своего потребителя.

К удивлению Фёдора, Безруков постоянно уходил от разговоров о коллекции золота, словно это закрытая тема, которой запрещено даже касаться. Так могло продолжаться бесконечно долго, если бы не случай. В экспедиции Фёдор слыл неплохим фотографом, снимавшим на цветную плёнку. Неожиданно его вызвал начальник экспедиции и попросил сфотографировать минералы, которые собирались отправлять на Международную минералогическую выставку в Мюнхен⁷.

Среди будущих экспонатов Закатов увидел крупные самородки золота и уникальные кристаллы алмаза. Присутствовали тут и бесформенные золотые комки с включениями кварца, смотревшие дымчатыми или белоснежными глазами, и замысловатые фигурки зверей, и даже разные геометрические фигуры.

Из многообразия самородков выделялся равносторонний треугольник с большим круглым отверстием в середине. Казалось, что оно кем-то просверлено, чтобы золотую фигурку повесить на цепочку или даже вставить в неё ювелирный камень.

И всё же самым красивым Фёдор признал образец, напоминавший ветвистое дерево. Его золотистые ветки и листочки выступали из сахаровидного кварца и нависали над ним. Образец был размером со спичечный коробок, причём основную массу составлял кварц, поэтому, по сравнению с увесистыми бесформенными самородками, золота в нём присутствовало немного, но дерево смотрелось настолько эффектно, что буквально завораживало.

Воображение рисовало различные фантастические картины. На ум приходили мысли о творце, создавшем это уникальное произведение искусства, которое не сможет повторить ни один мастер.

В резной шкатулке цвета морёного дуба лежали алмазы. Даже внешний вид дорогого ларца ясно показывал, что внутри что-то очень ценное. Сколько могли стоить эти алмазы, Закатов никогда не задумывался, но по тому, как трясся над ними Волченко, пришёл к выводу, что намного дороже кучки самородков, лежавших в фарфоровом тигле. Когда Владимир Иванович снял печать и открыл крышку шкатулки, Фёдор ахнул от восхищения. Шесть прозрачных кристаллов лежали на чёрном бархате, играя всеми цветами радуги. Вес каждого правильного октаэдра превышал десять каратов.

В первый день фотосессии Волченко и Безруков не оставляли Фёдора ни на секунду. Кто-нибудь постоянно находился рядом с ним и смотрел в оба. Чаще всего – Паша. Вместе с Фёдором он передвигал образцы, выбирая лучший ракурс для съёмки и ставил освещение, а когда тот фотографировал, садился возле витрины с минералами и от скуки клевал носом.

Через день Волченко унёс шкатулку с алмазами, и обстановка сразу разрядилась. Паша ненадолго стал его покидать, а начальник музея больше не показывался, переложив ответственность за фотосессию на плечи помощника. В это время с самородками стало можно даже поиграть.

Ссылаясь на выбор лучшей «натуры», Закатов выпросил опись коллекции. В ней оказались образцы золота со всех месторождений Якутии и даже из других регионов страны. Этого материала казалось достаточно для создания представительной базы данных самородного золота, которая могла бы послужить для открытия новых месторождений и стать гордостью экспедиции.

---

⁷ С 1969 года в Мюнхене ежегодно проводится крупнейшая минералогическая выставка, на которую приезжают коллекционеры со всего мира, в том числе представители известных музеев. Участие в выставке считается престижным.

Глава 2. Геолог Закатов

Впервые Фёдор Закатов попал на Север семь лет назад, когда проходил производственную практику. Дали ему направление в Приморье, в престижный, по понятиям однокурсников, район, и с Мишкой Полищуком, своим однокашником и лучшим другом, он полетел туда через Якутск.

Думал: «Посмотрю Якутию и поеду дальше». Но всё получилось не так, как он хотел. Когда пришли в геологическое управление, Мишку направили в поисковую экспедицию, а там определили в Рудную партию. К его удивлению, геологи встретили их, как старых знакомых, которых ждали всю жизнь. Фёдору это понравилось, и неожиданно для себя он решил остаться в этой партии. Практику прошёл в Верхоянье, в отряде, занимавшиеся геохимическими поисками оловянной руды. На следующий год Закатов попал туда снова, а окончив университет, приехал уже молодым специалистом.

После первого полевого сезона Фёдор с головой ушёл в работу: изучал и систематизировал полученные материалы, составлял карты. Временами он даже забывал обо всех мирских проблемах и радовался, как ребёнок, когда чистый лист бумаги заполнялся его точками наблюдений и линиями пройденных маршрутов. Вначале карта приобретала вид загадочного рисунка с замысловатыми значками, обозначающими какие-то породы или отобранные пробы. Потом наполнялась разными цветными пятнами, разделенными между собой чёткими границами, которые были проведены на основании наблюдений и исследований, выполненных в маршрутах. Свободного времени почти не оставалось, а хотелось сделать ещё больше.

До завершения очередного отчёта всё шло как всегда, а потом будто что-то сломалось. Это оказался третий отчёт, в котором он принимал участие. Над каждым обычно корпела целая партия, но самая тяжёлая ноша доставалась ответственному исполнителю. Перелопатив собранные материалы, тот сводил всё воедино, делал выводы и писал окончательный текст отчёта.

Именно ответственному исполнителю полагалось превратить результаты усилий всего коллектива в законченный труд и на основании полученного материала доказать факт открытия нового объекта или обосновать проведение дальнейших исследований. А случалось, из-за бесперспективности рекомендовал поставить крест.

Всю чёрную работу, как говорили в экспедиции, выполняли специалисты рангом ниже. К ним относился и Фёдор. На их плечи ложилось то, до чего не доходили руки главного исполнителя: подготовка проб к анализам для лаборатории, сбор фондовых материалов, построение карт и многое другое. К проведению аналитических работ, как правило, подключались минералоги, петрографы, спектральщики, петрофизики, химики-аналитики и другие специалисты, помогавшие решать поставленные задачи.

Полученные результаты Фёдор приводил к логическому завершению. После этого они попадали на стол начальника, и тот уже решал, как ими распорядиться. Перегружать свои отчёты «фактурой» Шурковский не любил, поэтому собранные материалы нередко так и оставались в его объёмных папках, дожидаясь своей очереди, а толстые книги заполнялись переработанной информацией, которую можно было понимать только так, как преподнёс её автор. Вернуться к исходным данным уже не получилось бы.

– Всего должно быть в меру. За излишки спасибо не скажут, – любил повторять шеф. – Диссертации пусть пишут на собственном материале, а наша задача – хорошо отчитаться и списать затраты. Но, конечно, не в ущерб делу.

Автором всех отчётов всегда становился только Шурковский и очень редко кто-нибудь ещё. О других исполнителях можно было узнать из краткого предисловия, в котором он благодарил их за помощь. Мысли Фёдора постоянно возвращались к начальнику. Хотел он этого или

нет, а слова Ачагырова не выходили из головы: «Он поможет, даст самостоятельную научную тему, у него огромные связи. Нужно только хорошо подготовиться к разговору, чтобы вызвать его интерес».

Закатов не собирался заниматься научной деятельностью, защищать диссертацию, издавать научные труды, он хотел только докопаться до истины, а если повезёт – открыть месторождение, но для этого требовалось, чтобы идею поддержали и дали добро на проведение работы. Помочь мог только шеф, и Фёдор с нетерпением ждал завершения его отчёта.

* * *

Закончив «отчётные» дела, Фёдор решил разобраться с музейными пробами. После непростого разговора с директором краеведческого музея он встретился с главным хранителем – Александрой Гавриловной Беловой.

Это оказалась невысокая женщина с чёрными как смоль волосами и тёмными глазами. В её пытливом взгляде Фёдор не увидел удивления. По-видимому, к ней часто обращались с разными вопросами по экспозиции музея и истории края. Говорила она по-якутски и по-русски одинаково хорошо. Присмотревшись, Закатов определил в её внешности якутские черты.

«Теперь даже многие коренные якуты забыли свой родной язык, а она шпарит, как по писаному».

Александра Гавриловна оказалась кладёзем информации. Много из интересовавшего Фёдора она знала на память. Вспомнила она и про эти пробы золота, ради которых он пришёл.

– Ну, как же, конечно, я о них знаю! – сказала она улыбаясь. – Это золото хранится в музейном фонде с 1927 года. Его однажды у нас уже брали для проведения научных исследований, и вот теперь вы его изучаете повторно.

В подтверждение своих слов хранительница музея принесла потрепанную амбарную книгу.

– В журнале учёта пробы золота оприходованы и на них есть акты выдачи и списания металла, ушедшего на исследования. – Она открыла толстую тетрадь и, полистав, быстро нашла. – Смотрите, вот запись. Я прочту.

– «Порядковый номер 5948, инвентарный номер 4021. Золотой песок жёлтого цвета в пакете из плотной бумаги коричневого цвета. Масса 112 граммов. Дата поступления 10 октября 1927 года. Поступил из Комитета по земельным отношениям. Оприходован Е. К. Чуриковым. Председатель С. А. Егоров. Ключ Незаметный.

Примечание: Был передан охотником Егором Охлопковым, проживающим в деревне Учур Алданского района Якутской АССР».

Далее. «Порядковый номер 5949, инвентарный номер 4022. Золотой песок жёлтого цвета в пакете...»

Она остановилась и, посмотрев на Закатова, сказала:

– Тут та же информация, только указан другой вес. Кстати, в этом пакете сто двадцать граммов. И в других пакетах примерно столько же. Итого более пятисот граммов золотого песка. Представляете, какая ценность!

– А что ещё там написано?

– Всё, больше ничего.

От досады глаза Фёдора погасли. Он рассчитывал узнать новую информацию, а, оказалось, её нет.

– К сожалению, я вам больше ничем не помогу. Мы не проводим исследований по каждому экспонату своих фондов. Для этого есть историки, краеведы. Пообщайтесь с ними, может, они что-нибудь подскажут.

Сознание отказывалось верить, что это тупик, из которого нет выхода, и неожиданно для себя Фёдор спросил:

– Александра Гавриловна, а почему это золото поступило в ваш музей?

Этот вопрос застал хранительницу музея врасплох, но, быстро справившись с собой, она сказала, что затрудняется что-либо ответить.

– Комитет передал на хранение. Вероятно, не придумали, куда его деть. Сами понимаете, драгоценные металлы требуют определённого учёта и хранения. Да-а, скорей всего, что так и было. – Посмотрев на Фёдора, она на мгновение замолчала, а потом, будто схватившись за спасительную соломинку, быстро выпалила: – Понимаете, золотой песок поступил к нам с Алдана, а в то время там открыли золотые россыпи.

– Ну и что?

– Как что? Неужели вы не понимаете, это важнейшее историческое событие в жизни страны! Для индустриализации не хватало валюты, а тут нашли крупнейшее месторождение. Золото – это же валюта! Вот комитетчики, видно, в подтверждение этого знаменательного исторического события отправили золотой песок в музей. В качестве новых экспонатов, так сказать. Правда, этот Егор Охлопков, который передал золотой песок, жил в далёкой таёжной деревне, расположенной в устье Учуга. Это намного восточней Алдана, – она показала рукой на окно. – Где-то в тех местах в то время тоже добывали золото. Так что этот золотой песок, может быть, и не из самого ключа Незаметного, на котором впоследствии вырос город, однако этот район всё равно считается Алданом.

– А почему именно Охлопков числится сдатчиком золотого песка, а не какое-то предприятие? Ну, например, артель «Амга», «Тимптон» и тому подобное.

– Потому что он его принёс, – быстро ответила хранительница. – Вообще-то, я об этом никогда не задумывалась. Может, у него не оказалось сопроводительных документов. Сами понимаете, без бумажки ты – букашка.

Теперь Фёдор точно знал, что это золото не сказочное, непонятно как оказавшееся в краеведческом музее, а самое что ни на есть реальное, добытое где-то на Алдане. Значит, в природе существовало и то место, где работали старатели и жил охотник Охлопков, передавший его в земельный комитет. Золото из этого месторождения по химическому составу оказалось близко к известному африканскому гиганту, залегающему среди древнейших пород Земли – таких, какие были известны на Алдане.

* * *

После встречи с Беловой будто бес вселился в Закатова: он в очередной раз заболел «звёздной болезнью», если можно так выразиться. Фёдор решил докопаться до истины и узнать, где отобраны охлопковские пробы. Это могло оказать реальную помощь в открытии месторождения золота нового типа.

После отличной защиты отчёта шефа несколько дней никто не видел. Появился он только к концу недели и казался каким-то мятым и подавленным. Можно было подумать, что отмечал он не успешное завершение работы, а поминал любимую тещу. Минутный разговор с Фёдором Шурковский не забыл и сразу вызвал его к себе.

– Ну, давай докладывай, что там у тебя стряслось? – начал он, поглаживая свой высокий лоб.

Сейчас подвернулся удобный случай поговорить о дальнейшей работе над базой данных. Голова начальника очистилась от вороха старых проблем, а новые ещё не появились, поэтому Фёдор решил воспользоваться возможностью, а шеф, лениво откинувшись на спинку кресла, думал, как после отчёта будет запрыгать подчинённого снова.

Лет десять назад Шурковский пришёл в эту экспедицию рядовым геологом, потом стал ответственным исполнителем темы и наконец начальником партии. Пришёл не по своей воле: понизили в должности за пьянку.

Казалось, карьера Шурковского навсегда закончена – могли бы просто уволить или лишить допуска к секретным материалам, но вспомнили про его светлую голову и дали последний шанс. Шурковский это понял и с какой-то звериной хваткой набросился на работу: как будто этого момента он ждал всю жизнь. Идеи сыпались, как из рога изобилия, а вслед за ними пошли сильные научные отчёты, дававшие прогноз на открытие новых месторождений олова, ртути, золота. Вскоре он защитил докторскую диссертацию, стал советником начальника геологического управления.

– Есть перспективы открыть новый тип золотых руд, – рассказывая о полученных результатах, стал форсировать события Фёдор. – Сходимость анализов просто изумительная, совпадение по всем параметрам.

– Неплохо, неплохо, – рисуя что-то на клочке бумаги, тихо произнёс Шурковский. – Но это всё теория, а мне нужны практические результаты. Пока я не вижу главного – реальной пользы от твоей работы. Ну, похоже музейное золото на африканское, ну и что из этого? Да, там есть самое крупное месторождение. Никто этого не отрицает, но это там, у них, а не у нас. А мы-то что имеем?

Работая главным геологом самой крупной экспедиции геологического управления, Шурковский привык иметь дело с конкретными делами, приводящими к положительным результатам. От него требовали составления новых карт и открытия месторождений, этого же он требовал от своих подчинённых. Теоретические выкладки своих сотрудников он направлял в практическую плоскость. Свою рациональность Шурковский принёс и в эту экспедицию.

– Мы имеем результаты анализов золота, которое, судя по ним, похоже на золото известного Витватерсранда, – сказал Фёдор.

– Что ты поднимаешь бурю в стакане воды? Да какие это результаты? – Ручка в руке начальника задёргалась, на бумаге остались резкие линии. – Две случайные пробы, которые похожи по химизму. И всё! Больше у тебя ничего нет. – Голос его окреп и эхом прокатился по пустому кабинету. Шурковский всегда считал, что он прав. В этом его убеждал богатый жизненный опыт, которого не хватало многим сотрудникам. – Фёдор, пойми меня правильно, это пустая трата времени. У тебя нет ни одной привязки и даже ни одной зацепки. Только твои личные домыслы, поэтому мы не сможем ничего даже прогнозировать на будущее.

– А охотник Охлопков из Учюра? Разве это не зацепка?

– Да какая это зацепка?! Этого охотника уже сто лет как нет в живых. Вот тебе и зацепка.

– Ну, у него, наверное, остались родственники? – не сдавался Фёдор. – Они могут что-то рассказать.

Шурковский поднял на него серые глаза и подумал, что дал ему много свободы. «С такими наполеоновскими замашками, как у этого парня, дела не будет».

А Фёдор увидел непонимание и недовольство: мол, пристаёт он ко мне с пустыми вопросами, да ещё пытается давить.

– Может, и остались, да что толку! – Шурковский бросил ручку. – Что эти родственники могут знать о своём предке? Ну, в лучшем случае как его звали. А возможно, даже и этого не скажут. Ты забыл, в какое время мы живём: сейчас каждый думает только о себе. Что им эти далёкие предки? Если бы они оставили богатое наследство или хотя бы чем-то прославились, тогда можно погреться в лучах их славы. А так что? Ну, был такой дед или прадед, пожил на этой Земле, наплодил наследников и, ничего не оставив, ушёл в мир иной.

Он развёл руками. Этот жест начальника Фёдор истолковал как полный аут. Следовало что-то срочно предпринимать, и Закатов решил пойти ва-банк.

– Виктор Ильич, мне нужна командировка в Учур. Хочу, так сказать, разобраться на месте. Я ненадолго: одна нога здесь, другая там.

Наступила секундная пауза. Шурковский почувствовал, как его охватывает раздражение. Волнами оно опускается вниз, захватывая всё тело.

– Скажи, что ты будешь делать в той деревне? – взорвался он следом. – Искать мифического охотника Охлопкова или расспрашивать про то золото, которое он когда-то сдал в музей? Пойми, это же глупо! Кто тебе про него расскажет? С тех пор прошло больше шестидесяти лет.

Фёдор решил стоять на своём, понимая, что другого случая не будет. После радости, которую он испытал, не хотелось падать вниз, сознавая, что это конец.

– Я буду искать родственников Охлопкова, – сказал он твёрдо. – И уверен, найду.

– Ты в своём уме? Да как ты их найдёшь, скажи мне на милость? Там небось все охотники и среди них полдеревни Охлопковых и наверняка все они родственники.

В кабинет кто-то заглянул. Переведя взгляд на дверь, Шурковский замолчал. Как только дверь закрылась, он попросил позвать Ачагырова и, когда тот пришёл, начальник сказал:

– Владимир Николаевич, ты хоть скажи, где этот Учур?

Шурковскому нравился Ачагыров. Было в нём то, чего не хватало ему самому. Несмотря на своё явно небогатерское сложение, он являлся опытным геологом, проводившим в экспедициях не один месяц и привозившим такие материалы, о каких многие только мечтали. В основе его успехов, как считал Шурковский, лежало какое-то невероятное везение и природное чутье, доставшееся ему от далёких якутских предков, всю жизнь промышлявших в тайге.

– На Алдане. Километрах в трёхстах от города, – сразу нашёлся Ачагыров. – По-моему, туда летает самолет из Алдана и из Чульмана.

– Я не об этом, – перебил его начальник. – Скажи, можно там найти кого-то, или это пустая затея?

– Ну а почему нет? Там живут такие же люди, как мы с вами. В основном, конечно, охотники. Может, в последние годы они стали заниматься земледелием, а до этого их кормила тайга. По-моему, надо очень захотеть – и всё получится, только я не совсем понимаю, кого вы хотите искать?

Ачагыров давно сообразил, что всё дело в Закатове, но, хорошо зная шефа, решил прикинуться последним «валенком». Пусть, мол, скажет сам.

– Да мы всё о том же: о тех пробах золота, про которые тебе Фёдор рассказывал. Видишь ли, он тут собрался открыть новый Витватерсранд, а для этого нужно найти какого-то мифического охотника Охлопкова, который в начале века добыл то золото и сдал в музей. Фёдор говорит, у него всё получится – карты хорошо легли.

На опухшем лице шефа появилась усмешка. Раздражение прошло, но пришло новое чувство, которое он испытывал всегда, когда кто-то его обходил. Пусть это оказался сиюминутный успех соперника только дышавшего ему в спину, но уже представлявшего угрозу. Сейчас маститый специалист чувствовал, что этот молодой может вырваться вперёд и оставить его позади. Этого Шурковский позволить не мог.

– Да пусть он себе едет, может, и правда найдёт кого-нибудь. Дайте ему командировку.

– Что значит «дайте»? – снова взорвался шеф. – Как я его pošлю в какой-то Учур, где мы никогда не работали и работать не будем. Насколько я знаю, в том районе никто не находил золота, и по геологическим признакам его там даже быть не может. Вот на Тимптоне и Гонаме разрабатывали промышленные россыпи, а в районе этой глухой деревни полнейшая пустота.

– Может, ближе к весне получится? – не теряя надежды, спросил Фёдор. – Я пока поработаю со старыми отчётами, вдруг найдётся какая-нибудь зацепка.

Шурковский замахал рукой. Это означало, что результат будет отрицательный.

– Нет! – сказал он властно. – Сейчас ты начнёшь работать по моей новой теме, и тебе уже будет не до поездок. Проблемы докембрийской золотоносности – это не наша епархия. Твоя

затея с этим золотом, по меньшей мере, просто несерьёзна. Чтобы браться за такую работу, нужно быть без царя в голове.

Закатов понял, что терять уже нечего. До этого он ещё строил иллюзии на получение своей научной работы, которой мог бы самостоятельно заниматься, а теперь вопрос решился.

– В нашей жизни много несерьёзного, и тем не менее энтузиасты берутся за решение разных проблем. И у них получается, – сказал он вставая.

Удача от него отвернулась – он упустил свой шанс. Ничего не говоря, парень выскочил из кабинета. Сердце громко стучало, а вдогонку неслись слова Шурковского:

– Мы никогда не будем заниматься этой бредовой работой. Она бесперспективна...

Не видя ничего вокруг, Фёдор пошёл к выходу и столкнулся с Анной Ивановной, разговаривавшей с Леночкой.

– Вот ненормальный, – услышал он вслед.

* * *

Мысли путались, сталкиваясь одна с другой, требовали какого-то решения и, не найдя его, кучей громоздились в голове. Он брёл по песчаному берегу широкой протоки, опоясывающей город. Прошёл мимо причала с разноцветными лодками, мимо сторожки с посаженными на цепь собаками. Завидев постороннего, псы сорвались с места и долго провожали его злобным лаем.

«Я прошу совсем немного: только дать командировку в Учур, но он меня не слышит. Не хочет сделать ни шагу навстречу. А вообще, если честно, я хочу заняться серьёзной проблемой. Прямо сейчас...»

Только дойдя до мыса, вдававшегося в протоку, Фёдор немного успокоился. Он мечтал стать настоящим геологом – профессионалом своего дела, стремился постигнуть тонкости и премудрости этого непростого ремесла. И вот сейчас, когда он чего-то достиг, неожиданно пришло разочарование и переоценка сделанного. Оказывается, он ничего не может сделать, и, главное, никому не нужен. Его база данных, над которой он бился несколько лет, отдавая её составлению каждую минуту свободного времени, стала невостребованной.

А какие были надежды! К сожалению, всё пошло прахом. Кому нужен его не найденный Витватерсранд?! Все над ним только ехидно посмеиваются, считая чудаком, а он молча проглатывает обиды, не зная чем ответить. Как ни больно оказалось признавать, но он потерпел поражение и стал посмешищем в глазах всей партии. И это больше всего терзало его уязвлённое самолюбие.

Стояла поздняя осень. Тускло, словно сквозь сизую дымку, светило холодное солнце, дул лёгкий северный ветер. Листья тальника и берёзки пёстрым ковром устилали остывающую землю, ожидавшую первого снега.

«С меня хватит, надо завязывать с этой геологией, – стоя на мысу, смотрел он на тёмную воду, казавшуюся неподвижной, – надо уходить, пока не засосало, как в топкую трясины. Я уже и так в болоте. В одиночку мне не побороть таких толстокожих, как Шурковский. Завтра же беру расчёт – и до свидания. Можно, в конце концов, вернуться домой, ведь звали же на кафедру. Хотя что там делать? – Он поднял тонкую ветку и хлестанул по трепетавшим на ветру жёлтым листьям. Их подхватило налетевшим потоком воздуха и, полетев вниз, они заскользили по воде. – Да, делать там нечего. Перелопачивать чьи-то материалы и заниматься наукой ради науки я не хочу. Надо что-то придумать. Но что, что?»

Он долго ходил по берегу реки, снова и снова переосмысливая свою жизнь и пытаясь найти выход из создавшегося положения.

«Я докажу этому Шурковскому, что я чего-то могу, – говорил его внутренний голос. – Обязательно докажу! Кроме него есть другие, кто так же, как я, болеет за новое. В этом мире

просто так ничего никому не даётся: каждому приходится отстаивать свои интересы. Нечего ныть и ждать, чтобы тебе всё принесли на блюдечке с голубой каёмочкой, надо найти в себе силы и идти в наступление. Если я не сделаю этого сам, никто не поможет. За свои идеи надо бороться».

С реки принесло запах тины и прелых листьев. Фёдор поёжился от промозглой сырости и резко повернул назад.

Глава 3. Империя под названием «Дальстрой»

Выбор своей будущей специальности Иван Брукс сделал вполне осознанно. Родившись в семье геолога, он тоже стал геологом. Образцы минералов и горных пород, полевые дневники, геологические карты – всё это окружало его с детства, а в памяти крепко сидели воспоминания о полевых работах, проведённых вместе с отцом в предгорьях Урала, в Саянах и на Алтае. И вот, окончив школу и успешно сдав вступительные экзамены, Иван нашёл свою фамилию в списке студентов, зачисленных на первый курс Ленинградского горного института – вуза, славившегося своей более чем вековой школой, из стен которого вышла целая армия геологов и горняков. Среди них оказалось немало тех, кто своими открытиями прославил страну, стал известен за её пределами.

На первую производственную практику Брукс попал в Восточную Сибирь. Случилось это в первые послевоенные годы. В Иркутске, куда он добрался только в середине июня, его направили в экспедицию, занимавшуюся поисками золота. Его партии на месте не оказалось: по словам кадровика, больше недели назад геологи уехали к месту полевых работ. Пришлось догонять. Почти сутки добирался на поезде, а оттуда – где пешком, где на попутке – до деревни, в которой стояли поисковая партия. Целая ватага мальчишек привела «дяденьку геолога» с огромным рюкзаком на спине к большому деревянному дому, смотревшему окнами на лес.

– Вот подарок! – увидев студента, сказал вышедший на крыльцо здоровяк. – Что же не предупредил? Я бы встретил. Ну, заходи, чего стоишь?

Долго студента уговаривать не пришлось. После семикилометрового перехода по полю и лесу с непривычки ныла спина, болели ноги.

– Ты очень кстати, народа у нас не хватает, а площадь немереная, – начал здоровяк. – Партию не укомплектовали, а теперь вот упираемся, из маршрутов не вылезает. Сам понимаешь, геологическое задание надо выполнить любой ценой.

Иван подумал, что ему здорово повезло – все бумаги надо передать начальнику партии лично в руки.

– Товарищ Белкин, я вам привёз письмо из экспедиции и пакет с документами. Вот, пожалуйста, возьмите.

Тот как-то неожиданно смутился.

– Главная здесь Валентина Ивановна Сорокина, – словно переведя дух, сказал он скороговоркой. – Это наш минералог и заведующая лабораторией, а я, так сказать, заместитель начальника. Встречаю застрявшее в дороге снаряжение, а оно, вон видишь, приходит в час по чайной ложке. Зовут меня Николаем Петровичем.

Оказалось, что в деревне стоит только база партии, а все геологи работают в тайге.

– Твоё счастье, что ты застал меня на месте, – продолжал заместитель, – а то пришлось бы поворачивать оглобли. Да, малость ты, парень, припозднился, чуток не поспел. Но ничего страшного, сейчас перекусишь, и я позову Валентину Ивановну. Мы решим, что нам с тобою делать.

Валентина Ивановна оказалась молодой грудастой женщиной с короткими льняными волосами и живыми игривыми глазами. Все её тело дышало здоровьем и излучало заряды бодрости. От вида её стати и неземной красоты у Ивана даже перехватило дыхание. Не мигая, он уставился на вырез лёгкого пёстрого халата, не скрывавшего красивой фигуры. Не обращая внимания, Валентина Ивановна стала «вершить» его судьбу. Вскоре выяснилось, что «заместитель начальника» – всего-навсего снабженец, в задачу которого входит также содержание лошадей. Главная проблема с отправкой Ивана заключалась в том, что проводить до базы геологов его мог только Николай Петрович, хорошо знавший дорогу. Но у него была своя работа, из-за которой он остался на базе. Иван понял, что застрял надолго.

– А мне-то что делать? – спросил он после окончания затянувшейся «планёрки».

– Ждать Николая, – резко ответила Валентина Ивановна. – Как только он управится со своими делами, так вместе и пойдёте. Думаю, через недельку-полторы Николай Петрович освободится. – На лице Ивана она прочла полное разочарование, какое бывает, если чего-то не получается. – Ты не переживай – бить баклуши я тебе не дам. Пока присмотришь за нашими лошадьми, а там видно станет. Лошади пасутся в колхозном табуне, но днями его перегонят на дальнее пастбище, километров за пятьдесят-шестьдесят отсюда, поэтому их лучше забрать. Скоро они понадобятся снова.

Ждать Иван не захотел и стал настаивать, чтобы его отпустили одного. Порядившись и дав кучу наставлений, Валентина Ивановна, пошла ему навстречу.

Шлиховой отряд, куда определили Ивана, стоял где-то в верховье реки Аргун, километрах в пятидесяти – пятидесяти пяти от деревни. Топокарт на базе не обнаружилось, поэтому пришлось идти, ориентируясь на местности и по указанным Николаем Петровичем приметам. Переночевав в какой-то заброшенной деревне староверов, он встал на заросшую тропу и по ней вышел к большой горной реке. Здесь сразу возникли сомнения куда идти: вверх по течению или вниз.

«Поди знай, где стоит этот поисковый отряд? – ходил по берегу Иван. – Хоть бы оставили какую-нибудь зарубку или колышек воткнули. Тоже мне, геологи. И завхоз хорош – мог бы сказать. Небось подумал, что я сам разберусь».

Прошедшие дожди смыли все следы, и, просчитав возможные варианты, Иван пошёл вверх по течению. Поздно вечером он предстал перед глазами опешившего от удивления начальника партии, накануне пришедшего из маршрута.

– Ты кто такой? – глядя на Ивана, хлопал он глазами. – Откуда взялся?

Белкин не верил своим глазам. Такого в его бытность ещё не случалось. Не предупредив, к нему отправили студента, и тот сам нашёл их в тайге.

«Какая-то фантастика! Уж не беглый ли?» – мелькнула у него шальная мысль.

Документы Ивана оказались в полном порядке. Судя по паспорту и привезённым бумагам, перед ним действительно стоял студент Ленинградского горного Брукс Иван Петрович, направленный приказом начальника экспедиции в его партию для прохождения производственной практики в должности геолога.

– А почему один, где Петрович? – стал выяснять начальник. – Что с ним?

Узнав, что тот жив, здоров и через неделю-полторы получит последнее снаряжение, Белкин успокоился. Теперь его партия оказалась более-менее укомплектована ИТР. А потом откуда-то из глубины души подошло недовольство на своих подчинённых.

– Ну, Петрович, ну, разгильдяй, даже не проводил! А Валентина, тоже мне хороша! Да как они посмели тебя отпустить одного? Вот, ёлки-палки, что за народ такой! Задницу им, видишь ли, трудно оторвать от стула. А этот, тоже мне, хорош, пригрелся возле бабы...

Вокруг них собрался весь лагерь. Кто в чём выскочил из палаток и теперь с любопытством рассматривал студента, неожиданно оказавшегося в их отряде, когда никого уже не ждали.

– Григорий Тимофеевич, да вы не расстраивайтесь, ведь он же дошёл, – сказала молодая женщина в синей телогрейке. – А Николай Петрович всегда был таким: думает только о себе.

Пришлось Ивану всю вину брать на себя.

– Да за такое геройство я бы тебя выпорол как сидорову козу, – немного успокоившись, с новой силой разошёлся Белкин. – А вдруг бы ты заблудился или на тебя напал медведь? Неужели ты не понимаешь, что одному ходить опасно? Это же тайга! Ну, подождите же вы у меня, скоро я до вас доберусь, – помахал он рукой в ту сторону, откуда пришёл студент. – Валентине я всё-таки объявлю выговор. Будет знать, как командовать. Тоже мне, не могла Петровича отпустить от себя...

Через несколько минут страсти улеглись, и начальник повёл Ивана в свою палатку.

* * *

В отряде Белкина Брукс в совершенстве освоил шлиховой метод поисков, применявшийся с далёких дедовских времен. Азам его учил Макар Кузьмич, или просто Кузьмич, как все звали промывальщика.

Ничего хитрого в шлиховом методе не было. О нём Иван сам не раз рассказывал школьникам, когда проводил занятия геологического кружка. На берегу реки он набирал мелкую гальку с песком в деревянный лоток⁸ и промывал в стоячей воде. Камушки и лёгкие минералы при промывке смывались, а тяжёлые по закону гравитации оседали на дне лотка. В тяжёлую фракцию, которая и являлась тем самым шлихом, ради которого проводилась промывка, попадали золото и ещё десяток разных минералов. Присутствовали среди них магнетит, касситерит, вольфрамит, гранат. Промытый шлих Иван собирал в мешочек и вместе со школьниками анализировал в экспедиционной минералогической лаборатории. Здесь школьники проходили все стадии обработки шлихов и определяли минералы. Некоторых это занятие так увлекало, что поиски месторождений становились целью их жизни. Опытный промывальщик видел главные рудные минералы уже при промывке и, не дожидаясь результатов минералогического анализа, проводил целенаправленные поиски. Отшлиховывая долины безымянных ручейков и речушек, наши предки нашли золото на Урале и по всей Сибири.

Иван считал, что хорошо знает этот метод, однако Кузьмич его разуверил. Этот промывальщик, невысокого роста, с могучей седеющей бородой и рыжими усами, смотрел на мир, широко открыв глаза, но за многие годы не разочаровался, не озлобился. Кузьмич с лёгкой иронией и вполне добродушно относился к Ивану, наставляя и иногда подшучивая над его неуклюжими движениями.

– Ваня, ну, как ты держишь лоток? Ты же его сломаешь, возьми вот так, – показывал он студенту. – С лотком надо нежней и пошустрей немного, как с бабой, надо с ним обращаться. Главное, не суетись, как таракан на сковородке. Перво-наперво гальку надо вылизать, чтобы освободиться от глины. Учти, в примазках сидит то самое золото, которое мы ищем, поэтому галька должна быть чистой и гладкой, как яичко.

– Понятно, – обливаясь потом, ответил студент. – Сейчас домою.

И Иван старательно промыл гальку, в душе ругая Кузьмича за его занудство.

– А шлих ты отобрал откуда? Это же нижняя часть косы, там материал перемытый. Видишь, порода вся отсортированная, будто вышла из-под сита. Выхода тяжёлой фракции тут не будет, весь мелкий материал унесло вниз по течению. Если уж ты решил опробовать косу, так надо взять пробу из головки. Лучше брать несортированный грубообломочный материал с примесью глины, а место для отбора шлиха надо выбирать там, где золото оседает. Вон смотри, – он показал на пережат, за которым река резка успокаивалась и русло расширялось. – Вот там в самый раз отобрать пробу. И не забывай про лоток, смотри за ним, – наставлял его Кузьмич. – Когда закончишь отмучивать и сбросишь крупную фракцию, тогда лоток можно будет держать на плаву, а пока терпи. И полегче им двигай, малость плавней.

Если у Ивана не получалось, Кузьмич от души матюгался и лез за папиросой. Курил он много, но махоркой не баловался. Считал, что брошенная в тайге самокрутка может сама разгореться и наделать много бед.

– Слушай меня внимательно. Ты без пяти минут инженер, а до сих пор не знаешь такой простой истины, – говорил он, затягиваясь. – Когда домываешь, надо меньше оставлять воды,

---

⁸ Для промывки шлиховых проб обычно используются лотки, сделанные из разных материалов. Наиболее удобен и чаще применяется на практике лоток, имеющий две широкие наклонные стенки, сходящиеся посередине и две маленькие, слабо наклонные стенки, примыкающие к широким. Лотки выпиливают из целого куска дерева, чаще из кедра, берёзы или сосны.

чтобы не сбросить тяжёлую фракцию. В ней как раз всё золотишко, которое ты намыл. Вот тут, парень, надо смотреть в оба. Понял?

Иван послушно кивал головой, а Кузьмич, докурив папиросу, в очередной раз брал лоток в руки, и тот, как послушный кораблик, плавал в воде. Он то крутил его волчком, то двигал вперёд, то возвращал назад или клал с одного бока на другой, то резко останавливал. При этом шлик катался по всей плоской поверхности лотка, лёгкие песчинки уходили вместе с водой, а чёрный шлик оставался в бороздке. У Ивана вначале ничего не получалось. Лоток, нагруженный породой, тонул, и, чтобы его удержать, приходилось прикладывать немыслимые усилия. Потом студент приспособился, стал буторить острым носиком геологического молотка. Желтый глинистый шлейф поплыл вниз по ручью. Увидав, как легко его ученик вышел из затруднительного положения, Кузьмич только ухмыльнулся.

– Можно, конечно, и так пробуторить, если здоровье не позволяет, да только хороший промывальщик так не моет. Для этого есть гребок. Вот им и перемешивай породу, а муть сливай. Тебе, Ваня, надо срочно поправить здоровье. Я вижу, нет у тебя сил, а тайга, она, знаешь, слабаков не любит.

От обиды Иван чуть не бросил лоток. Слабаком его никто ещё не называл. Высокий, широкий в плечах, Иван в институте играл в волейбол, участвовал в легкоатлетических кроссах и лыжных гонках, занимался гирями. Его голубые глаза и приветливая улыбка свели с ума ни одну однокурсницу.

«Я пятьдесят пять километров отмахал по этой самой тайге, а он мне – слабак. Сам ты слабак, попробуй пройди столько!»

– Вообще, твоей сообразительности могут позавидовать многие, – словно почувствовав дурное настроение студента, бросил ему леца Кузьмич. – Всё у тебя получится, только нужно терпение. Никогда не горячись, а то, я вижу, ты норовишь всё сделать быстро, а тут выдержка нужна. И ещё учти, что кроме умения удержать на лотке золото надо познать все тонкости и, главное, найти место, где отобрать пробу. От этого зависит результат твоей работы, а может даже, и всех поисков.

Кузьмича считали лучшим промывальщиком экспедиции. Как он оказался в партии Белкина, Кузьмич никогда не говорил, но зато любил рассказывать о своих приключениях и особенно о том, как работал на Алданских золотых приисках. Промывальщик открыл Ивану свою душу: поведал, как искал богатые россыпи золота, и какие сильные люди окружали его в тайге. В конце полевого сезона студент знал многое из его биографии и в душе мечтал оказаться на Алдане.

* * *

Видно, в те дни у Брукса укрепилось желание во что бы то ни стало попасть на Алдан. Но судьба распорядилась иначе: после окончания института вместе с красным дипломом ему вручили направление на работу в Магадан. На угловой печати он увидел надпись: «ГРУ треста “Дальстрой” Министерства цветной металлургии МВД СССР»⁹. В то время Магадан ассоциировался с Колымой – край света, куда ссылали заключённых.

А ещё это был край жутких морозов и вечной мерзлоты – гиблое место, чуждое всему живому.

---

⁹ «Дальстрой» – государственный трест по дорожному и промышленному строительству в районе Верхней Колымы, осуществивший в 1930–1950-х годах освоение Северо-Востока СССР. С 1938 года – Главное управление строительства Дальнего Севера НКВД СССР «Дальстрой», с 1945 года – ордена Трудового Красного Знамени Главное управление строительства Дальнего Севера НКВД СССР «Дальстрой», с марта 1946 года – подведомственно МВД СССР, с марта 1953 года – переподчинено Министерству металлургической промышленности СССР.

На поезд Москва – Владивосток, которым он должен был ехать почти до конечной станции, билетов не оказалось. Не осталось их ни на ближайшие дни, ни на последующие. Подумав, Иван пошёл к начальнику вокзала, и, когда тот увидел дальстроевское направление на работу, билеты сразу нашлись, и на выбор. Так впервые он узнал, какой страх испытывают люди к организации, через которую прошли тысячи узников ГУЛАГа.

За окнами поезда мелькали степи, горы, бескрайняя тайга, и однажды, когда только занималась заря, Иван увидел Байкал. Над водой стелился плотный белый туман, а на горизонте тёмно-серое небо сменилось тёмно-синим, потом стало зеленовато-голубым и наконец розовым. Вдруг всё вокруг изменилось: ослепительным потоком полились солнечные лучи. До самого горизонта лежала водная гладь, а над ней висели редкие островки тумана. Неожиданно поезд замедлил ход и, дёрнувшись, резко остановился. В мгновение ока Иван оказался в ледяной воде. Сбылась его давняя мечта.

В находкинской «транзитке», как называли ведомственную гостиницу «Дальстроа», казалось по-домашнему чисто и уютно. По записке дальстроевского представителя Ивана определили на постой в хорошем номере и даже покормили, а потом принесли билет на пароход до Магадана. Капитальное здание «транзитки», как памятник сталинскому режиму, возвышалось над городскими домишками, пугая своей мрачной безмолвностью. Здесь останавливался только начальствующий состав этого ведомства, а заключённых ждали бараки за колючей проволокой, с часовыми на вышках.

Светило солнце, дул лёгкий ветерок, приносивший прохладу и запах морской воды. Иногда в воздухе ощущался едкий запах йода, доносившийся от морских водорослей, выброшенных на берег могучими волнами. Иван брёл по песчаному берегу Японского моря, волны с тихим шелестом накатывали на ноги.

«Конечно, это не Чёрное море, но всё равно – самое настоящее море. И главное – на самом краешке земли. Отсюда уже недалеко Япония, а до Китая – рукой подать. Какая же у нас огромная страна! – с восхищением думал Иван. – Трудно даже представить, что всего полмесяца назад я жил другой жизнью, а теперь оказался на краю света».

Теплоход «Ильич», совершавший рейс по маршруту Находка – Магадан, считался довольно комфортабельным судном, доставшимся по репатриации от поверженной Германии. Как положено морскому судну, тут было несколько палуб, каюты разных классов и кают-компаний. Ивана разместили в каюте второго класса с крепким топчаном и круглым иллюминатором посередине. Когда заработали двигатели, он вышел на палубу и с грустью посмотрел на берег.

* * *

Матросы отдали носовые и кормовые концы, и, медленно отвалив от причальной стенки, теплоход набрал скорость. Слабый ветерок приятно обдувал лицо, навевая радужные мысли. Когда вышли в открытое море, подул сильный ветер, палуба стала уходить из-под ног.

– Держитесь, братва, на море шторм, – сказал проходивший матрос. – Сейчас лучше залечь в каюте и ждать, пока не стихнет.

Иван последовал его совету, а с утра снова стоял на палубе. Серое небо висело прямо над головой, не предвещая улучшения погоды. Волны захлестывали палубу и, превратившись в фонтан брызг, скатывались вниз. Неожиданно в небе появились два самолёта. На бреющем полёте они с рёвом пронеслись над теплоходом и, развернувшись, пошли на сближение.

– Разойдись по каютам! – заглушая шум волн и гул самолётов, закричал капитан. – Быстрей вниз! Это американцы, нас могут атаковать. Торопись...

На палубе поднялась невообразимая паника. Возле входа на лестницу образовалась давка, но Иван остался на палубе, не в силах сдвинуться с места. Что-то подобное трудно каза-

лось даже представить: война с Германией закончилась её поражением, мы победили, и теперь бывшие союзники угрожают советскому судну, находящемуся в своих территориальных водах. Он подумал, что это ошибка, но при очередном заходе самолёты снизились ещё больше, и на крыльях он увидел белые звёзды и даже рассмотрел самих лётчиков: «Вот подарок! А ведь это и правда американцы. Они же нарушают государственную границу, летают, как у себя дома. А где же наша авиация, где пограничники? Вдруг американцы нас обстреляют?»

Иван быстро спустился в каюту. Здесь было тихо и, как он считал, безопасно. Самолёты улетели, а о произошедшем инциденте скоро все забыли. Теперь каждый думал только о том, как побороть морскую болезнь. Волны накатывали одна за другой, теплоход швыряло, как щепку, и временами казалось, что он вот-вот пойдёт ко дну. Только на пятый день пути, когда вошли в бухту Нагаева, море успокоилось.

Бухта Нагаева служила морскими воротами Магадана – столицы Колымы. В неё заходили все суда, пришедшие в этот суровый край. Сюда же привозили и заключённых.

Ивана встретили у трапа теплохода как большого начальника, приехавшего с «материка» с какой-то проверкой, и на грузовике отвезли в очередную «транзитку», расположенную на четвёртом километре Колымской трассы. Из-за этого она так и называлась «Четвёртая».

Эта гостиница «Дальстрой» как две капли воды походила на находкинскую, только была построена не из кирпичей, а из добротного круглого леса. Здесь чувствовалась такая же основательность, внушавшая уважение и покорность. От капитального здания веяло гнетущей мрачностью, давившей на психику. В просторном полупустом бараке посередине стоял длинный стол, а рядом с ним примостились две печки-буржуйки, вдоль стен размещались деревянные нары. В империи под названием «Дальстрой» всё напоминало о том, что каждый может оказаться в бараке за колючей проволокой.

* * *

После исследований, проведённых экспедициями Обручева, Билибина и Цареградского в 1920–1930 годах, на Северо-Востоке страны, оказались открыты крупные месторождения золота и других полезных ископаемых. По геологическим прогнозам, запасы золота в бассейнах рек Колымы и Индигирки составляли более двадцати процентов всех известных мировых запасов. Наибольшими в стране были запасы олова. Это предопределило будущее региона, и решением Центрального Комитета ВКП(б) в ноябре 1931 года появился «Государственный трест по промышленному и дорожному строительству в районе Верхней Колымы» – «Дальстрой».

Главной задачей треста являлась разработка месторождений золота, разведка и добыча других стратегически важных полезных ископаемых, а также создание базы для освоения и эксплуатации необжитых территорий Северо-Востока СССР. Территорию «Дальстрой» выделили в особый автономный район, решения о деятельности которого принимались на уровне ЦК ВКП(б), СНК и СТО СССР, а позднее – НКВД СССР. Все решения являлись секретными. Структура «Дальстрой» представляла собой жёстко централизованный, индустриальный лагерь во главе с директором. В руках директора находилась вся полнота власти на Колыме. Трест пользовался правом на монопольное использование всех природных ресурсов, все товары освобождались от налогов и сборов, а выручка от их реализации оставалась в его ведении.

В начале 1932 года в бухту Нагаева пришвартовался пароход «Сахалин», которым прибыл на Колыму директор нового треста Эдуард Петрович Берзин со своим руководством. Этим же рейсом доставили первых заключённых. Так начался новый этап в освоении огромного региона под названием «Колыма». Под руководством Берзина «Дальстрой» превратился в мощное горнодобывающее предприятие, однако либеральное отношение к заключённым

стоило ему жизни. Берзина обвинили в организации и руководстве «Колымской антисоветской, шпионской, повстанческо-террористической, вредительской организации». Расстрел всех 139 членов этой организации утвердили Сталин и Молотов. В короткий срок высший и средний состав дальстроевских руководителей полностью обновился, а «Дальстрой» переподчинили НКВД СССР. Так с 1938 года начался гулаговский период.

Производственная база «Дальстроя» считалась колоссальной даже по масштабам СССР и включала в себя к 1953 году 450 предприятий. В их числе попало 89 приисков, рудников и фабрик, кроме того – свои электростанции, нефтебазы, узлы связи, радиоцентры, морские и речные порты, аэродромы, узкоколейные железные дороги. «Дальстрой» имел свой морской и речной флот. До 1937 года район деятельности треста не имел чётких административных границ. Его площадь составляла 700 тысяч квадратных километров, а в 1941 году уже превысила 2 миллиона. На всех предприятиях и в учреждениях «Дальстроя» работали более 200 тысяч человек. Из них только пятнадцать процентов являлись вольнонаёмными. Остальные – заключённые и спецпоселенцы.

В экстремальных северных условиях заключённые построили несколько тысяч километров автодорог, около 100 различных посёлков. Особенно быстрыми темпами развивалась горнодобывающая промышленность. Геологические исследования охватили территорию более 1 млн 700 тыс. кв. километров, оказались открыты месторождения многих полезных ископаемых, но главным на протяжении всего существования «Дальстроя» оставалось золото.

К концу 1930-х годов трест «Дальстрой» стал крупнейшим золотодобывающим предприятием СССР. Одновременно Колыма вошла в число крупнейших мировых центров золотодобычи. В 1932 году на пяти колымских приисках было добыто 499 килограммов химически чистого золота, через пять лет – 51 500 килограммов, а в 1940 году – 80 000 килограммов. Это был пик, после чего количество валютного металла стало незначительно снижаться и в конце деятельности «Дальстроя» добывали не более 40 тонн в год. Всего же с 1932 по 1956 год включительно трест сдал государству почти 1060 тонн золота.

Глава 4. Зеленокаменный пояс

После работы Фёдора нашла Лена, стройная светловолосая девушка с бледно-голубыми глазами и ярко накрашенными губами. На ней было зелёное платье, на шее блестела золотая цепочка. Фёдор хотел пройти мимо, но девушка быстро шагнула навстречу. Лена работала геологом в геохимической партии, занимавшейся поисками полезных ископаемых, и так же, как все, каждый год ходила в поле.

– Федя, что случилось, ты почему, выскочил от шефа как ошпаренный? На тебе лица нет. – Тонко подведённые брови взметнулись вверх, глаза расширились.

Фёдор насупился. После встречи с Шурковским он едва пришёл в себя, и объясняться с Леной совсем не хотелось.

– Да так, – уклончиво ответил парень, – решил погулять на свежем воздухе, пошёл на реку. А там, знаешь, так здорово! Вот только собаки напугали.

Лена не отставала. Она хорошо знала Фёдора и считала, что он способен на опрометчивые поступки.

– Я же вижу, что у тебя какие-то серьёзные проблемы. Давай рассказывай, не тяни резину. Может, вместе что-нибудь придумаем.

Фёдор нехотя рассказал о разговоре с начальником партии и о своём решении, которое принял после той роковой встречи.

– Ну, и дурак ты, – не сдержав себя, резко сказала Лена. – Ты просто ненормальный! Шурковский – специалист, каких надо поискать, это человек с большой буквы, и к тому же он всегда был и останется в фаворе, а ты собрался от него уходить. Да у него лучшая партия во всей экспедиции, в которую все мечтают попасть. И я бы не против, да только он не берёт к себе, – разочарованно произнесла девушка. – Разве можно поступать так опрометчиво? Он же двигает своих, глядишь, и тебя бы подтолкнул.

Выпалив на одном дыхании, Лена тяжело вздохнула. Ей хотелось помочь, однако девушка чувствовала, что переубедить Фёдора будет непросто.

– Понимаешь, мне хочется заниматься своим делом, и я хочу, чтобы мне не мешали. Поэтому я ищу свою дорогу. Понимаешь, свою.

Он посмотрел на себя со стороны и увидел прилично одетого молодого человека с зачёсанными набок волосами и доброжелательной улыбкой. Но, присмотревшись, обнаружил, что эта улыбка исчезла, а на смену ей пришла какая-то упёртость и даже озлобленность, чего раньше он в себе не замечал.

– Ты же взрослый человек, а занимаешься ерундой. Мечешься из стороны в сторону, как ненормальный. И долго ты будешь её искать, эту дорогу?

– Как получится. Не всё зависит от меня.

– Ну, что же, большому кораблю – большое плавание. Только смотри не нарвись на айсберг. «Титаник» был большой, а пошёл ко дну.

Увидев, что от Фёдора сейчас ничего не добиться, Лена мысленно успокоилась и позвала его в кино.

– В «Лене» идет зарубежное кино. Светка мне достала два билета.

Никуда идти Фёдору не хотелось, но девушка настояла. На улице оказалось ветрено, капал мелкий дождь. Как обычно, сели в последних рядах, и только погас свет, девушка к нему прильнула.

– Федя, там пока ничего интересного. Обними меня, ну пожалуйста. Ты что, меня совсем разлюбил?

Фёдор поцеловал её в губы. От неё пахло духами, которые он подарил на Восьмое марта. Сейчас Лена почувствовала прежнего Фёдора: сильного и страстного. Именно таким она его

любила. Но из головы не выходила его размолвка с Шурковским. «Он, правда, ненормальный. Тоже мне, пуп земли! Такие перспективы на будущее, а он собрался сбежать. И было бы из-за чего. Подумаешь, шеф не отпустил в командировку!»

На экране замелькали кадры, раздалась выстрелы, но Фёдор смотрел невнимательно – перед глазами стоял разговор с начальником.

«Ему надо, чтобы я работал только на него. Ну ладно, ты со мной не согласен, считаешь мою идею полным бредом, но мог бы дать командировку. Я бы съездил и, возможно, сам бы отказался от затеи с поисками Охлопкова и этого золота. Нет, его не переубедишь, упёртый как баран: ничего не видит и не слышит. Такой никому не уступит, будет бодаться до последнего. Ладно, проехали – Аннушка уже разлила масло...»

– Анна Ивановна мне рассказывала об этом фильме, – наклонившись к нему, тихо шептала Лена, – сейчас этот хитрый жук всех подставит и уведёт миллион долларов. Всё как в нашей жизни: вкалывают все, а их труды пожинает кто-то один...

Фёдор повернулся к Леночке, и его рука как-то сама собой оказалась у неё на коленях.

– Ну, здесь же люди, перестань, пожалуйста, – прижав его руку своей ладонью, прошептала Лена. – Федя, ну что ты делаешь?

Не досмотрев кино, они вышли из зала.

* * *

Главный геолог экспедиции Илья Моисеевич Федотов принял Фёдора только в конце следующего дня. В его просторном кабинете торцом к окну стоял большой письменный стол, сбоку примостились мягкие стулья.

– Да, серьёзные у вас дела, Фёдор Степанович, – услышав, с чем тот пришёл, официальным тоном начал Федотов. – Но радует то, что вы Лазаря не поёте, не плачетесь, как некоторые. А что мы будем делать с вашей базой данных? Прделана такая серьёзная работа, и что же теперь, её забросить?

– Как забросить, зачем? – встрепенулся Закатов. – Я буду её поддерживать. Там столько ценной информации, что не сегодня, так завтра она обязательно понадобится. За такими сводками будущее.

– Ну, слава богу, успокоил, а то я уже не знал, что и думать. Твоя база данных у меня вот здесь уже сидит. – Он почесал затылок и усмехнулся. – Откровенно говоря, устал отбиваться от Волченко и разных контролёров. Владимир Иванович на весь свет растрезвонил, что ты расходуешь государственное золото на проведение никому не нужных анализов. Завалил всех докладными. Дошло и до нашего генерала, а тот, как ты знаешь, всё спустил на тормозах. Сказал, чтобы тебя не трогали.

– Поначалу мне тоже досталось от Билибонса, но потом он понял, что это нужное дело и даже стал помогать. Так что на Владимира Ивановича я не в обиде.

Слух о закатовской базе данных дошёл даже до министерства, и чиновники воспылали желанием получить её во временное пользование якобы для тестирования, чтобы в дальнейшем внедрить в производство. О каком производстве шла речь в письме, подписанном заместителем министра, ничего не говорилось, но стало совершенно очевидно, что базу хотят прибрать к рукам. И, чтобы её не потерять, потребовалось вмешательство начальника экспедиции, написавшего вескую отписку в министерство.

– В общем, Фёдор Степанович, твоя проблема решаемая. – Как-то незаметно Федотов перешёл на «ты». – Ты посмотри, на какой огромной территории мы работаем, здесь без малого пятая часть России. – Он с гордостью показывал на разноцветную карту Якутии, занимавшую почти всю стену позади его стола. – Представляешь, какой размах! И практически везде есть

наши интересы. А если учесть, что на всей этой территории разное геологическое строение и свои особенности, то это настоящая вольница для науки.

Эту красочную карту Закатов знал хорошо. Точно такая же висела в его кабинете и во многих других. И немудрено, родилась она в стенах их экспедиции. На схеме картосоставительских работ, где отображался вклад каждого исполнителя, материалы Федотова занимали львиную долю.

– В нашей экспедиции работы хватит на всех, – продолжал главный геолог. – Вот только куда тебя определить, я что-то сразу не соображу. Конечно, идея у тебя неплохая, это очевидно как день, но она должна вылежаться. С этим надо хорошо разобраться и только потом можно бить челом перед начальством.

Слова, произнесённые с отеческой заботой, заставили Закатова по-новому взглянуть на своё теперешнее положение. У Шурковского он больше работать не хочет, а новой работы ещё нет, поэтому его дальнейшая судьба теперь полностью зависит от Федотова.

«Для него это ЧП районного масштаба, а для меня – полный облом. Явился тут, видишь ли, блудный сын со своими проблемами и чего-то просит».

– Ты как-то очень резко решил поменять свою специализацию, – глядя на Закатова, сказал Илья Моисеевич с упрёком. – Так, вообще-то, не делают, мог хотя бы меня предупредить, а то подвёл под монастырь. Зашёл бы посоветоваться, может, что-нибудь придумали. Ну, да ладно, ничего теперь не поделаешь – поезд ушёл! – махнул он рукой. – Конечно, жаль потерянного времени, всё-таки ты не один год занимался проблемами Виктора Ильича. Слышал, даже собрал материал на диссертацию, осталось только написать и защитить, – с иронией в голосе поддел он Фёдора. – А сейчас, дорогой товарищ, тебе придётся начинать всё заново. Всё сначала, – добавил он, покачав головой. – Откровенно говоря, ты меня серьёзно озадачил.

На его гладко выбритом холёном лице заходили желваки, на лбу обозначились морщины. Закатова следовало куда-то определять. В экспедиции велись работы по геохимии¹⁰, минералогии¹¹, методике разведки полезных ископаемых и даже по применению космических фотоснимков в народном хозяйстве, а вот морфологией кристаллов¹² – в чём Закатов был специалистом, никто не занимался. Слишком узкоспециализированное направление, не попадавшее ни в одну программу.

– Может, ты займешься алмазами? – доброжелательно сказал Федотов. – Для тебя эта тематика ближе всех. Алмаз – это тот же кристалл, изучай его себе хоть до второго пришествия. Только специфика там другая и, соответственно, методика поисков.

Он снял массивные роговые очки и стал медленно протирать их бархатной тряпочкой, которую вытащил из бокового ящика письменного стола. Под серыми глазами Закатов увидел две розовые полосы, отпечатавшиеся от очков.

– Если хочешь, переключайся на железо. Небось слышал, на Сутаме Гавриков открыл новую магнитную аномалию, отражающую целый железорудный район. Поначалу многие считали, что это разрозненные участки, а теперь мы доказали, что это единая структура с промышленными объектами. Их тоже надо изучать кому-то. Давай берись, очень перспективное направление, можно ещё одну диссертацию написать.

Закатов заёрзал на стуле и молча замотал головой. Разговор про диссертацию навёл его на грустные размышления. Ещё в университете он мечтал о научной карьере и, придя в экспедицию, даже сдал кандидатские экзамены, но, погрузившись в рутину, со временем к ней охладел.

---

¹⁰ Наука, изучающая распределение и процессы миграции химических элементов в земной коре.

¹¹ Наука о минералах.

¹² Раздел минералогии, изучающий форму кристаллов.

– Я со студенчества не питаю любви к чёрным металлам. Мне бы что-нибудь по душе, ближе к той тематике, про которую я вам рассказал. Словом, поближе к поискам золота.

– По душе, говоришь, – сморщив лоб, опустил голову Федотов, и в глаза Фёдору бросилась горбинка на его большом носу. – Все хотят заниматься только тем, что им нравится, а кто же будет, прости меня за прозу, дерьмо разгребать? Если все будут делать только то, что им нравится, мы с голоду умрём.

Крыть было нечем – Закатов молча кивнул, но заниматься работой, к которой не лежит душа, ему не хотелось. Поглаживая лысину, Федотов оценивающе смотрел на парня. Толстые губы вытянулись трубочкой.

– Ну, что молчишь? Вижу, тебя не устраивает моё предложение, не хочешь посвящать себя железу. А зря! Очень перспективное направление.

От того, каким тоном это было произнесено, у Фёдора ёкнуло в груди. Мурашки пробежали по коже.

«Вдруг сейчас пошлёт куда-нибудь подальше. Второй раз я к нему не пойду, придётся собирать свои вещички».

– Ну, раз так, тогда у нас с тобой пойдёт другой разговор, – вдруг сказал Федотов, – предложу я тебе заняться одной не совсем обычной проблемой, которая связана с твоим призрачным открытием.

* * *

«Интересно, что за проблема? – подумал Закатов. – Скорее всего, продолжение работы по базе данных. Работа, конечно, интересная, но на сегодняшний день я подчистил все «хвосты». Разве что у Федотова есть выход на новые объекты. А может...»

Перед глазами мелькнула золотая гора, блестящая в лучах восходящего солнца. Сверху сыпался золотой песок, и гора быстро росла вверх и вширь. В следующее мгновение гора исчезла, а перед ним сидел Федотов. Он улыбнулся, и первый раз за время их разговора Закатов увидел его раскованным – не похожим на того, каким знал прежде.

«А он, оказывается, не такой зануда, как говорят о нём мужики, и вроде нет у него того чёрного юмора, пробирающего до костей. Хотя, может, просто прикидывается добрым дядей. Сейчас возьмёт и скажет: “Простите, молодой человек, я в вас ошибся”».

Подзадорив Фёдора, Илья Моисеевич вёл беседу на общие, ни к чему не обязывающие темы. Возможно, он посчитал, что поспешил с предложением и хотел уйти от него или по каким-то другим, одному ему известным причинам, тянул резину. По тону его воркующего голоса Фёдор ничего не определил. Наконец Федотов произнес:

– Ладно, давай вернёмся к нашим делам, а то битый час мы говорим обо всём и толком ни к чему не пришли. Несколько лет я подбираюсь к одной очень интересной проблеме, но всё не могу решиться поставить её в качестве самостоятельной научной темы. Это связано с разными причинами, обо всех я говорить не буду, а одна из главных – ответственный исполнитель. Для решения этой проблемы нужен сильный и толковый геолог, который смог бы раскрутить и довести её до конца. И непросто довести, а получить положительные результаты. Понимаешь, мне нужны результаты. Если их не будет, то грош – цена этой работе. Подготовка у тебя, я знаю, неплохая, есть и крепкий характер. По моим прикидкам, ты подойдёшь.

Главный геолог забарабанил пальцами по столу, что-то наговаривая себе под нос. В его глазах мелькнули живые огоньки.

– А что за проблема? – не выдержал Закатов. – Какого плана?

– Поиски золота в зеленокаменных поясах. Та древняя россыпь, о которой ты говорил, как раз относится к таким поясам, или, как их у нас называют, докембрийским трогам. Только

Витватерсранд – единственный в мире и, возможно, неповторим, а у нас есть свои пояса. В них тоже должны быть золоторудные месторождения.

О зеленокаменных поясах Закатов знал немного, но суть разговора стала ясна: ему предлагают заняться новой проблемой, напрямую связанной с его базой данных, вернее, с двумя музейными пробами золота из неизвестного объекта: «Оказывается, ларчик просто открывался, а я тут ломаю голову, как решить свою проблему. Есть ещё люди, которые болеют за науку».

– Зеленокаменные пояса – это узкие линейные структуры, сложенные вулканогенными¹³ и осадочными породами¹⁴, которые залегают среди древних сланцев и гнейсов¹⁵, – стал рассказывать Федотов. – Их длина достигает сотен километров, а ширина не превышает десятков. В таких поясах находятся месторождения многих полезных ископаемых, в том числе и золота. Зеленокаменные пояса известны практически на всех шитах¹⁶ мира. Есть они в Америке, Африке, Австралии, есть и у нас. Но, к величайшему сожалению, в нашей стране не открыто ни одного месторождения золота. В то время как за рубежом из месторождений этого типа извлекают более 35 процентов драгоценного металла, мы не получаем ни грамма. Улавливаешь, где настоящий Эльдorado?

Из толстой папки Федотов вытащил листок бумаги в клеточку с вычерченными на нём диаграммами. Закатов успел прочитать на папке надпись: «Полезные ископаемые».

– Вот посмотри, здесь показана годовая добыча золота в разных странах. Без учёта нашей страны, конечно. Столбики жёлтого цвета – это золото из зеленокаменных поясов.

Возле самых длинных Фёдор увидел подписи: «ЮАР», «Канада», «Индия»...

– Видишь, везде добывают золото, а у нас в похожих структурах его почему-то нет, – повторился главный геолог. – Просто чудеса в решете. Но так ведь не должно быть – в природе всё повторяется: раз известно в одном месте, то должно быть где-нибудь в другом. А почему нет, никто толком не знает. Одни говорят, что наши пояса отличаются от зарубежных разрезом пород, другие считают, что плохо искали. По мнению третьих, такого золота вообще нет в природе. На мой взгляд, главная причина связана с поисковыми работами. Нутром чувствую, что-то мы делаем не так, как нужно, поэтому такие результаты.

Поисками полезных ископаемых главный геолог занимался только в молодости. Сейчас круг его интересов касался картосоставления и теоретических аспектов образования древних пород, тем не менее он живо интересовался основными проблемами геологии и всегда держал нос по ветру. Это относилось и к месторождениям древнего золота, над поисками которых безуспешно бились не один год.

– В этом надо разбираться, – вырвалось у Фёдора. – Думаю, что это вопрос времени.

– Я об этом и говорю. Золотоносность наших докембрийских зеленокаменных поясов – это актуальнейшая проблема, которая ждёт скорейшего решения. Надо наконец ответить на вопрос: есть золото в наших троговых структурах или нет? Ну, как мы с тобой решаем? – обратился он к Фёдору. – Берёшься за эту проблему? Можешь подумать до завтрашнего дня.

Такого предложения Закатов ждал всю жизнь. Оно казалось сродни счастливому лотерейному билету. Можно хоть сколько раз тянуть жребий, но если ты не родился под счастливой звездой и не отмечен самим Господом Богом, ничего не получится. Ему предлагали заняться новым направлением, о котором многие только мечтали; ему давали возможность реализовать

¹³ Порода, образовавшаяся в результате вулканической деятельности, обычно излившаяся на поверхность или выброшенная при извержении вулкана.

¹⁴ Порода, образованная в результате разрушения различных горных пород, химического и механического выпадения осадков из воды, жизнедеятельности организмов.

¹⁵ Порода, образовавшаяся при метаморфизме (при высоком давлении и температуре), сложенная кварцем, полевым шпатом, плагиоклазом и др. с отчётливой полосчатостью.

¹⁶ Приподнятая область древних платформ, выступающая на поверхность.

себя и доказать, что он чего-то стоит. Это была заслуженная удача, и Фёдор отнёсся к ней как к подарку судьбы.

– Не будем ждать до завтра, я берусь, – на одном дыхании выпалил геолог. – Постараюсь разобраться и получить положительные результаты.

– Ну вот и хорошо. Значит, ударили по рукам! – с заметным облегчением выпустил пар Федотов. Поздравляю с новым назначением!

Он встал и протянул ему руку. В этом крепком мужском рукопожатии тот увидел не просто факт свершившейся сделки, а оказанное доверие и надежды на предстоящие успехи, каких от него теперь ждали.

– Сейчас я тебя представлю Фишкину, начальнику Южной партии, где ты будешь вести эту тему, и можешь приступать к работе. Учти, Вадим Викторович – человек довольно сложный, иногда противоречивый, но то, что толковый, бесспорно. Голова, каких поискать. Для него работа – это образ жизни. Так что, пожалуйста, постарайся найти с ним общий язык. Если он увидит, что к работе ты относишься серьёзно, всегда поможет. Вообще, скажу тебе по секрету, этой проблемой он сам хотел заниматься. Только когда у него дойдут руки до этого золота одному Богу известно. Завяз он в своей карте, и, наверное, надолго.

* * *

С начальником Южной партии Закатов познакомился заочно. По-спортивному подтянутый, худощавый с вытянутым лицом и аккуратной бородкой, Фишкин чем-то напоминал Дон Кихота. Несколько раз Закатов присутствовал на защитах его отчётов, и тот буквально его покорила. Фишкин всегда получал положительные результаты, чем похвастаться могли немногие. Все его работы отличались основательностью, глубокой проработкой, а выделенные им аномалии нередко сразу же заверяли производственники. Недавно Фишкин научно обосновал возможность открытия месторождений меди нового типа, какие присутствовали только в другом регионе. И Закатов хорошо знал, что его прогноз подтвердился. Несмотря на то что разведка только началась, буровики уже сейчас вскрыли два промышленных пласта. Ещё одно ценное качество Фишкина, которое отметил для себя Закатов, заключалось в его манере отчитываться о проделанной работе. Он так обстоятельно и доходчиво докладывал о полученных результатах, что убеждал самого придирчивого оппонента. В итоге комиссия любого уровня принимала его сторону.

В новой партии Закатову по-деловому рассказали обо всём, чем занимались, не скрыв проблем, которых хватало и тут. Чувствовалось, что в коллективе уже обсудили его назначение и теперь принимали как своего.

– Вот наш главный специалист по рудным полезным ископаемым Тофик Мамедов. – Фишкин представил невысокого молодого человека с поседевшими висками. Их глаза встретились. В них блеснули озорные огоньки, и Закатов увидел глубоко спрятанную хитринку.

– Будем знакомы, – бойко сказал Мамедов. – Хотя мы и так встречаемся каждый день в коридоре. Ты, правда, не куришь, а то сошлись бы поближе.

– А это Женя Бородин – наш специалист по рудной части, – перейдя к другому столу, продолжал Фишкин, – выпускник местного университета. Сейчас работает с Тофиком Мамедовичем над основной главой отчёта. – Фишкин показал на соседний стол, за которым, не отрываясь от микроскопа, сидел молодой человек в полосатом костюме. – Евгений Митрофанович, покажись, пожалуйста, хотим тебя лицезреть.

Тот в ответ пробурчал, что они и так знакомы, и остался на месте. По всему было видно – приходу Закатова он не обрадовался: «Ну конечно, явился тут конкурент. Здесь своих хватает».

– Ну, как знаешь, – недовольно сказал Фишкин, – мог бы и приподнять свой зад.

С Бородиным Фёдор был действительно знаком. Тот был выше его ростом, темноволосый с круглым лицом и с чёрными слегка навывкате глазами. Широкоплечий, но несколько полноватый, Бородин всегда был модно одет и пострижен. По словам его однокурсников, глубокими знаниями Женя никогда не блистал, но был довольно пробивным. Через год после прихода в эту экспедицию он умудрился подвинуть уважаемого комсомольского лидера и занять его место, а вскоре после того случая стал членом профсоюзного комитета, где руководил жилищно-бытовым сектором, считавшимся самым престижным. Теперь в планах у Жени была защита кандидатской диссертации, о чём он не скрывая говорил на каждом углу.

«На почве своей диссертации он, по-видимому, и нашёл общий язык с Мамедовым, – подумал Фёдор. – Ну, что ж, каждому своё!»

* * *

Отложив свои дела, Фишкин взял Закатова в оборот. Вначале проверил его знания по геологии, устроив настоящий экзамен с вопросами «на засыпку», а потом стал просвещать по теме предстоящей работы.

– До тебя похожей проблемой занимались геологи соседней экспедиции, – при первом же разговоре поведал он Фёдору, немало удивив того и приведя в душевное замешательство. Закатов думал, что это нехоженое поле – белое пятно в исследованиях по золотоносности региона, но услышав, что это не так, заострять внимание не стал, решив, что вначале нужно разобраться во всём самому. – И вот, когда у них уже собрался приличный фактический материал, – продолжал Фишкин, увидев недоумение в глазах Фёдора, – один из авторов отчёта, который они в то время писали, составил графики сходимости результатов анализов золота, полученных двумя основными методами.

– Наверное, спектрозолотометрическим¹⁷ и атомно-абсорбционным¹⁸, – быстро придя в себя, вставил Закатов. Но из головы не выходила его встреча с Леной.

– Выйди на лестничную площадку, я хочу тебе что-то сказать, – позвонила девушка. – О твоём переходе уже знает вся экспедиция, – прямо с порога резанула она. – Как я и говорила, все считают, что у тебя не все дома. Тебе не повезло: Фишкин тебя никуда не пропустит – ты ему переходишь дорогу. Он сам хотел заниматься этой проблемой.

– Ну и что? Он этого не скрывает, – бросил Фёдор холодно, недовольный тем, что его отрываю от дела. Глаза парня блеснули.

– Это ещё не всё, – с вызовом ответила девушка. – В твоей новой партии есть некто Бородин, который просто рвётся наверх. Учти, Женя пойдёт на всё, чтобы как-нибудь тебя подставить. Я о нём такого наслушалась, что мне жутко стало. Здесь он оказался благодаря ловкой интриге, которую провернул в университете при распределении, а потом было его стремительное продвижение по профсоюзной линии. За этим тоже стоит тонкий расчёт. Этот Женя два года морочил голову Светке Лебедевой, обещал на ней жениться, а потом переметнулся к Нинке Ситниковой. Сейчас он встречается с какой-то молодой врачихой. У той дамочки папа – большая шишка. Раз тебе не интересно, не буду больше загружать, – увидев безразличие парня, вздохнула Лена. – Бородин пока тебе не страшен, а вот с Фишкиным держи ухо востро. Кроме своей работы, он ничего не видит.

– Естественно, других дешёвых массовых методов определения золота мы пока не придумали, – перехватив рассеянный взгляд Фёдора, запнулся Фишкин и быстро закончил: – Так

---

¹⁷ Метод определения золота по его спектру излучения. Основан на свойстве атомов золота при возбуждении генерировать излучение, обладающее характерной спектральной линией.

¹⁸ Разновидность спектрального анализа. В основе анализа – изучение спектров поглощения.

вот, за бугром они есть, а до нас пока не дошли. Ими как раз и были проанализированы все пробы, отобранные за три года работы. Набралось где-то порядка пятидесяти тысяч.

– Ничего себе! – невольно вырвалось у Фёдора. – Пятьдесят тысяч проб?!

Зная объёмы опробования, проводимого Шурковским, Закатов поразился. Столько не анализировали даже в специализированных подразделениях экспедиции. Закатов хорошо понимал, что стоит за каждой пробой: её надо было отобрать, подготовить к анализам, а получив результаты, обработать.

– А что тут удивительного? Они же не в кошки-мышки играли, а золото искали, поэтому работали на совесть, – сидя за своим письменным столом, с достоинством сказал Фишкин. – Объём, действительно, довольно приличный. Ничего не скажешь, попахали от души ребята. Так вот, по полученным данным, Рудольф – это ответственный исполнитель той работы, о которой я рассказываю, построил график оценки достоверности анализов. Можно сказать, сходимости результатов, – уточнил Фишкин. – Я, как сейчас, помню этот график: на листе миллиметровки нарисованы две взаимно пересекающиеся кривые. В точке со значением «одна десятая грамма золота на тонну породы» кривые расходились. Это значило, что пробы, проанализированные разными методами, не сбиваются. Предел чувствительности анализов оказался равным одной десятой, хотя теоретически должен быть на два порядка ниже. То есть одна тысячная, – снова уточнил геолог. – Красной ручкой он быстро нарисовал похожий график, на котором под кривыми стоял знак вопроса.

– При анализе разными методами они получили разные результаты. Я правильно понял? – рассматривая график, спросил Закатов. Из рассказа Фишкина ему стало ясно, что исполнители потерпели фиаско.

Сидевшая за длинным светостолом пожилая чертёжница зашуршала калькой, прижимая её тяжёлыми железными цилиндриками к разноцветной карте. Простым карандашом она обводила контуры карты, подписывала условные обозначения.

– Не совсем правильно, – посмотрел на него Фишкин. – Разные результаты получились до значения воспроизводимости анализов, то есть до одной десятой грамма золота на тонну породы. Причём не было никакой закономерности, поправку на ошибку невозможно было взять. Зато, начиная со значения в одну десятую, оба анализа работали более-менее нормально.

Закатов что-то отметил в своём блокноте и сказал:

– Это значит, результаты анализов понимай как хочешь. Может, есть там золото, а может, нет?

Утвердительно кивнув головой, Фишкин неожиданно насупился и заёрзал на стуле. Стало видно, он чем-то недоволен. Фёдор поначалу принял это на свой счёт, но вскоре понял, что к мгновенно испортившемуся настроению Фишкина он не имеет никакого отношения.

– Я вот самого главного тебе не сказал, – постучал тот пальцами по столу, – а ты на это даже не обратил внимания. Сопоставление результатов они провели по одним и тем же контрольным образцам, которые отбирали из каждой анализируемой партии проб. При одновременном использовании обоих методов получилась полная неопределённость. Спектрозолотометрический анализ показывает одно значение, атомно-абсорбционный – другое. Но общий вывод таков: эти методы практически не ловят низкие значения золота в породе. Короче, получилась такая путаница, что концов не найдёшь.

Он развёл руками, словно показывая, что это был конец света. Занимаясь анализами, Фёдор как исполнитель понимал, что именно так можно отнестись к полученным результатам.

– Мы тебя, между прочим, взяли для выполнения этой работы, – дошли до него слова Фишкина. – Так что ты теперь ответственный исполнитель, и тебе, как говорится, расхлёбывать это дело. Ждём от тебя результатов. Мой совет: начни с геологических фондов, поработай со старыми отчётами.

Глава 5. На Колыме

Сквозь свинцово-серые тучи просвечивали робкие лучи осеннего солнца. С моря дул пронизывающий северный ветер, неся с холодом лёгкий туман. Погода словно напоминала, что зима уже не за горами.

Поёживаясь от холода, Иван шёл по широкой улице Магадана. Новостройки перемежались с домами ранней застройки. Среди новых каменных зданий повсюду стояли деревянные дома, выделявшиеся из хаотичного архитектурного ансамбля. Преобладали длинные одноэтажные бараки. Они казались такими же безликими, какие он видел в разных концах страны. Их можно было отнести к временам индустриализации страны, временам её подъёма, когда не хватало жилья, строительных материалов и других ресурсов, но имелось много рабочей силы, которую полагалось где-то разместить. И её размещали в таких безразмерных бараках.

С чувством собственного достоинства Иван остановился у входа в помпезное здание Главного геологоразведочного управления «Дальстроя» и подумал, что наконец-то добрался до конечного пункта назначения. Почти месяц он ждал этого мгновения, и вот оно свершилось. Он проехал через всю страну, переплыл Охотское море, повстречался с разными людьми и, конечно, испытал себя на прочность. Испытал и победил.

«Теперь я буду работать здесь», – открывая тяжёлую дверь, думал Брукс.

С трудом верилось, что на Колыме вырос новый город с широкими улицами и площадями. Город, о каком можно было только мечтать. Секретарь провела его к главному геологу управления. В просторном кабинете за большим письменным столом, покрытым зелёным сукном, сидел немолодой человек в военном кителе с генеральскими погонами. На отделанных деревом панелях Иван увидел резные узоры. За его спиной над головой висел портрет вождя, ниже, слева и справа – геологические карты и графики.

– Борис Николаевич, к вам выпускник Ленинградского горного, – нарушив тишину кабинета, сказала секретарь.

Оторвавшись от бумаг, тот ответил на приветствие и, внимательно посмотрев на Ивана, пригласил к столу. Главный геолог составлял очередной отчёт об открытых за прошедший полевой сезон месторождениях. Не позднее завтрашнего дня его следовало отправить в Москву.

– Как добрались, как настроение? – спросил генерал.

Он хотел ещё что-то сказать, но с языка Брукса сорвалось:

– Отлично. Мне всё понравилось, здесь очень интересно.

Тот всё понял и улыбнулся: не каждый день бывшему студенту приходилось встречаться с начальником такого высокого ранга, каким он был.

– Ну, вы почти доехали. По сравнению с тем, что преодолели, осталось совсем немного. Сейчас я вас определяю в геологоразведочное управление, в котором вы будете трудиться, и можете собираться в дорогу.

Сердце Ивана дрогнуло. По своей наивности он полагал, что прибыл на место, а оказывается, ещё надо куда-то ехать. На ум пришло воспоминание о доме, о своём детстве, о родителях. Про себя он грустно улыбнулся: «Колыма – огромная страна и совсем чужая, как неизвестная планета. Куда же он меня пошлёт?»

Напоив чаем, Борис Николаевич расспросил об учёбе, родителях и после этого рассказал о геологическом строении Северо-Востока страны, как он назвал Колыму.

– Вы, наверное, знаете, какие месторождения полезных ископаемых открыты в нашем крае? – спросил он, как бы между прочим.

Он так и сказал в «крае», сделав на этом слове ударение. Как догадался Иван, ему не хотелось называть его Колымой. Ведь Колымой пугали даже детей. Перед отъездом Иван поли-

стал конспекты лекций и даже познакомился с основательной монографией по геологическому строению региона.

– Основное место занимают месторождения золота, олова, вольфрама и кобальта. Ещё есть сурьма, ртуть, свинец, цинк, медь, молибден, уран. Но в структуре минерально-сырьевой базы они занимают меньшее значение. За исключением, пожалуй, урана, о котором я практически ничего не знаю. Думаю, что это важное стратегическое сырьё, за которым будущее энергетики.

Главный геолог одобрительно закивал головой, и Иван понял, что попал в точку.

– Вы, я вижу, хорошо подкованы в вопросах геологии нашего края. Значит, вам и карты в руки – станете заниматься их поисками. Регион у нас очень перспективный: что-то уже изучено, открыты многочисленные россыпи золота и олова, рудные месторождения, а вот в некоторых местах ещё даже не ступала нога геолога.

– Да, работы для геологов здесь много, – невольно поддакнул Иван. Это было не простое желание угодить начальнику, от которого зависела его дальнейшая судьба, а вполне осознанный крик души.

– Я почему-то абсолютно уверен, что вы сделаете много новых открытий для нашей родной страны, – сказал генерал. – Ваше место по праву в «Дальстрое». Поедете на Яну, – неожиданно произнёс он строго и тут же уточнил: – в Верхоянское РайГру. Кабинетная работа не для молодого специалиста, тем более выпускника моего родного института, закончившего его с красным дипломом.

Иван смутно представлял, где находится база этого Верхоянского РайГру, куда его направил главный геолог, но спрашивать не стал. А Борис Николаевич быстро написал короткую записку на узком листе с шапкой «Главный геолог» и вызвал секретаря.

– Сейчас Нина Александровна проводит вас в отдел кадров. Там вам дадут направление и всё расскажут. – Пожелав удачи на новом месте, генерал пожал ему руку.

В отделе кадров Иван узнал, что Верхоянское районное геологоразведочное управление находится в районе известного полюса холода. Добраться туда можно только этапом с заключёнными по реке Яне или по зимнику. От услышанного даже перехватило дыхание. Непроизвольно молодой человек расстегнул воротник рубашки.

«Вот влип! Постарался земляк: загнал куда Макар не гонял телят. “Ваше место по праву в “Дальстрое”, – вспомнились слова главного геолога. – Хочешь не хочешь, а теперь придётся ехать».

Он уже успел пожалеть, что попал на Колыму, но в следующий момент всё неожиданно изменилось.

– Вам очень повезло, – оторвав голову от стола, сказал кадровик, – видно, вы чем-то понравились Никитину. Просит посодействовать в быстрейшей отправке на место работы. Ну что же, я пойду навстречу, помогу вам. Завтра будет наш самолёт в Якутск, – услышал он слова кадровика. – Оттуда он пойдёт в Верхоянск. Вот на нём и полетите. А так пришлось бы снова добираться на пароходе по морю, потом перегружаться на баржу...

От упоминания о море у Ивана голова пошла кругом. Ни с того ни с сего перед глазами пронеслись огромные волны и терпящий бедствие корабль. Он увидел, как люди пытаются залезть в шлюпки, но их накрывает вал воды и они идут ко дну. Четверым всё-таки удаётся удержаться за борт...

– Вместе с направлением мы дадим проездные документы и выпишем аванс. Вам также насчитают командировочные и проездные. Деньги сейчас выдадут в кассе, по приезде на место надо будет отчитаться за командировку в своей бухгалтерии.

Получив немислимые по студенческим временам деньги, Иван побрёл по Колымскому проспекту. С любопытством он смотрел по сторонам и ловил на себе удивлённые взгляды редких прохожих, признававших в нём приезжего.

* * *

Прикинув свои возможности, Иван пошёл в ресторан «Колыма», который заметил накануне. В просторном помещении с колоннами посередине стояли добротные столики, покрытые белоснежными кружевными скатертями. Пахло жареным мясом и картошкой. То ли по причине раннего времени, то ли безденежья посетителей ресторан оказался пуст. Иван несмело потоптался в дверях и хотел было уже уйти, но вкусный запах переборол неожиданно возникшее желание, и стеснительный посетитель примостился за столиком в конце зала. Официантка сразу принесла меню и, поправив салфетки, молча удалилась.

Лучи заходящего солнца, проникая сквозь неплотно закрытую штору, падали на стол. Белая скатерть из-за этого казалась полосатой, будто выкрашенной разноцветной краской. С достоинством, свойственным королевским особам, Иван полистал книжку в коричневом кожаном переплете с золотым тиснением. От увиденного глаза полезли из орбит – сознание отказывалось верить тому, что там написано. И было от чего! В ресторане, находящемся где-то на краю света, предлагали такие экзотические блюда, каких не готовили ни в одном другом ресторане страны. Ещё раз внимательно просмотрев меню, Иван стал выбирать. Больше всего его воображение поразили жареные рябчики с маринованными грибами и ягодами, а также бифштекс из оленины. Присутствовали в меню также малосольная нельма, строганина из чира и омуля, блинчики с красной икрой. Он заказал рыбу, запечённую под грибным соусом, сибирские пельмени в бульоне и отбивную из сохатины с тушёными овощами.

Официантка подала холодную закуску и графин с брусничным морсом, а когда принесла пельмени, на столе уже стояли пустые тарелки. Иван ел-ел и всё не мог насытиться. После морской болезни он потерял контроль над собой и теперь думал только о том, как бы быстрее пополнить свои силы. Он попросил ещё жареную оленину с картошкой фри и шницель из изюбятины. Теперь весь стол оказался заставлен тарелками.

Всё это принесли одному Ивану. Он мог бы ещё долго есть, но неожиданно пришло полное насыщение и вместе с ним осознание того, что это уже лишнее – его желудок всего не переварит. Развалившись по-барски на стуле, Иван тупо смотрел по сторонам. Появились первые посетители, ресторан стал наполняться их голосами. Забегали официанты с меню и полными подносами холодных закусок и горячих блюд, показались музыканты. А к нему подсел высокий поджарый мужчина в короткой чёрной куртке, больше похожей на морской бушлат. Из-под куртки виднелась полосатая рубашка.

– Свободно? – спросил он будто между делом, наперёд зная ответ.

Иван кивнул головой, посмотрев украдкой на пришедшего. На вид ему можно было дать лет сорок. Зачёсанные назад волосы, узкое скуластое лицо с глубоко посаженными голубыми глазами и редкими, словно выщипанными, рыжими бровями.

«Мест, что ли, мало? – недовольно подумал он о соседе по столу. – Обязательно надо сюда. Ведь видит же: на столе негде яблоку упасть».

– Жека, – быстро освоившись, представился тот. – Раньше звали Евгением, а ещё называют Помором. Но ты можешь звать как хочешь, я не обижусь, ко всему привыкший.

Усилием воли Иван запихнул в рот кусок мяса и протянул руку.

– Что празднуем? – подвинулся поближе Жека. Ивана он заметил, как только вошёл, и подумал, что ему слишком много еды.

– Да так ничего, просто ужинаю, – туманно ответил парень.

Помор ухмыльнулся. Во рту блеснула золотая фикса. Люди, повидавшие жизнь, по такой золотой коронке могли предположить о принадлежности её владельца к криминальному миру, однако Иван об этом даже не подумал.

– За таким красивым столом – и один! – воскликнул Жека. – И я бы не прочь так поужинать, да грехи не пускают. Живут же люди, и откуда только деньги берут?

Поймав на себе его холодный взгляд, Иван поспешил проглотить застрявший в горле кусок мяса. Как назло, он не проходил, от напряжения лицо покраснело, на глазах выступили слёзы.

– Ну да, за красивым столом, а что тут такого? – запив морсом, выдавил он из себя. Мясо прокатилось по горлу, сразу полегчало.

– Да нет, ничего. Красиво жить не запретишь. Если можешь, живи. А почему один? Что, друзей нет?

Иван ответил что-то невразумительное, но Жека всё понял. В одиночку в ресторан ходили только командированные или отшельники, которым хотелось острых ощущений. Но в том и другом случае этим людям деньги оттягивали карман.

– Жируешь ты, я вижу, – сказал Жека, показывая на стол.

Вместе с облегчением к Ивану откуда-то из глубины пришло раздражение.

– Я же говорю, пришёл поужинать. Дали аванс на дорогу, вот решил попробовать экзотическую северную кухню.

– Понятно. Я хотел бы жить и умереть в Париже, да бодливой корове Бог рогов не дал, – с тоской в голосе сказал Жека. – Я только что из командировки, поэтому не при параде. Поиздержался там малость, – добавил он скромно. – А у тебя, значит, деньги завелись, и ты аванс проедаешь?

Иван вырос в семье со средним достатком, в которой все честно трудились и умели считать заработанные деньги. Он даже не мог припомнить, когда последний раз посещал ресторан, поэтому слова Жеки задели за живое, но пришлось сдержаться.

– Завтра самолётом я лечу в Якутск, а оттуда на Яну.

Глаза у Жеки полезли на лоб, лицо вытянулось.

– Самолётом? – с удивлением произнёс он. – Да ты, парень, видать, большой начальник. Отсюда на запад все едут на перекладных, а он, видите ли, полетит на самолёте. Я самолёт видел только в небе.

– Да вот начальник посодействовал. Оказывается, земляк. Я, вообще-то, хотел тут остаться, но, к сожалению, не получилось.

Сосед как-то весь скривился и скатерть вместе с посудой поползла вниз.

– Да ты что, рехнулся? Отсюда бежать надо, – резко откинувшись назад, с раздражением в голосе сказал он. – Колыма – не самое лучшее место для нормальной жизни на земле. Запомни: добровольцев здесь почти нет. Это край эзков и их охранников.

От его слов на душе у Ивана стало тоскливо. Это же ему говорили дома, да что толку: на роль добровольца судьба выбрала его.

– Правда, и на Яне не лучше, – добавил Помор. – Там ещё холодней и вдобавок ко всему это тюрьма без замков – оттуда никуда не сбежишь. Тут хоть есть море и дорог навалом, а там и этого нет. Да, далеко тебя, парень, заслали!

– Почему заслали? Меня направили на работу как молодого специалиста. Никто меня не засылал. – Неожиданно Иван поймал себя на мысли, что Жека стал его раздражать, а тот как ни в чем не бывало продолжал:

– Ну, нет, ты не прав, Ваня. Такое направление нужно расценивать как ссылку. По моим понятиям, молодых специалистов должны посылать куда-нибудь южнее, где немного теплее, чем на Колыме. Что же ты так дешёво продался, поторговаться, что ли, не мог? Ты же вольный, как я понимаю.

– Вольный, конечно. А что?

– А то, что не похож ты на вольного. Несёшь тут мне ахиною. Ты, наверно, едешь конвоиром в зону или «мусором» в райотдел милиции. Тоже мне, нашёлся молодой специалист! Бог весть откуда он тут взялся – и сразу готовый инженер.

От негодования у Ивана зачесались кулаки. Он подумал, что с величайшим удовольствием вцепил бы этому хаму по морде. Врезал бы так, чтобы тот больше никогда не приставал со своими дурацкими обвинениями. Но он снова сдержал себя и сказал как можно спокойней:

– Да ты что, смеёшься? Я ещё зёков в глаза не видел. А вообще, мне без разницы, где работать. Хоть на Северном полюсе, лишь бы попалась интересная работа.

Жека хмыкнул. Теперь он всё понял: так мог говорить только человек, ещё не испытавший трудностей и смотревший на мир через розовые очки.

– Да, парень, я вижу, ты, действительно, не хлебал ещё казённых щей, а то бы пел другие песни. Ладно, чёрт с тобой, поделись жратвой. Тебе, я вижу, слишком много одному. Я больше не могу смотреть, как ты добро переводишь.

Иван заказал закуски и графин водки. Сосед от нетерпения или от того, что чем-то был озабочен, играл своими длинными пальцами. Он то соединял обе ладони вместе, то пальцами стучал по столу, выбивая барабанную дробь. Но как только официантка поставила закуску перед ним, сразу набросился на еду, не забывая при этом наполнять свою рюмку. Пока он ел, слышалось только чавканье, а как наелся, потянуло на разговоры. Неожиданно он вскочил и побежал к выходу.

* * *

Через пару минут Жека подошёл с человеком невысокого роста и неопределённого возраста. Скорее всего, ему исполнилось не больше пятидесяти. Хотя, как подумал Иван, могло уже стукнуть и шестьдесят, и даже больше. Седая борода, могучая плешь и глубоко вдающиеся залысины сделали своё дело. На нём были потёртый коричневый костюм и серая рубашка с расстёгнутым воротничком. Из-под массивных роговых очков, туго сидевших на орлином носу, на Ивана смотрели живые чёрные глаза.

– Кригер Владимир Иванович, – протянув руку, представился он.

Фёдор быстро ответил на крепкое пожатие, а про себя успел удивиться, что у этого болезненного с виду человека такая сильная рука.

– Евгений говорит, что вы молодой специалист, – едва устроившись за столом, завёл он разговор. – Приехали, как я понимаю, покорять Север. Ну что ж, это похвально.

Иван подтвердил, добавив, что попал сюда по распределению.

– Владимир Иванович, его послали в Верхоянье, – вставил Помор. – Это же самый полюс холода! Завтра он летит на самолёте в Якутию.

– Ну что ж, молодой человек, значит, на вас возлагают большие надежды. Я бы тоже не прочь отсюда улететь на самолёте, да никто не предлагает. Говорят, нужен здесь. А если честно, то лететь мне даже страшновато: я боюсь высоты. Самолёт – это же летательный аппарат, созданный руками человека. Следовательно, как любой механизм, имеет свойство ломаться. Вдруг что-то откажет, тогда костей не соберёшь.

Мысленно Иван над ним посмеялся, посчитав ретроградом, цеплявшимся за старое. До сих пор он верил в надёжность авиационной техники. Тем не менее после слов Кригера какие-то сомнения закрались в душу, и невольно пришлось задуматься о предстоящем полёте: «А вдруг и правда что-нибудь сломается, это же, действительно, техника! Говорят, пассажирам не дают парашютов...»

– Верхоянье для геолога – не самое худшее место, – продолжал Кригер. – Я бы даже сказал – очень хорошее. Вы, наверное, знаете про месторождения олова и золота, открытые

на Яне? Вам что-нибудь говорят такие названия, как Эге-Хая, Полярное, Адыча, Ченкеленья, Иллингас?

Эти названия Иван слышал впервые.

– К тому же, Иван, там сейчас идёт геологическая съёмка, – подвинулся ближе к столу Кригер. – Словом, есть куда приложить свои силы.

– Так там же лагерей немеряно, – сказал Помор. – А он совсем нестреляный, попадёт к энкам – мало не покажется.

– Ну что поделаешь, заключённые в «Дальстрое» – главная рабочая сила. Без них пока мы никто. Так что придётся приспособливаться. Я думаю, Женя, он справится. Главное, Иван, не идите ни у кого на поводу и не попадайте под чужое влияние. На всё надо иметь своё собственное мнение и твёрдый характер. У вас должна быть своя цель, к которой надо стремиться, и тогда при настрое на победу должно всё получиться.

Подошёл официант, и Иван быстро перехватил инициативу.

– Владимир Иванович, я угощаю. Сегодня, можно сказать, у меня праздник: приняли на работу в «Дальстрой». Правда, я пока не добрался до экспедиции, куда приписан, но надеюсь, скоро там окажусь.

– Ну, что же, это, конечно, надо отметить. Тогда закажите мне, пожалуйста, строганину из нельмы, салат из креветок, жареную оленину и графинчик водки.

Они выпили, и разговор пошёл сам собой. Больше говорил Кригер. Он знал много смешных историй и анекдотов, которые сыпались из него как из рога изобилия. В какой-то момент Иван почувствовал, что он больше не может смеяться, и тот, будто угадав его состояние, переключился на Жеку.

– Женя, ты что Ивана пугаешь заключёнными? На твоём месте я бы, наоборот, его успокоил. Кто лучше тебя знает про эти лагеря?

Помор грустно усмехнулся. Стало видно, что ему не до смеха, пунцовой краской покрылось лицо.

– Я думаю, здесь каждый второй прошёл эту школу жизни, – сказал он жёстко. – Не исключая вас, Владимир Иванович.

Кригер налил стакан водки и, строго посмотрев на Жеку, сказал:

– Что было, то было. Как говорят, из песни слов не выкинешь, главное, чтобы снова не посадили, а то многих забирают повторно, без предъявления обвинения.

– Владимир Иванович, а вас за что? – Иван хотел добавить «посадили», но язык не повернулся называть вещи своими именами. – Ведь вы учёный и, насколько я знаю, работали в Геологическом институте Академии наук.

Он смотрел на Кригера как на Бога, а того, как преступника, привезли на Колыму и бросили в лагерь с уголовниками. Этого Иван понять не мог.

– Трудно сказать за что, но я думаю, кто-то помог, не без этого. А ещё, наверное, за мои немецкие корни: Кригера не простили. В роду у меня этнические немцы, вот это, видно, сыграло решающую роль. Не помогли даже мои пролетарские имя и отчество. Чекисты всё раскопали, и из Ивана мой отец снова стал Иоганном, а про меня и говорить не приходится: тут всё как на ладони. Следовательно, который вёл моё дело, даже сказал, что своим именем я порочу вождя мирового пролетариата. Словом, влили мне пятьдесят восьмую – и сюда. За пять лет я прошёл через три лагеря и много чего увидел и понял. Это уже потом, когда здесь открыли институт, меня условно освободили. Теперь до так называемого особого распоряжения я не могу покинуть территорию «Дальстроя». А когда оно поступит, это распоряжение, и поступит ли вообще – одному Богу известно. Вот такие дела, молодой человек. Не будем о грустном, давайте лучше выпьем. Может, полегчает, а то сегодня что-то накатило на меня.

Жека предложил тост за тех, кого сейчас нет с нами. Мужчины встали и, думая каждый о своём, молча выпили. За соседним столиком зашушукались, полная женщина в синем платье

тихо встала и подошла к официанту, а потом быстро вернулась назад. Её передвижения не ускользнули от внимания Кригера. Заметил это и Иван.

– А мы с Жекой только что подружились, – сказал он, закусывая рыбой. – Он мне рассказал о вас.

– Женя – мой ученик. Довольно способный и, надо отметить, очень сообразительный. Вы, наверное, это уже поняли. Я его посылал за пробами в один слабоизученный район, о котором пока никто не знает. По моим прогнозам, он должен быть довольно перспективным. Так сказать, мы делаем одну общую работу.

От обиды на Жеку у Ивана защемило в груди. Просидели почти два часа, а он ни словом не обмолвился о работе с Кригером.

– А Жека ничего мне не сказал, что отбирал для вас пробы.

Кригер наклонил голову к столу. В чёрных глазах промелькнул озорной огонёк, по которому Иван предположил, что тот его поддерживает. И не ошибся.

– Пока нет результатов, я о своей работе тоже никому не говорю, – сказал он, посмотрев на Ивана. – Сами понимаете, всё может случиться, а выпустишь джинна из бутылки – потом оправдывайся, если не получится. Поэтому до поры до времени лучше подождать. Я же вам сказал, Евгений – мой ученик, а хороший ученик должен учиться у своего наставника. И выдержке в том числе, – добавил он.

После слов Кригера обиду сняло как рукой. В душе Иван даже посмеялся над собой. Посмотрев в сторону колонны, где сидела подходившая к официанту женщина, Кригер громко сказал:

– Молодой человек, вы выбрали хорошую профессию, геология всегда будет востребована, а сейчас, как никогда, нашей любимой Родине нужны грамотные специалисты, способные составлять геологические карты, открывать и разведывать месторождения полезных ископаемых. Если вы будете хорошо работать, наша партия вас непременно отметит. Передовики производства, ударники социалистического труда, грамотные специалисты и учёные у нас в почёте. Вам оказали большую честь, взяв на работу в «Дальстрой». Аванс надо отрабатывать, поэтому...

Иван с изумлением смотрел на Кригера, не понимая, к чему тот завёл этот разговор. Похожие речи, призывающие к ударному труду, отличной учёбе, построению передового общества рабочих и крестьян, он слышал на каждом комсомольском собрании в своём институте и оказался сыт ими по горло.

– Жека говорит, что вы преподаёте в каком-то Учебном комбинате, – не выдержав торжественной речи, спросил он у Кригера. – Это правда?

Тот резко замолчал, отчего можно было подумать, что у него что-то заклинило. На мгновение наступила тишина. Стала слышна тихая музыка, лившаяся со сцены, громкая разборка за соседним столиком, шум в зале.

– Женя вас не обманул, – перевёл он дыхание. – Конечно, сейчас я занимаюсь совсем не тем, чем хотелось бы, но что поделаешь: на всё воля Божья. Ещё я работаю во ВНИИ-1, – почти шёпотом произнёс Владимир Иванович. И Иван подумал, что на это есть основание. Он давно заметил, что за ними наблюдают два молодых человека, сидящих возле колонны. – Это Всесоюзной научно-исследовательский институт золота и редких металлов Главного управления «Дальстроя», – продолжал Кригер. – Чем там занимаюсь, по некоторым соображениям я говорить не буду. Надеюсь, вы понимаете, что за каждое лишнее слово можно дорого заплатить.

Брукс почесал затылок. По его мнению, деятельность Кригера заслуживала самой высокой оценки, но никак не преследования.

Заиграл джаз-ансамбль, и следом, разорвав тишину, полилась песня. Страстным, идущим куда-то вверх, голосом певец легко пел:

Осень, прозрачное утро,
Небо как будто в тумане,
Даль из тонов перламутра,
Солнце холодное, дальнее.

В зале сразу наступила тишина. Все повернулись к музыкантам. Песня проникала в душу, производила неповторимое впечатление. Голос певца показались Ивану знакомыми, но он засомневался в своей догадке, а когда зашушукались со всех сторон:

– Козин, Козин, – все сомнения сразу исчезли.

Где наша первая встреча,
Яркая, острая, тайная,
Тот летний памятный вечер,
Милая, словно случайная.

Певец свободно держался на сцене, его переливающийся голос заполнил всё окружающее пространство, вытеснив посторонние звуки. Казалось, кроме музыкантов, ничего не существовало. Когда песня закончилась, зал взорвался аплодисментами и истошными криками.

– Вадим! Браво, Козин! Давай к нам!

– Вот видите, какие тут люди, – сказал Кригер. – Это знаменитый на всю страну Вадим Козин. Ему впаяли восемь лет. Сейчас он уже на поселении и поёт в нашей филармонии. Вот так мы и живём. – Он тяжело вздохнул. – Ну ладно, вернёмся к нашим баранам – тут много чего интересного. С Колымского проспекта, кстати, начинается колымская трасса. Вы, наверное, даже не слышали про такую, а эта трасса, между прочим, построена на костях заключённых. Здесь почти всё, что нас окружает, построено их руками. Обратите внимание – наш край меняется прямо на глазах. Вам, наверное, известно, что ещё до середины 1920-х годов территория Северо-Востока считалась наименее изученной на всём земном шаре. Вы можете себе такое представить?

– Да, конечно, – поддакнул Брукс, хотя мог об этом только догадываться.

– Тут было белое пятно, которое протянулось от Алдана на юге до Колымского хребта на севере. Если посмотреть на старую геологическую карту страны, то хорошо видно, что его обрамляли и кое-где пересекали редкие маршруты Черского, Богдановича и ряда других исследователей, проходивших вдоль побережий морей и крупных рек. Первым же Верхоянский хребет пересёк капитан флота Гаврила Сарычев, вышедший к верховьям Индигирки. Затем он достиг Верхнеколымска. Случилось это в 1786 году. За ним последовали другие, но ни у кого из них не было не только описания своего пути, а даже сведений о маршруте. И вот в 1891 году Академия наук направляет известного геолога и географа Ивана Дементьевича Черского для исследования бассейнов рек Колымы, Индигирки и Яны. Верхоянский хребет он прошёл южнее маршрута Сарычева и дошёл до Верхнеколымска. Но, к величайшему сожалению, не доплыв до Нижнеколымска, следующей весной заболел и неожиданно скончался. К счастью, часть своих материалов о геологическом строении он успел отправить в Петербург, остальное привезла его жена, участвовавшая в той экспедиции. И вот наконец в 1926 году Геологический комитет организовал экспедицию, которую возглавил Сергей Обручев, сын известного академика и писателя Владимира Афанасьевича Обручева, написавшего всем известную «Землю Санникова». Началась его экспедиция 15 июня в Якутске. После переправы через Лену Обручев пошёл на восток по реке Алдан, а далее на северо-востоке перевалил через Верхоянский хребет.

Рукой он показал на окно, где, по-видимому, находился Алдан или Верхоянский хребет, который преодолела экспедиция Обручева.

– Можно сказать, Сергей стёр с карты страны белое пятно, долго не дававшее многим покоя, – продолжал Кригер. – Вообще, он совершил три очень сложные и трудные экспедиции. Тем самым Обручев-младший навеки оставил свой след в истории освоения Севера. Но самой результативной, если можно так сказать, на мой взгляд, стала его Колымская экспедиция 1928 года, когда обнаружилось золото на ряде притоков Колымы. По прогнозам, золотоносным является всё нагорье, расположенное между Индигиркой и Колымским хребтом. Это, ни много ни мало, около 700 километров в длину и 200 километров в ширину. Представляете, какие масштабы?

К ним подошёл худощавый мужчина с соседнего стола и попросил спички. Был он хорошо выпившим, но своим цепким взглядом, словно фотоаппаратом, запечатлел их скромную компанию. Не получив желаемого, он вернулся назад.

– Эти ребята взяли нас в разработку, – запинаящимся голосом произнёс Жека. – Что-то мы сделали не так. Сволочи, – донесли до Ивана его слова, сказанные сквозь зубы. – Вот собаки!

– Не переживай, я думаю, ничего страшного, пронесёт.

И Кригер как ни в чем не бывало стал продолжать. Со стороны казалось, его не задели ни соседи, ни Жекин испуг – он вёл задушевную беседу со своими друзьями.

– Интересно, что до Обручева золото находили только в бассейне Среднекана и в ряде других районов Центральной Колымы. Сколько его там, теперь сказать невозможно, так как все находки были сделаны старателями ещё до революции. А вообще экспедиции Обручева кроме золота открыли хребет Черского и Юкагирское плато. На карту нанесены Яна, Индигирка и Колыма с притоками, в том числе Омогон, исследована Чукотка. Именно Колымская экспедиция Обручева положила начало изучению и освоению Колымского края. Вот поэтому Сергея Обручева я могу назвать не только первопроходцем XX века, но и выдающимся человеком. Кстати, вы слышали, ему недавно вручили Сталинскую премию. – Владимир Иванович улыбнулся во весь свой беззубый рот, от души радуясь успехам Обручева-младшего, о котором, видно, знал не понаслышке. – В дальнейшем экспедициями Геолкома руководили Билибин и Цареградский. Валентин Александрович Цареградский теперь очень большой человек, к нему просто так не достучишься. Как вы, наверное, знаете, он начальник геологоразведывательного управления и одновременно заместитель начальника Главного управления «Дальстроя».

– Я наслышан о нём, – тихо вставил Жека. – Одни говорят, что мужик он суровый – рубит всё с плеча, другие его хвалят.

– Прежде всего он человек, а всем людям свойственно в чём-то ошибаться, поэтому у каждого из нас можно найти что угодно. Но я закончу свою мысль. Так вот, благодаря экспедиции Обручева составлены первые геологические карты и открыты промышленные месторождения золота и угля, – сказал он словно заученными словами.

«Наверное, так он читает лекции своим студентам», – в ту минуту подумал Иван.

– Теперь Северо-Восток является крупнейшей золотоносной провинцией мира, а его столица – Магадан – растёт и расцветает не по дням, а по часам.

Глава 6. В свободном поиске

Подходило к концу изучение фондовой литературы. Закатов перелопатил десятки отчётов, составленных разными авторами в разные годы, и его «секретный» чемодан, хранившийся в геологических фондах, разбух от собранных материалов. Кроме отчётов в нём лежали топографические карты, аэрофотоснимки и общие тетради с выписками из секретных отчётов.

Наконец он закончил схему геологической изученности своего района и сопредельных площадей, и теперь лист бумаги, разбитый по квадратам, соответствовавшим номенклатуре топографических карт, оказался почти весь заштрихован. Кое-где плотность линий стала такой, что они только угадывались по цвету. Это значило, что здесь по каким-то признакам были проведены самые разные геологоразведочные работы¹⁹. Вначале, судя по условным обозначениям и номеру отчёта со стоящими впереди нулями, прошла рекогносцировка с общими поисками. Потом провели среднемасштабную геологическую съёмку и в завершение – геологоразведочные работы на какие-то полезные ископаемые и научные исследования.

Площадь Закатова, на которую, по совету Фишкина, он ориентировался, выглядела намного скромней. Впервые геологи появились в тех местах в начале 1950-х годов. Тогда прошла мелкомасштабная геологическая съёмка. Ею охватили огромную территорию – от реки Чара до Олёкмы. Геологи составили карту и попутно провели поиски. При таких работах обычно открывали то, что лежало на поверхности земли, но иногда случались приятные исключения. В истории геологии их насчитывалось немало, но к площади Закатова это не относилось.

В конце шестидесятых сюда снова вернулись геологи. Только в этот раз с государственной геологической съёмкой, ставшей главной работой. Среднемасштабная съёмка, какую там провели, обычно служит основанием для других, более детальных, исследований. На этой стадии работ составляют геологическую карту и разными методами, в соответствии со специальной инструкцией, ищут полезные ископаемые. Именно в это время геологи открывают больше всего месторождений.

Выписки из разных отчётов по результатам исследований, проведенных геологами за долгие годы, мелким убористым почерком заполнили толстую амбарную книгу. Перед ними Фёдор написал полное название отчёта, а на разлинованных полях указал его инвентарный номер и автора. Выписки отражали характер геологического строения района, тектонический режим²⁰, магматизм²¹, сведения по полезным ископаемым. Почти третья часть этого необычного конспекта рассказывала о золотоносности района. Сюда же были собраны материалы со всех просмотренных отчётов. Именно эти уже потёртые страницы чаще всего перечитывал Фёдор. Многие из них он знал наизусть.

«Единичные знаки золота обнаружены в девяти шлиховых пробах, – тихо читал Закатов, играя остро заточенным карандашом. – Из них по три пробы найдены по рекам Соктокут и Талакан. Две – в долине реки Чара и одна – в русловых отложениях реки Ланка. Золото представлено жёлтыми и золотисто-жёлтыми полуокатанными и окатанными пластинками размером от одной десятой до двух десятых миллиметра».

Эти реки протекали в разных районах огромной территории, поэтому никакой связи между единичными находками золота, сделанными геологами, он не находил. Настораживало

¹⁹ Геологоразведочные работы включают поиски и разведку месторождений. Одним из методов изучения геологического строения является геологическая съёмка, предшествующая другим видам работ. Выполняются по этапам. Вначале проводится мелкомасштабная региональная съёмка, охватывающая значительные участки земной поверхности. Далее – съёмка средних масштабов, которая даёт более детальное представление о строении района и, наконец, детальная съёмка, решающая специальные и прикладные задачи. При съёмке район исследований покрывается равномерной сетью маршрутов.

²⁰ Тектоника – учение о строении земной коры, геологических структурах и закономерностях их расположения.

²¹ Магматизм – совокупность всех геологических процессов, связанных с магматической деятельностью.

лишь то, что эти очень мелкие золотины геологи нашли в разные годы. Такую мелочь можно было смыть с лотка при промывке или даже пропустить при анализе, но, несмотря на это, они как-то остались и теперь стали главным поисковым критерием, которым руководствовались другие. Так как шлихи оказались проанализированы в разных лабораториях страны, где минералоги обнаружили и описали эти золотишки, говорить об их ошибках не приходилось.

Размышлять на эту тему Закатов мог часами, но главный вывод, который он сделал для себя, получился следующий: раз такие мелкие золотишки остались в шлихе, то их, по всей вероятности, было много. Значит, золото там всё-таки есть. Когда он думал об этих золотишках, перед его глазами часто возникали первые дни работы в новой партии.

* * *

После перекура Фишкин посадил Фёдора рядом с собой и из письменного стола вытащил толстый скоросшиватель с таблицами. На больших листах, заполненных шариковой ручкой, почти во всех клетках рядом с номерами проб стояли прочерки.

– Вот посмотри, как выглядят наши анализы на золото. Глазу зацепиться не за что: везде стоит «пусто». Но после того, что ты услышал, я думаю, понимаешь – на самом деле не всё так плохо: золото есть, просто этими методами его не поймали.

Полистав таблицы, Закатов вернул папку – пустые клетки интереса не вызывали. Можно было думать что угодно и приводить любые оправдания, но данные говорили об обратном: золота в пробах нет.

– В породах района, насколько я знаю, содержания золота на уровне геохимического фона²², то есть четыре-пять миллиграммов на тонну, – задумчиво сказал Фёдор, хорошо знавший о распределении основных химических элементов в земной коре. – Значит, незначительное превышение над фоном уже является важным поисковым критерием. Так сказать, прямой поисковый признак. Следовательно, при проведении поисковых работ аналитические методы должны давать даже самые низкие значения анализируемого металла.

– Естественно, – закивал головой Фишкин, увидев, что Фёдор быстро «въехал» в проблему, – содержание золота в одну десятую грамма на тонну породы, которые аналитики определяют нам, по поисковым меркам – это очень серьёзная аномалия. На этапе поисков она может соответствовать месторождению. Обычно пробы с такими ураганскими значениями сопровождают другие – с более низкими, количество которых значительно преобладает. С их помощью можно определить распределение металла в разных породах, выделить перспективные участки и даже найти вероятные рудные тела. Впрочем, ты это и сам знаешь.

Он быстро пробежал глазами по строчкам какой-то таблицы и снова вложил её в папку скоросшивателя.

– Значит, три года полевых и камеральных работ и, по-видимому, немалые деньги за аналитику пошли коту под хвост, – сказал Фёдор. – А ещё то, чего нельзя оценить никакими деньгами – конец надежде на успех. Но это же откровенное головотяпство!

От услышанного и увиденного у любого могли опуститься руки. Возможно, показывая материалы новому сотруднику геологической партии, Фишкин преследовал именно такую цель, а может, просто хотел дать понять, что в этом деле не всё так просто, как он думает, поэтому надо отдавать себе отчёт, куда пришёл.

– К сожалению, да, – убирая скоросшиватель с анализами, – произнёс Вадим Викторович. – Иначе не назовёшь и ничего не поделаешь – это уже свершившийся факт. Но, самое неприятное, как ты правильно подметил, – это конец надеждам на успех.

---

²² Среднее содержание химических элементов в породах или других образованиях на значительной площади.

После того случая ответственный исполнитель кое-как дописал отчёт и вскорости убрался восвояси, то есть уехал, – поправился он. – А Рудольф казался таким толковым мужиком! С такими планами на будущее! Просто диву даёшься фантазии полёта его мысли, и вот так всё бездарно рухнуло. Мы думали – вот-вот откроем второй Витватерсранд, но, как видишь, всё оказалось впустую.

Неожиданно Фишкин покраснел, на лбу выступили капельки пота. Такие воспоминания могли вывести из равновесия любого, а когда речь идёт о проблеме, которой ты живёшь, иногда отказывают тормоза. К решению о закрытии работы на древнее золото Фишкин с самого начала отнёсся весьма болезненно. Всё время он мечтал довести её до логического завершения, но из-за занятости ничего не получилось. С приходом нового ответственного исполнителя его надежды рухнули окончательно. Сообщение главного геолога он встретил в штыки, высказав всё, что думает по этому поводу, однако немного поостыв и хорошо поразмыслив, решил, что так будет даже лучше: постороннему решить такую глобальную проблему, на которую подписался Закатов, практически невозможно, значит, он тоже будет задействован и от этого общее дело только выиграет. Вначале он не верил в Закатова, но, пообщавшись, увидел, что тот неплохо подготовлен.

«Этот парень довольно настырный, у него есть характер и интерес к работе, – отметил он про себя. – Значит, может что-то получиться: именно такие, как он, добиваются успехов».

– Кстати, Илья Моисеевич об этих работах мне ничего не сказал, – с обидой в голосе произнёс Закатов. – Я думал, что поисками этого типа золота ещё не занимались, а оказывается, уже успели даже шишек набить. Теперь придётся начинать всё сначала.

«Я хочу тебе предложить одну очень интересную тему. Для её решения нужен толковый исполнитель», – мысленно передразнил его Фёдор. – А я, лопух, уши развесил: «Всё сделаю, найду вам второй Витватерсранд». Уже нашёл! Столько голов над этим билось и ничего не нашли, а я пришёл – и сразу всё сделал. Тоже мне герой! Захотел принести на блюдечке новое месторождение. Смотрите на меня, какой я умный и удачливый!

От досады Фёдор чуть не стукнул кулаком по столу Фишкина. Ему захотелось громко хлопнуть дверью и уйти. Уйти и навсегда забыть, как его провёл Федотов, убедив заняться нерешаемой проблемой. Забыть о том, что он увидел и услышал в новой партии. Однако в последний момент здравый смысл переборол сиюминутные амбиции, и он внутренне успокоился.

– Ну не совсем начинать сначала, – вытащив носовой платок, продолжал Фишкин. – Отрицательный результат – тоже результат. Сегодня, к всеобщему сожалению, он отрицательный, а завтра, будем надеяться, получим положительный. В своё время я тоже хотел заняться поисками этого золота, да вот, видишь, никак не могу расхлебать свои дела, и ещё текучка замучила. – Пересилив себя, Фишкин улыбнулся и, встав из-за стола, включил электрический чайник. – Не расстраивайся, Фёдор, зато теперь мы накопили кое-какой опыт, и, главное, знаем, что для этих работ ни один из применявшихся предшественниками методов определения золота не годится. – Отхлебнув глоток горячего чая, он поставил кружку на блюдце. – Я думаю, пробы следует анализировать в других лабораториях. Возможно, как раз в этом собака зарыта: по каким-то причинам в нашей лаборатории эти методы не работают.

Фёдор кивнул.

– Конечно, нужно что-то делать, это факт. А вот что?

«Что толку бросаться из стороны в сторону, не разобравшись до конца? Уйти я успею всегда, нечего паниковать раньше времени. Сегодня всем нелегко, у каждого свои проблемы, но жизнь продолжается. Надо радоваться, что именно мне предложили эту работу, с которой не справились другие. Вот возьму и докажу этому Илье Моисеевичу, Фишкину и всем другим, чего я стою, – твёрдо решил Фёдор. – Они ничего не нашли, а я найду. Найду, чего бы мне это ни стоило!»

* * *

Утешение он нашёл у Лены, обрадовавшейся его приходу.

– Не переживай, Федя, терпи. Раз сам вляпался, ничего другого тебе теперь не остаётся. Главное, не лезь на рожон и больше слушай других, а Бородин старайся обходить седьмой дорогой. Контакта у тебя с ним не получится – вы абсолютно разные люди. К тому же он увидел в тебе серьёзного конкурента, поэтому будь готов к разным неожиданностям.

Вначале Фёдор часто думал о Бородине, с которым теперь встречался каждый день, но потом к нему привык и успокоился.

– Да, конечно, Лена, я готов к этим неожиданностям, – обнимая девушку, сказал Фёдор, – но лучше бы их не появлялось. Я хочу честно работать, а не заниматься интригами. – Он открыл шампанское и налил в бокалы. Отпив, Фёдор посмотрел на свет. – Искрится не хуже французского. «Брют Премьер» да и только!

– Ой, как здорово! – воскликнула Лена. – Ты пил французское шампанское?!

– Было дело.

– А когда?

Уточнять он не стал и неожиданно рассмеялся.

– А ты поверила?

– Ну да. Ты же говоришь на полном серьёзе.

– Вот и хорошо, что поверила. Когда разбогатею, поеду в Париж и обязательно попробую не только «Брют Премьер». Доберусь и до «Луи Редерера» с десятилетней выдержкой и очень дорогих «Дом Периньон» и «Флоран Луис».

Губы Лены дрогнули, брови взметнулись вверх. Она всегда мечтала о красивой жизни, дорогих нарядах, своей машине, богатом муже, но в отместку родителям, которые толкали её на экономический, выбрала геологию. И теперь временами девушку одолевала тоска по столице, в которой жила с детства, и по загубленной молодости. Она хотела услышать слова Фёдора о его любви к себе или об их совместных планах на будущее, только эти слова так и не прозвучали. Фёдор молчал.

– Тебе это не грозит, потому что ты никогда не разбогатеешь, – произнесла она со вздохом. – Ты очень правильный, а у нас таких быстро останавливают и дальше не пускают. Хотя по гороскопу у тебя должно всё получиться. Но только при одном условии, – добавила она, лукаво улыбаясь.

– И каково же это условие, если не секрет?

В глазах Лены сверкнули горящие огоньки.

– Если ты будешь со мной.

* * *

Первые сведения о золотоносности всего региона относились к началу XX столетия, когда геолог Ивановский провёл поисковые работы в районе озёр Ороchon и Ничатка, а Иван Бочков – в бассейне реки Кодар. Основной упор в работах тех лет геологи делали на поиски россыпного золота. Однако, кроме знаковой золотоносности нескольких водотоков, они ничего не установили. Эти реки находились на другой территории и к предполагаемой площади Зака-това также не имели отношения.

В другом отчёте, написанном на несколько лет позднее, говорилось: «Золото на площади работ, проведенных Тулурской партией, обнаружено в четырех шлиховых пробах и только в единичных знаках. Пробы отобраны из русла рек Хоту, Мокит, Мултур, Атастах, Нутчак.

Золотины имеют форму тонких угловатых пластинок размером от одного до полутора миллиметров. Не окатаны, золотисто-жёлтого цвета. Коренные источники не установлены.

На последней фразе Фёдор каждый раз останавливался. Невольно он отрывался от записей и про себя отмечал – золотины не окатаны. А это значило, что где-то недалеко должен находиться коренной источник.

«В чём причина? Плохо искали, или, может, золото какое-то необычное, – думал он, листая тетрадь. – А может и правда ничего там нет? Рудные тела полностью разрушены, а золото вынесло в реку. Но в этом случае в русловых отложениях окатанного золота должно быть больше, а его практически нет. Условия для накопления вполне благоприятные: долины рек немолодые, есть впадины, и, по всей вероятности, мощность отложений приличная. Вообще там не помешало бы пройти шурфы. Тогда можно было бы изучить весь разрез речных отложений – и, кто знает, может, нашли бы промышленную россыпь».

К сожалению, о методах поисков, проведённых той экспедицией, в отчёте не сообщалось ни слова, поэтому приходилось только догадываться, как искали золото его предшественники.

«Скорее всего, они провели геологические маршруты, прошлиховали близлежащие склоны и водоразделы, – с зажатым в руке карандашом размышлял Фёдор. – Кроме того, отобрали штучные пробы и проанализировали пробирным анализом. Золото у них не пошло, следовательно, не стали бить канавы. В каких породах может содержаться это золото, одному только Богу известно».

Дальше шли выписки из очень старого отчёта, написанного в довоенные годы в Ленинграде. Автор – Дмитрий Алексеевич Миронов, давно ставший доктором наук, профессором, здесь начинал свою карьеру. Теперь по его книгам учились студенты многих вузов страны.

На прозрачной кальке, приложенной к отчёту, он составил первую геологическую карту значительной территории, захватывающей и его, Закатова, площадь. Миронов впервые выделил новые для этого района породы, изучил их взаимоотношения с другими образованиями и дал свою трактовку геологического строения района. По его данным, никаких зеленокаменных поясов, с которыми Федотов и Фишкин связывали надежды на открытие золота, там не было даже в помине. Ничего удивительного, о таких структурах в то время ничего не знали.

«Гранитогнейсы, кристаллические сланцы, амфиболиты²³, граниты, – и всё в таком же духе, – смотрел на его карту Закатов. – И больше ничего. А может, других пород он вообще не видел? – вдруг осенило Фёдора. – Миронов, как баран, упёрся в эти гранитогнейсы и пробежал всю площадь на одном дыхании. Хотя нет, такого быть не должно. Возможно, он их видел, но таких пород оказалось мало, и, чтобы не морочить себе голову, он их просто не отмечал или затолкал в какую-то толщу, и там они затерялись. Нет, это не ответ, придётся разбираться в поле».

В главе «Полезные ископаемые» геолог Миронов так же, как авторы других отчётов, приводил сведения, говорившие о полной бесперспективности изученной площади.

«Район нижней части реки Тангир, охваченный шлиховым опробованием, оказался совершенно пустым, с точки зрения золотоносности, – писал он в отчёте о проведённых поисках. – Все без исключения шлиховые пробы, взятые в течение полевого сезона, не дали ни одного знака золота».

В заключение автор сделал предположение, что на площади работ сложились неблагоприятные условия для накопления драгоценного металла в коренных породах, вследствие чего не могли образоваться россыпи.

«Вот это уже что-то, – подумал Фёдор. – Чувствуется академический склад ума, но нам от этого ни холодно и ни жарко. Где конкретные факты? А их пока нет, значит, это только гипотеза».

---

²³ Метаморфические породы, то есть породы, образовавшиеся при воздействии высоких давлений и температур.

* * *

Жизнь между тем шла своим чередом. В отряде Закатов был уже не один: Фишкин отдал ему Афанасия Берестова, долго просидевшего на больничном. Дали им и отдельный кабинет – закуток в конце длинного коридора.

Берестов в один год с Фёдором окончил университет, но до сих пор работал старшим техником-геологом. Почему-то дальше по служебной лестнице Фишкин его не пропускал. Афанасий оказался плотно сбитым крепышом невысокого роста с густой черной шевелюрой и чёрными, как бусинки, глазами. Своей внешностью и даже чертами характера он был обязан отцу, потомку якутского охотника, получившему неплохое образование и ставшему опытным речником. Несмотря на уговоры отца, Афанасий не пошёл по его стопам, а выбрал специальность, которая была ближе к природе. Когда учился в университете, будущее маячило в радужном свете, а придя на работу, вскоре понял, что это не его. После первого же серьёзного разговора Берестов собрался уходить.

– Всё, я больше не хочу так работать, и вообще мне всё надоело, – расплылся Афанасий. – Без тебя тут было спокойно, а как ты пришёл, сразу началась какая-то белиберда.

В сердцах он обвинял Закатова во всех своих неудачах и даже в семейных невзгодах. Заявление Берестова не на шутку озадачило Федора, и он стал разбираться.

– А в чём дело, Афоня? Давай рассказывай.

Тот набычился, втянул голову в плечи и, выпучив глаза, пробормотал, что он очень устал. Афанасий не считался сильным геологом, досконально знавшим свою работу, но являлся хорошим исполнителем. К освоению нового он никогда не стремился и, в отличие от своего отца, с техникой не дружил. Так бы за спиной лидера он и прокатился всю дистанцию «на колесе», если бы судьба не свела его с Закатовым.

– Теперь я тебя понимаю: ты хочешь тихо отсидеть рабочий день и спокойно уйти домой, – выслушав геолога, сказал Фёдор. – Зачем, мол, забивать себе голову ненужными проблемами, своих хватает.

Погруженный в свои мысли, Афанасий тупо смотрел перед собой. Его стол сплошь покрывали рулоны с картами и схемами, составленными по отчётным материалам предшественников, на полке стояли его книги, собранные ещё со студенческих времён. Всё, что его окружало, являлось до боли знакомым и осязаемым. Вот эти образцы минералов он привёз с Севера, а эта друза горного хрусталя – с Алдана. Он сам её нашел в маршруте, когда сплавлялись на резиновых лодках.

Теперь придётся бросить насиженное место и начинать всё сначала. Сейчас он работает в коллективе, где его хорошо знают и прощают мелкие «грехи», а кто знает, как сложится на новом месте?

Примут ли его там, или же он навсегда останется чужаком? Да и вообще, чем будет там заниматься, когда, кроме своей работы, ничего не умеет?

– Нет, дорогой, так у нас не получится, – строго сказал Фёдор. – Пора пахать, а ты всё расквашиваешься, тянешь резину. Чего ждёшь, моей команды или особого распоряжения начальника экспедиции? Ты что, не видишь, у нас везде одни дыры? Тут работы на пятерых, а мы с тобой только вдвоём.

– Ну, да, я знаю.

– Ну, раз знаешь, тогда давай быстрее включайся. И завязывай с выпивкой. У тебя что, лошадиное здоровье или лишние деньги завелись?

Берестов покраснел, на круглом лице выступил пот, глаза забегали по сторонам.

«Кто ему сказал, что я пью? – подумал Афанасий. – Как он узнал? А вообще-то, что тут такого: сейчас все поддают, я же не алкоголик какой-то».

– Со своими личными проблемами я справлюсь сам, но дело не в этом. – Он потрепал свои курчавые волосы и стал тихо продолжать: – Я просто не вижу смысла в этой работе. Откровенно говоря, мне надоела эта мышинная возня.

– Работать надоело, или, может, я тебя чем-то обидел?

Так с ним никто ещё не разговаривал. Берестов отвёл глаза в сторону. Присутствовали в них какая-то печаль и обида.

– Дело даже не в тебе, – начал объяснять Берестов. – Ты, скорее всего, последняя капля, переполнившая чашу терпения. Понимаешь, не дают мне работать. Я тут, как мальчик на побегушках: принеси, подай, а я хочу начать своё дело, работать на себя. Вначале я на Фишкина с Мамедовым пахал, потом даже Бородин стал мною помыкать, а теперь вот ты объявился. Обидно...

Берестов насупился. Закатов подумал, что он, как маленький ребёнок, сейчас расплачется, но тот вдруг резко сказал:

– А кто для меня Бородин, знаешь? Пустое место. Мы с ним учились в одной группе, я ему делал все практические и лабораторные. Представь себе, какие у него остались знания после армии. За три года службы в морфлоте всё, что знаешь, забудешь, а если ты ничего не знал...

– А что, тебе свою тему не предлагали?

– Да кто же мне её предложит? – удивился парень. – У нас в партии только две светлые головы – Фишкин и Мамедов. Они ответственные исполнители – на них все пашут. Теперь вот ты появился, ещё один начальник.

– А Бородин?

– Женя при Мамедове. Так сказать, его тень, подчищает за ним: что тот не доделал, Бородин бежит с поклоном на помощь. Видать, рассчитывает, что Мамедов напишет ему диссертацию, а там, смотришь, на чьих-нибудь плечах куда-нибудь пролезет. Я его, хитрого жука, хорошо знаю.

Неожиданно стало слышно, как в коридоре разговаривают, запахло табачным дымом. Кто-то закашлялся, потом раздался женский смех. Заканчивался рабочий день.

– Ладно, Афанасий, давай договоримся так: я тебе даю фронт работы, за который ты в ответе от начала до конца, и ты начинаешь пахать. Идёт?

Тот кивнул головой.

* * *

После работы Фёдора ждала Лена. Он к этому уже привык и несколько не удивился. Лена часто находила его даже там, где другому не пришло бы в голову искать.

– Пойдём, у меня к тебе серьёзный разговор.

– Серьёзный разговор? Вот как, интересно! У меня только что состоялся один серьёзный разговор. Не много ли на сегодня?

На улице накрапывал дождь. Морозящее облако висело над головой, накрыв город серым покрывалом. Люди, легковые машины, автобусы двигались по лужам, словно не замечая ненастья.

– Федя, я давно поняла, что тебе не нужна, – сказала она грустно.

Подсознательно он почувствовал состояние Лены и теперь ждал продолжения непростого разговора, который назревал давно.

– Ты живешь своей жизнью, в которой для меня нет места. К сожалению, я не смогла разделить твои увлечения. А твои увлечения – это работа. Но я не хочу жить только одной твоей работой. Мне этого мало. – Фёдор её пугал своими поступками и от мыслей о будущем, если она вдруг решит связать с ним свою жизнь, ей становилось не по себе. Иногда она жаж-

дала его, будто целительного бальзама, способного излечить от одиночества. Каждый раз она думала, что только с ним встретится – и в их отношениях всё изменится. Они встречались, но всё оставалось по-прежнему. – Кроме моей любви, нас практически ничего не объединяет. Ты меня совсем не любишь.

Фёдор попытался обнять девушку, всем своим видом показывая, как он её любит, но Лена выскользнула из его объятий.

– Послушай меня, пожалуйста. Только не перебивай. – Весь её вид выражал воинственную враждебность и решительность, чего раньше Фёдор в ней не замечал. – Я больше так не могу. Гоняться за тобой и верить в призрачное счастье – это не для меня. Пойми же наконец: мне как любой женщине нужны определённости и уверенность в завтрашнем дне. А с тобой я себя чувствую совсем незащищённой. Всё это из-за того, что ты меня не любишь.

– Лена, ты не права...

– Пожалуйста, не перебивай. Я же тебя просила, – остановила его девушка. – В твоём мире, кроме работы, ничего не существует, а я хочу нормальной семейной жизни. Понимаешь, нормальной жизни. На меня и так все смотрят, как на дурочку, которая сидит в этом захолустье и носится за таким же придурочным мужиком.

Он пытался опровергать её слова, говорил, что она всё придумала, но Лене это не остановило.

– К сожалению, Федя, это действительность. Ничего нового я от тебя не услышала. Всё, я с тобой расстаюсь, – сказала она жёстко. – Увольняюсь с работы и еду домой.

Глава 7. Катастрофа

Прорезав толщу плотных облаков, Ли-2 повис над белоснежной пустыней. Временами Бруксу казалось, что самолёт застыл на месте, и только шум моторов говорил о его движении. С высоты 3500 метров в разрывах между тучами внизу виднелись море и реки, петляющие по залесённым долинам. Сверху реки казались узкими извилистыми ручейками, каких немало в горах и на равнинах. Протекали они и на побережье Охотского моря. Иван оторвался от окна.

Все места в самолёте были заняты. Мягкие кресла с белыми чехлами выглядели почти как домашние, а красная ковровая дорожка в проходе добавляла уюта. Прямоугольные иллюминаторы походили на окошки сказочного замка.

В отличие от Ивана все пассажиры оказались не простыми смертными. Двух военных к самолёту доставили на легковой машине, крупного пожилого мужчину с женщиной проводжала целая делегация солидных людей. Летел ещё лётчик, по-видимому, какой-то большой начальник, остальные, по мнению Ивана, являлись руководящими работниками «Дальстроя». На некоторых он увидел чёрную горняцкую форму и фуражку с красным пятиугольником. Белыми буквами на нём было написано «ДС», что обозначало «Дальстрой». Не успел он оглянуться, как самолёт пошёл на посадку.

«Чудеса, да и только! – думал Иван, глядя в иллюминатор. – Я столько натерпелся в море, а тут полтора часа по воздуху – и мы в Охотске. Пятьсот километров позади. Правда, это только третья часть пути, но для такого самолёта разве это расстояние? Да, для освоения огромных территорий Севера нам надо много самолётов».

Аэродром, на который они приземлились, больше напоминал колхозное поле. То, что тут лётное поле, подсказывали только два По-2, стоявшие в стороне от взлётно-посадочной полосы, да полосатая тряпка, болтавшаяся на высоком шесте. По ней пилоты определяли направление ветра. Взлётно-посадочную полосу выстилала металлическая сетка, положенная прямо на грунт. В войну на неё приземлялись американские военные самолёты, которые перегоняли с Аляски в Сибирь, а теперь полоса служила для приёма гражданских бортов. Их Ли-2 заправили, погрузили какие-то ящики, и они снова взлетели.

Неожиданно погода стала ухудшаться. С севера подул холодный ветер. Небо затянуло тёмными тучами, солнце исчезло. Самолёт то летел в облаках, то над ними, и тогда становилось видно небо, а один раз они оказались между несущимися тучами. Иван прильнул к окну. Ничего подобного он ещё не видел, ватные облака хотелось потрогать руками и, как комок снега, подбросить вверх. На какой-то момент небо полностью очистилось, в разрыве показались горы и долина петляющей горной реки. Словно огромные великаны, впереди неприступной стеной стояли горы с закрытыми снегом вершинами. Своим величием и неповторимой красотой они притягивали к себе.

«Начинаются отроги Верхоянского хребта, – всматривался вдаль Иван. – Там уже лежит снег. Мы пролетели Юдомский хребет, а это, по-видимому, Сетте-Дабан».

Так же неожиданно, как показались, горы скрылись за облаками. Самолёт стал набирать высоту, прямо на глазах окна покрылись инеем. Ивану стало холодно, теперь он пожалел, что не купил себе тёплую одежду. По сравнению со всеми пассажирами он оказался одет совсем легко.

«Как-нибудь переживём, лишь бы только долететь».

Теперь парень с нетерпением ждал Тёплый Ключ, где планировалась очередная посадка. За окном повалил снег, и всё сразу исчезло из виду. Началось обледенение самолёта. Ивану послышалось, что двигатели стали работать натуженно, будто на износ. Временами казалось, что самолёт напрягается от непомерной нагрузки и вот-вот моторы не выдержат.

«С самолётом что-то не в порядке, надо принимать какие-то меры».

Но вот звук моторов выровнялся, в салоне стало теплей.

«Ну, слава богу, кажется, пронесло, теперь мы спасены, – подумал Иван, и в ту же секунду откуда-то из глубины подсознания возникла другая мысль. – Внизу же горы, а мы снизились. Это очень опасно, ведь впереди ничего не видно».

Сколько Иван ни всматривался вдаль, вокруг лежало снежное марево, заполнившее всё пространство. Подумалось, что из-за жутких холодов, какие бывают в горах, внизу нет никакой жизни. Потом он представил себе снежных баранов и бурых медведей, о которых читал накануне. Вдруг из непроглядной мглы вынырнуло что-то чёрное. Он даже не успел осмыслить, что это, как последовал страшный удар. Самолёт замер и, словно скакун, подстреленный на ходу, пролетев по инерции, рухнул вниз.

* * *

Иван очнулся в снегу. Нестерпимо ныло всё тело, голова раскалывалась на части. Выбравшись из сугроба, он осмотрелся по сторонам. Бушевала метель. Впереди угадывались высокие горы, позади – стояла каменная гряда с причудливыми останцами, которые, по-видимому, протаранил их самолёт. Повсюду были разбросаны искорёженные обломки металла, какие-то вещи и человеческие тела. Одно крыло самолёта отбросило вниз по склону, остатки сплюснутой пилотской кабины и фюзеляж лежали вверх.

Почти под ногами сугроб снега вдруг пришёл в движение, послышались человеческие стоны. Иван дотронулся до руки, боль парализовала сознание. Собрав все силы, он помог какому-то пассажиру выбраться из снега. Это оказался военный. Резко дёрнувшись, тот снова застонал и тут же упал. Кое-как Иван привёл его в чувство и побрёл к самолёту. Возле кабины он помог пилоту, придавленному крупными обломками. Как только тот пришёл в себя, потащил Ивана за собой.

– Я второй пилот Сенькин Николай Петрович, – услышал он его хриплый голос. – Ты поступаешь в моё распоряжение. Надо спасать людей...

Иван споткнулся и улетел в снег. Тысячи колющих иголок вонзились в лицо, тело прошило ознобом. Пилот подал руку.

– Давай быстрее, там экипаж. За мной! – крикнул он на ходу.

Вдвоём они залезли в фюзеляж. Их взорам предстала страшная картина. Впереди лежала мёртвая женщина, которую провожала делегация, и двое окровавленных пассажиров. В одном из них он узнал военного, которого привезли на машине. Под искорёженным металлом слышались стоны. Стоны доносились и из-под обломков пилотской кабины. С трудом они вытащили обмякшие тела командира и бортмеханика, живым оказался только бортрадист. Лицо и вся одежда у того оказались в крови.

– Вася, потерпи чуток, я сейчас, – сказал Сенькин. – Там пассажиры...

Он дал ему чего-то выпить и, когда увидел, что больше ничем не поможет, уложил на сложенные сиденья, предусмотрительно укрыв какой-то серой тряпкой. Расчистив проход, Иван добрался до хвостовой части самолёта. Здесь так же всё рассыпалось на части. Куски внутренней отделки бесформенными горами валялись на полу вперемежку с телами пассажиров. Устояла только какая-то бочка, прижатая раскрытым чемоданом, из которого вывалились разноцветные тряпки и тёмно-синяя кастрюля. Из-под груды обломков доносились чьи-то крики. У одного пассажира оказалась разбита голова, второй, весь в крови, тоже выглядел серьёзно раненным, но на удивление быстро пришёл в себя и встал на ноги. На нём была собачья шапка-ушанка и длинная кухлянка из собачьего меха, а на ногах торбаса. Из-за такого основательного северного облачения он показался Ивану колобком, которому никто не страшен. Возможно, эта одежда спасла своему обладателю жизнь.

Шёл густой мокрый снег, дул пронизывающий ветер, завывавший в разбросанных обломках самолёта. Когда закончили спасательную операцию, на улице уже смеркалось. Собрались в развороченном фюзеляже.

– Товарищи пассажиры, прошу внимания, – сказал второй пилот. – Ввиду произошедшего чрезвычайного происшествия как член экипажа самолёта командование я беру на себя. Прошу безоговорочно выполнять мои команды. От этого будет зависеть наша жизнь.

Никто не проронил ни слова. В эту минуту каждый подумал, как ему выжить и вернуться домой. По сравнению с другими им повезло, но в том положении, в каком они оказались, не было ни малейших гарантий, что они не пополнят список погибших.

– Товарищи, докладываю обстановку, – продолжал пилот. – Из-за неблагоприятных погодных условий наш самолёт потерпел катастрофу и полностью разрушен. Первый удар пришёлся на левую плоскость, отломившуюся вместе с мотором. От второго удара развалилась пилотская кабина. В живых осталось восемь человек. Из них четверо тяжело ранены. Мы с вами, слава богу, пострадали меньше их, а кое-кто может даже нормально передвигаться, – он показал на Ивана, прижимавшего руку к груди. – Наши действия следующие: в первую очередь мы занимаемся своим жизнеобеспечением. Для этого нужно разжечь костёр. Вокруг нас, как вы видите, нет ни одного дерева, поэтому собирайте всё, что может гореть. Надо продержаться до утра, а там что-нибудь придумаем, – поёжился он от холода. – А сейчас мы с Иваном приступаем к поиску энзэ – бортового пайка. Он должен быть где-то здесь, но для того, чтобы его найти, нужно будет перевернуть груду обломков. В энзэ есть также лекарства.

Только он закончил, послышались стоны. Раненые терпели из последних сил, но при упоминании о лекарствах не выдержали. Требовалось срочно оказать им медицинскую помощь.

– А вы и вы, – Сенькин показал на мужчину в кухлянке и военного, которого Иван вытащил из сугроба, – поищите что-нибудь съедобное в вещах пассажиров. И тёплую одежду, – добавил он, посмотрев на Ивана. – Кстати, я должен знать списочный состав экипажа.

Видно, по привычке второй пилот назвал их членами экипажа. Знакомство со своей командой он начал с Ивана. Узнав, что тот молодой специалист-геолог, он подал ему руку и сказал, что когда-то сам хотел стать геологом.

– А вы кто? – отойдя от Ивана, спросил он военного.

– Майор Сеницын, начальник штаба воинской части, – представился тот. Майор назвал даже номер части, в которой служил. По тому, как он докладывал, было видно, что это военный до мозга костей. Майор ещё говорил, но Сенькин уже разговаривал с мужчиной в кухлянке.

– Подполковник Свиридов, старший оперуполномоченный Якутского управления Министерства госбезопасности, – чуть не шёпотом прохрипел чекист. Если бы Иван стоял дальше, то ничего бы не услышал. – Я выполняю ответственное задание, поэтому прошу оказывать мне помощь.

– Какую помощь? Сейчас надо спасать раненых! – вспыхнул Сенькин, но, спохватившись, быстро перевёл разговор в мирное русло. – Товарищ подполковник, простите, вначале мы займёмся решением жизненно необходимых задач, которые я назвал, а потом всем остальным. В том числе и решением ваших проблем. Мы поговорим с вами позднее.

* * *

Всю ночь Иван не сомкнул глаз. Следовало поддерживать огонь, дежурить возле раненых. Почти все они бредили во сне, а бортрадист громко кричал. В бреду он звал какую-то медсестру Раю, которую умолял, чтобы она вынесла его с поля боя. Иногда он приходил в себя и просил воды. На этот случай у Ивана стояло ведро кипятка на костре. Эту же воду он пил сам, утоляя жажду и согреваясь от холода. Ночью снег прекратился, резко похолодало. По словам Сенькина, температура опустилась примерно до 30 градусов.

Утром пилот снова провёл собрание. По его сообщению, о случившейся катастрофе должны были знать даже в Москве, поэтому их будут искать и непременно найдут. Только для этого надо находиться на месте катастрофы. Весь вопрос заключался во времени: продуктов при самой строгой экономии могло хватить всего на пять дней, топливо для костра могло закончиться уже на следующий день. По решению собрания, стали ждать помощь. В их положении казалось трудно принять какое-либо другое решение: за ранеными требовался постоянный уход. Но Ивана не покидала мысль о том, что надо спускаться вниз.

– Там теплее и, в конце концов, есть дрова, – говорил он пилоту, – а главное, должна быть река, по которой можно будет сплавиться. Там должны быть люди...

Он попросил у Сенькина карту, но тот отказал.

– Не могу, она секретная.

– Ну и что? – с вызовом ответил Иван. – Я только посмотрю, где мы находимся.

Будто извиняясь, пилот тихо произнёс:

– Пойми меня правильно, я дал подписку о неразглашении государственной тайны. Если узнают, меня лишат допуска к секретным материалам, а без допуска я никто – придётся уходить с работы.

– Да кто узнает? Здесь же все свои.

– Ты ошибаешься, первым меня заложит чекист. Сдаст с потрохами за милую душу – такая у него работа. Для этого он приставлен сюда.

С трудом Иван его уговорил. На штурманской карте он увидел гриф «Секретно», подтверждавший слова пилота. В месте падения их самолёта, которое показал Сенькин, стояла абсолютная отметка «1997». Вот какой высоты достигала гора, на склоне которой они находились. Вокруг стояли горы пониже, и только на севере и северо-западе вершины некоторых гор превышали две тысячи метров над уровнем моря. Внизу, примерно в восемнадцати километрах от них, как подсчитал Иван, петляла горная река со странным названием Бурхала, по которой можно было сплавиться. Но чтобы до неё дойти, пришлось бы подняться на перевал и переправиться через небольшую речку. А до ближайшего населенного пункта прямую насчитывалось больше ста километров, по реке получалось в два раза больше. Преодолеть такой сложный путь могли только здоровые люди. Таковых среди них не было.

В полдень потеплело, и снова пошёл снег. Вначале, как в хороводе, закружились редкие пушистые хлопья, потом посыпалась мелкая крупа. В хвосте фюзеляжа Иван заметил плоские деревянные ящики, которые загрузили в Охотске. При падении их раскидало, и теперь они валялись повсюду. Он схватился за ручку, но ящик оказался неподъемным. Иван дернул сильнее, тот только шевельнулся. Взяв топор, он стал ломать крышку. После нескольких ударов ящик поддался, и, к удивлению парня, из него посыпался жёлтый песок.

– Ничего себе подарок! Так это же золото!

Пока он думал, что делать с содержимым ящика, подошёл Свиридов. Увидев открытую крышку, он закричал:

– Прекратить! Пристрелю как собаку. Я приказываю немедленно все собрать и заколотить ящик! Выполнять мою команду!

Для пущей убедительности он направил на Ивана пистолет. От неожиданности парень опешил. Чёрный ствол оказался всего в нескольких десятках сантиметров от его головы. Ничего подобного Иван никогда ещё не испытывал.

– Там золото. Я отвечаю за него своей головой! – кричал военный. – Если не хватит хоть грамма, я тебя посажу. Выполняй приказ.

– Да вы что? Я только хотел взять ящик. Из него получится много дров для костра. Холодно...

Вечером умер бортрадист. Весь день он стонал, но на помощь никого уже не звал. Да никто помочь ему и не мог. На следующее утро не стало пассажира Романова, потерявшего

много крови. Теперь их осталось шесть человек, и двое из них не могли передвигаться. Судя по небу, затянутому плотными, низко висящими облаками, улучшения погоды не предвиделось. Срочно требовалось принимать какое-то решение. Увидев, что наступил критический момент, Иван предложил свой план.

* * *

Собрав все продукты и необходимое снаряжение, вышли как только рассвело. Раненых погрузили на волокуши, которые смастерили из обшивки самолёта. Снега было почти по пояс, поэтому пришлось по очереди торить тропу. Потом по ней шли остальные и тащили раненых.

Утро выдалось сырое, временами сыпал снег, закрывая ближайшие горы. Из-под сугробов кое-где торчали лохматые зелёные ветки, потом пошли редкие кусты кедрового стланика, а вскоре начались сплошные стланиковые заросли. Все пространство, насколько хватало взгляда, заполонила эта колючая зелень. Первым остановился Сенькин, шедший впереди. Пробраться сквозь заросли стало невозможно, пришлось браться за топор и по очереди прорубать дорогу. Оказалось, что это могут только Свиридов и Иван. Майор и Сенькин от усталости и полученных ран еле держались на ногах. На каждом привале майор лежал пластом, и о том, чтобы он занимался тяжёлой работой, не могло быть и речи. Зато Сенькин крепился как мог, стараясь не показывать вида, как ему тяжело. При каждом взмахе топора пилот думал, что он последний.

Спуск забирал последние силы. Путники падали и подолгу лежали на снегу, но потом вставали и шли опять. Чем ближе они подбирались к долине реки, тем меньше становились сугробы. Вскоре стланик сменили чахлые лиственницы, кое-где попадались ели. Неожиданно снег кончился, под ногами застучали камни, началась мокрая каменная осыпь. Эта почва уходила из-под ног, сползала по склону, заставляла людей падать. Пришлось где задом, где на четвереньках осторожно скатываться к подножью. Только приспособились, начались курумы с громадными валунами. Кое-где пришлось ползти, пока не попали на очередную осыпь.

Иван с Сенькиным смастерили носилки из жердей и на них переложили раненых. У одного из них, Лемковича, были сломаны ребра и, по-видимому, пострадал позвоночник. Временами этот человек терял сознание и постоянно бредил. Второму, Васильеву, тряска тоже была противопоказана. Кроме перелома обеих ног и руки он получил серьёзное сотрясение мозга. Не легче приходилось и тем, кто их нёс. Больше всех досталось Ивану. Поначалу казалось немыслимым нести носилки со сломанной рукой, но деваться было некуда, и он влез в упряжку. Правой рукой Иван держал одну ручку носилок, вторую – привязал к висевшему на шее ремню. При каждом резком движении пронизывало всё тело, от нестерпимой боли бросало в жар. Через каждые пятьдесят шагов все, как по команде, останавливались и, поставив носилки, от изнemoжения падали на камни.

Вечерело, на горы опускалась ночь. Снизу потянуло холодом.

– Ещё чуть-чуть – и мы останавливаемся на ночёвку, – подбадривал всех пилот. – Потерпите, – говорил он обессиленным раненым.

В первый день прошли немного, зато спустились в крутой распадок, по которому протекал горный ручей. Измотанные, еле державшиеся на ногах, все как по команде упали возле ключа и стали жадно пить. Вода казалась такой вкусной, какой они не пили никогда. Никакая ключевая или даже минеральная не шла в сравнение с этой, утолившей нестерпимую жажду. От холода у Ивана занули зубы, но он всё набирал полные горсти и пил, а Свиридов окунул голову в ручей и, когда не хватало воздуха, с шумом выныривал. После «водопоя» сразу захотелось есть.

Первый раз за последние дни разожгли большой костёр. Пламя устремилось ввысь, освещающая стоянку и притихших людей. Как только согрелись, Сенькин повесил над огнём котелок.

В ожидании ужина стали сушить одежду, время от времени отодвигая её от лизавшего пламени. В просветах туч сияли звёзды, бесконечное множество ярких точек светилось по всему небосводу, создавая сказочную картину, при взгляде на которую хотелось мечтать о вечном.

Главной надеждой на спасение от голода стали макароны, оказавшиеся в чьём-то багаже. Но они, как весенний снег, таяли прямо на глазах. Наломав лапника, люди легли под открытым небом. Ночью ветер сменил направление, пошёл морозящий дождь. Иван встал, раскожегарил костёр и до рассвета просидел возле огня.

* * *

На третий день пути подошли к крутому хребту. Впереди стояли горы, через которые предстояло перевалить. К перевалу вела звериная тропа, петлявшая вдоль шумного ручья, который скатывался сверху, куда они шли. Снизу стало видно, что ручей раздваивается на два рукава. Иван повёл по перемычке, где оказался более пологий склон. С каждым шагом носилки с ранеными казались намного тяжелее, чем были вначале, а временами даже неподъёмными. У Лемковича поднялся жар, от боли он стонал и всё время бредил. Васильев как мог крепился, но чувствовалось, его покидают последние силы и вот-вот он потеряет сознание и провалится в бездну.

Шли тяжело и очень медленно. Теперь путники останавливались и отдыхали через каждые десять-пятнадцать шагов. Внизу бежал ручей, вдали синели горы, а впереди стояла неприступная стена. Набегавший ветерок охлаждал разгорячённые тела, приносил терпкий запах багульника, зеленевшего в узких ложбинках. Вскоре лес стал редеть, впереди показалась вершина горы, между которой лежал путь через хребет. Остановились передохнуть, и тут майор отказался вставать.

– Всё, я дальше не пойду, – запротестовал Синицын. – Сил моих больше нет.

Казалось, никто не заставит его подняться, но, отлежавшись, он поборол себя и, встав на четвереньки, с трудом оторвался от земли. Шаг за шагом они продолжили подъём. Где ползком, где на корточках взяли крутой перевал и оказались на седловине, заросшей кустами ерника и редкими лиственницами. Будто по чьей-то команде, погасло солнце, опустились тревожные сумерки. Сразу стало холодно. Из-за гор выплыл серебряный месяц, зажглись на небе звёзды.

На следующий день спустились в долину какого-то безыманного ручья, впадавшего в Бурхалу. Погода выправилась, на небе появились просветы, сквозь тёмные тучи выглянуло солнце. Впереди стоял могучий лес. Пожелтевшие лиственницы уже не казались такими мрачными и безликими, а лохматые ели, обвитые длинными космами, выглядели сказочными красавицами, собравшимися под венец. Повсюду блестели разноцветные капли воды. Вместе с появлением солнца на душе полегчало.

– Товарищи, сегодня лётная погода, – сказал Сенькин. – Это значит, должен вылететь спасательный борт, и нас будут искать.

Слушая его, Иван думал, каким же образом их могут спасти.

«Самолёт приземлиться не сможет, парашютистов не сбросит. А если даже и получится, то какой от них толк? Значит, нам ничем не помогут. Хотя нет, – вдруг дошло до его сознания, – лётчики могут сбросить продукты и лекарства. Вот если бы был вертолёт, тогда бы нас точно спасли. Говорят, в Америке уже есть такие аппараты».

Несколько раз шум ручья и порывы ветра Иван принимал за гул самолёта, а когда тот показался, не поверил своим глазам и ушам. Самолёт летел в стороне от их маршрута и, не доходя высокой горы, развернулся и полетел в обратном направлении. Потом он снова прошёл в стороне от них. Долетев до места катастрофы, Ли-2 сделал два круга и, качнув крыльями, повернул назад.

– Ну, всё, товарищи, они нашли наш разбившийся самолёт и, по-видимому, посчитали, что все погибли, – расстроившись, сказал Сенькин. – С воздуха увидели только обломки, наши следы, конечно, занесло снегом. Обидно, что так получилось! – На его глазах выступили слёзы. – Могли бы ещё полетать, они же не прошли точку невозврата: заправки хватило бы ещё как минимум на полчаса. Что же они так! Мы сами виноваты: могли бы разжечь костёр.

– И что, нас больше не будут искать? – убитым голосом спросил майор. – Как же так! Даже во время войны спасали пилотов, оказавшихся на вражеской территории, а сейчас мирное время, есть возможности. Ну почему же они не сделали пару параллельных пролётов? Ну, хотя бы полетали для приличия, ведь горячее, говоришь, у них ещё оставалось. Ну как же так – летали рядом, а нас не заметили?

На нём не было лица. Уверенность Сенькина в благополучном исходе поисков сыграла с ним дурную шутку.

– Товарищ майор, не падайте духом, – подбодрил его пилот, – ещё не всё потеряно: есть надежда, что поиски продолжат. Место катастрофы наверняка засняли на фотоплёнку – такой порядок. Сейчас плёнку проявят и после дешифрирования аэрофотоснимков наверняка увидят наш флаг.

Из-за потерянной надежды на спасение не хотелось даже двигаться. Все молча сидели и тупо смотрели куда-то вдаль, будто ожидая увидеть там спасительный самолёт. Первым молчание нарушил Иван:

– Ну что, так и будем сидеть?! Надо идти дальше. Теперь, если он прилетит, разожжём костёр. Ну, давайте соберитесь, – подошёл он к майору, лежавшему ничком без признаков жизни. – Товарищ майор, поднимайтесь, так можно простудиться, поберегите себя. Нам надо идти.

– Да пошёл ты... пацан! – заругался тот в ответ. – Я никуда не пойду. С меня хватит! Я больше не хочу мучиться.

Он вытащил пистолет и снял с предохранителя. Через мгновение мог раздаться выстрел.

– Да ты что!.. – бросился к нему Свиридов. – Ты что надумал? Сдай оружие, немедленно. Я приказываю, – протянул руку гэбист.

Майор молча отдал пистолет. На его лице Иван не увидел никаких эмоций. Казалось, его поступками руководят неведомые силы.

– Вот так-то оно лучше. Нечего перед нами бряцать оружием. Мне надо было сразу всех разоружить, а то, видишь ли, нашёлся тут один герой. Пострелять он, видите ли, захотел. На войне надо проявлять свой героизм.

День догорал, но солнце ещё не спряталось. Где-то рядом шумела река, о которой они мечтали весь переход и стремились достичь её берегов. С ней связывалась вся надежда на спасение.

– Осталось совсем немного, потерпите, родные, – поддержал Сенькин бредивших раненых. Было видно, он сам идёт из последних сил, и эти слова относятся больше к нему самому.

Вокруг стояла тишина, иногда слышались глухие всплески на реке, казалось, что какой-то невидимка кидает камни в воду. Река открылась сразу за лесом. Она тихо текла одним мощным руслом по широкой долине. Русло прижималось к левому берегу, на котором они стояли. Кое-где виднелись косы, выложенные валунами и галькой, а впереди ревел пережат. За дальними сопками, идущими вдоль берега, стояла заснеженная вершина высокой горы, которую они увидели, когда спускались к реке.

– Это Бурхала, – сказал Иван на берегу. – Наконец мы дошли. По ней сплавимся до судоходного Алдана. Там есть люди.

Его радости никто не поделил. От усталости все повалились с ног. Последние силы покинули и Ивана.

Глава 8. Неизвестный Брукс

В выходной день в экспедиции организовали выезд за город, но многие в один автобус не вошли. Закатов не стал дожидаться следующей ходки, а решил пойти на работу. В фойе его внимание привлекла весёлая компания молодых людей. Он узнал Аню Тихонову из Центральной лаборатории, в которой анализировали его пробы. Аня была в тёмно-коричневой клетчатой куртке и синих брюках, а голову украшала яркая косынка.

– Федя, а вы почему уходите? – окликнула его девушка. – Давайте присоединяйтесь, с нами не соскучитесь, Виктор Иванович подтвердит.

Услышав своё имя и сообразив, о чём разговор, начальник лаборатории пришёл Ане на помощь.

– Фёдор, ну что же вы так! Анечка просит вас остаться, а вы нас покидаете. Разве настоящие джентльмены так поступают? Подходите поближе, не стесняйтесь, поговорим о ваших драгоценных пробах.

Закатову ничего не оставалось, как присоединиться к компании химиков. А вскоре подошёл автобус.

После прошедшего дождя лесной воздух пропитался влагой, земля парилась от опустившегося тумана. Аня предложила прогуляться.

– Про тебя говорят, что ты живёшь одной работой. Я думаю, что это правда, – отойдя от шумной компании, неожиданно для него сказала девушка.

Услышав, что думает о нём Аня, которую он совсем не знал, Фёдор внутренне смутился, но разум взял верх над сиюминутной слабостью, и он сказал:

– Почему ты так думаешь?

– Да потому, что я тебя нигде не вижу. Со всеми где-нибудь встречаюсь, а тебя можно увидеть только в коридоре экспедиции. Значит, ты раньше всех приходишь и позже всех уходишь.

Фёдор грустно усмехнулся. Аня оказалась права: весь его жизненный уклад был подчинён работе, о которой он думал даже сейчас.

– А что у тебя с Леной Ягодкиной? – глядя ему прямо в глаза, спросила девушка. – Вы, кажется, хотели пожениться. Она, по-моему, из-за тебя собралась уезжать.

Парень поразился её осведомлённости. Следовало что-то отвечать, и он сказал, ничего не скрывая:

– Понимаешь, мы с Леной совершенно разные люди. Она живёт своими, какими-то киношными, иллюзиями, хочет стать богатой и знаменитой, а я существую в нашем реальном мире, где надо много вкалывать и полагаться на свои собственные силы.

Он рассказал о своих взаимоотношениях с ней и о том, как они расстались. Вокруг не было ни малейшего дуновения ветерка. В полном безмолвии стояли раскидистые сосны, под ногами лежала опавшая хвоя.

– С тобой совсем непросто, ты очень сложный товарищ, – произнесла девушка задумчиво. – Не спорю, человек приходит в этот мир для того, чтобы созидать, но мы живём один раз, поэтому надо успеть всё. А замыкаться только на одной работе, забывая про того, кто тебя любит, по-моему, совершенно неправильно и глупо. Это под силу только гениям. Может, ты гений?

Анечка звонко засмеялась. На её щеке появилась ямочка. Озорная улыбка отпечаталась у Фёдора в голове. Подул лёгкий ветерок, из леса потянуло запахом прелых листьев и хвои.

– Гении, наверное, очень скучные люди. Не правда ли?

– Возможно. Я не принадлежу к их числу.

– Фёдор, так, как ты живёшь, можно быстро сгореть. От тебя останется только пепел. Ух как смешно! Сгореть от работы.

Держась за руки, Фёдор с Анечкой брели по опушке леса. С горы виднелся город с шумными улицами, переполненными машинами и пешеходами, а здесь, казалось, необыкновенно тихо. С сосновых иголок бусинками свисали хрустальные капельки воды. От земли, от леса – от всего, что их окружало, веяло свежестью, какая бывает после прошедшего дождя.

– Ну, всё, сейчас выглянет солнце и снова будет жарко, – улыбался Фёдор. – Как здорово, что мы от всех убежали! Тучка помогла.

Трава, словно вобрав в себя влагу, теперь отдавала её тем, кто на неё наступал. Сапоги девушки почернели и промокли.

– Надо возвращаться к костру, а то о нас подумают что-нибудь нехорошее, – с тревогой в голосе сказала Аня. – Придём, будем сушиться.

– Ну и пусть думают, – прижав к себе девушку, поцеловал её Фёдор. – Главное, что нам с тобой хорошо. Почему же я не знал тебя раньше?

Круглое личико Анечки озарилось улыбкой. Большие карие глаза блеснули искромётными огнями.

– Надо почаще заходить в нашу лабораторию. А то он, видишь ли, проходит мимо нас стороной, как будто, кроме методиста и начальника, в лаборатории никого не существует. А твои пробы кто анализирует?

Медленно рассасываясь, туман поднимался и исчезал. На душе у Фёдора стало легко и необыкновенно спокойно. Неожиданно вспомнилась их первая встреча.

– Нашу Анечку вы, наверное, знаете, – подходя к стройной, как берёзка, темноволосой девушке с живыми глазами, познакомил его начальник лаборатории. – По-моему, мимо неё нельзя пройти равнодушно.

Аня залилась румянцем. Сверкнув в улыбке белоснежными зубами, девушка скромно опустила голову.

– Ну что вы, Виктор Иванович...

– Анечка – самая красивая девушка нашей лаборатории – это бесспорно, – продолжал Петров. – Она химик-аналитик и ещё занимается гидрохимией. Большая часть силикатных анализов выполнена ею лично. Во многих отчётах можно встретить Анину фамилию. И в поле она, кстати, ходит, да ещё Аня и стряпуха, и рукодельница, и вдобавок не замужем.

В подтверждение того, что с завтрашнего дня он будет благоразумным, Фёдор пригласил Аню на свидание.

– Я согласна, – бойко ответила девушка. – Беру над тобой шефство, буду смотреть, чтобы ты не переработал и быстрее спустился на землю.

Первый раз за последнее время Фёдор почувствовал, что спокоен и умиротворён. Приятно было сознавать, что он познакомился с девушкой, разделяющей его взгляды. В лице Ани появился серьёзный оппонент, проверяющий его внутренний мир на прочность.

* * *

Спуститься на землю скоро Фёдору помогли. И сделал это не кто иной, как Бородин.

– Я забираю у тебя Берестова, – сказал он при встрече. – В поле мне нужен геолог. – На его лице появилась едва уловимая надменная усмешка.

– Не понял! – резко ответил Закатов. – Берестов работает в моём отряде. Тебе нужен геолог, значит, ищи.

– Берестов сам хочет ко мне перейти. Задолбал ты его своей тупой работой. Мужика жизни не даёшь. Из-за тебя у него семья разваливается.

В последнее время Афанасий только втянулся в работу и, почувствовав, что чего-то может, трудился на совесть.

«Тут явно какая-то интрига, – подумал Фёдор. – Афанасий на такое не способен».

Но, к его удивлению, тот подтвердил слова Бородина, а потом рассказал, что случилось на самом деле.

– Понимаешь, он подловил меня на старом. За мной числится небольшой должок, и я думал, он о нём забыл, а вот видишь, как вышло. Короче, ты меня прости, если можешь, я ничего сделать не могу, придётся отрабатывать. Я же тебе говорил, Женя ещё тот жук: если валит, то наповал. Ты же знаешь, он сейчас едет заверять мамедовскую аномалию, а я одно время работал с Мамедовым на том участке, вот он и решил меня припахать. Ему со мной, конечно, будет легче.

Разобравшись с Берестовым, Фёдор подошёл к Бородину.

– Если ты не хочешь, чтобы я испортил тебе карьеру, оставь Афанасия в покое. В поле ты поедешь без него.

Через неделю Закатов пригласил Фишкина посмотреть свои материалы. Зная, как тот дорожит каждой минутой рабочего времени, Фёдор с места в карьер заговорил о проблемах, возникших с площадью работ.

– Вадим Викторович, уже нужно заканчивать проект, а я до сих пор не могу определиться со своим районом. По данным предшественников наметить перспективную площадь практически невозможно.

– Почему же это невозможно? – улыбнулся Фишкин – Я тебе её показал и, насколько помню, ты её вынес на свою топооснову, а потом перенёс на ватман.

Для того чтобы выделить эту площадь, Фишкину потребовался не один день. В редкие минуты он признавался себе сам, что это итог его огромного практического опыта и научного предвидения, без которого невозможно сделать открытие. В своё время он горел этой проблемой, мечтая открыть новое месторождение, но у руля оказались другие, не принимавшие его, тогда ещё молодого специалиста, всерьёз. И кто знает, как завершилась бы та работа и сложилась бы его судьба, если бы он стал ответственным исполнителем темы. С того времени при одном только упоминании о древнем золоте у него начинался внутренний зуд.

– Тогда давай ещё раз посмотрим. Афанасий, подай, пожалуйста, ту карту. – Он ткнул на подоконник. – Да вот она, перед твоими глазами, рядом с бланковой.

На длинном листе ватмана была вычерчена геологическая карта с коричневыми горизонталями и голубой гидросетью, а на ней проведены жирные линии, ограничивающие площадь района работ с вынесенными аномальными пробами предшественников. Чтобы точно привязать пробы, сначала их выносили на детальную топографическую карту, а потом переносили на другую карту или копировали на кальку. Участок Фишкина оказался довольно протяжённым, поэтому его перенесли с двух среднемасштабных карт-километровок на один лист.

– Вот твоя площадь. – Вадим Викторович карандашом обвёл вытянутый в длину прямоугольник и посмотрел на Закатова.

– Вы меня не поняли, – заёрзал тот на стуле, – я имел в виду совсем другое. По целому ряду признаков эта площадь не подходит для наших работ. Если учесть, что эта работа в некотором роде опытно-методическая, то её надо выполнять методически грамотно.

– Во даёшь! А мы что, делаем её безграмотно? Нам захотелось поиграть в геологов, и мы изображаем их из себя. Так сказать, в бирюльки играем.

Фишкин всегда всё делал основательно и, прежде чем на что-то решиться, многократно просчитывал различные варианты. Только после этого он приступал к претворению замысла в жизнь. Также Фишкин писал геологические отчёты. Иногда процесс осмысления информации длился протяженное время, и тогда, не находя себе места, он разгуливал по длинному

коридору экспедиции или пропадал в курилке. Зато, как только приходил к единственно верному решению, садился за письменный стол и работал безвылазно.

– На той площади, которую вы предлагаете, провели чуть ли ни детальную разведку, а золота никто в глаза ещё не видел. Его не установили ни в одной пробе, и авторы всех отчётов дали отрицательные заключения на предмет её золотоносности, а мы собираемся туда выходить.

– Ну кто, например? – спросил Фишкин. – Назови хоть одного.

– Миронов.

– Ух, скажешь тоже, Миронов! Да его работа такая древняя, что о ней можно даже не вспоминать. Тоже мне, нашёл авторитет! Миронов, видишь ли, поставил на ней крест. Что же он там, интересно, сделал? Шлиховал, наверное?

– И не только. Несколько проб проанализировал пробирным анализом на золото и серебро и, кстати, по всем методам поисков получил отрицательные результаты. Разве этого мало? Я думаю, вы зря утрируете – Миронов сделал всё, что мог: он исследовал район, провёл поисковые работы. Не его беда, что он не получил положительных результатов. Просто там пусто, и теперь после его отрицательного заключения выходить на ту площадь с поисками золота по меньшей мере несерьёзно.

– Серьёзней не придумаешь.

Решающим доводом для выделения Фишкиным этой площади послужили литературные материалы по геологическому строению Африканского и Канадского щитов, на которых оказались открыты крупные месторождения золота. Сопоставив свой разрез пород, с разрезами известных месторождений, он пришёл к выводу, что они очень похожи, и, следовательно, являются потенциально золотоносными.

– Для этого должны быть какие-то веские аргументы, – давил на Фишкина Закатов. – Вот попробуйте сейчас объяснить членам научно-технического совета, почему именно там нужно искать золото, а не где-нибудь в другом месте! Меня же никто не поймёт. В лучшем случае посоветуют ещё поработать с фондовыми материалами, а могут и вообще завернуть проект.

Вадим Викторович помахал указательным пальцем, и Фёдор замолчал в ожидании его обоснованных доводов. Именно их ему часто не хватало, чтобы принять какое-то решение, но в этот раз он полностью верил в свою правоту.

– Не торопись, аргументы у нас есть. Главный – это наличие разреза пород, относимых к зеленокаменным поясам, сопоставимого с зарубежными. Они детально нами описаны. В одном производственном отчёте приведены все фактические материалы и там же даны их разрезы. Кроме того, есть две статьи, опубликованные в приличных научных изданиях, в которых указаны те же доводы. Я тебе их давал.

– У меня эти статьи, – подтвердил Фёдор. – Я их давно проработал. Но, кроме фактуры по составу разрезов, там ничего нет. Этих материалов недостаточно, чтобы рекомендовать вашу площадь для поисков золота. Такой, как Федорчук, только посмеётся и скажет: «Молодой человек, вам надо почитать учебники. Вы всё забыли, чему вас учили в школе. Где ваши критерии поисков? Я их здесь не вижу».

Берестов прыснул со смеху, стул под ним закачался. По лицу Фишкина пробежала едва заметная усмешка. Николай Романович Федорчук слыл принципиальным и часто необоснованно жёстким специалистом, способным перевернуть всё с ног на голову. Поэтому его побаивались и старались обходить стороной.

– Что-то в этом, несомненно, есть, – почесал бороду Фишкин, – не спорю. Но это, Фёдор, ещё не всё: в шлихе на водоразделе рек Догдо и Тумул установлен один знак золота. Вот тебе и прямой признак золотоносности, о котором ты говоришь. Теперь никакой Федорчук тебе не возразит.

– Я знаю об этой пробе, но она же за пределами нашей площади, и неизвестно, что там за породы. Вот посмотрите на карту.

Жёлтый кружок, о котором говорил Фишкин, обозначал шлиховую пробу и стоял среди розового поля гнейсов, намного южнее жирной линии, оконтуривающей выделенную площадь.

– Это, Федя, продолжение той же структуры, которая прослеживается на сотни километров. Вот, видишь, она здесь пошла на юго-восток.

– Структуры, сложенной другими породами? Это же гранитогнейсы.

На геологической карте было видно, что на севере строение пород отличалось от того, что располагалось южнее. Вадим Викторович молча кивнул, поглаживая седеющую бородку. От этого она стала заострённой в подбородке, похожей на клин.

– Ну, если ты так хочешь, мы ненамного увеличим площадь твоих работ. Протянем её до этого водораздела, и тогда эта проба окажется в твоём контуре. Ну что, так будет лучше?

Прямо на глазах Закатова площадь выросла в длину, и жёлтый кружок оказался в замкнутом контуре. Это был хитрый ход Фишкина, исчерпавшего все аргументы.

– Что ж тут хорошего: одним росчерком карандаша вы добавили мне километров двадцать в длину. Это как минимум сто квадратных километров. Мне всё равно непонятно, почему в гнейсах выскочило золото. Что-то здесь не так.

По всем канонам месторождения золота в таких породах не встречались. Золото могло образоваться в любых изменённых образованиях – в углистых сланцах, кварцевых жилах и ещё в десятке других разностей пород, но только не в гранитогнейсах.

– А вы знаете, там могли произойти тектонические подвижки, – неожиданно вставил Берестов, внимательно слушавший перепалку своего начальника с Фишкиным, – один блок земной коры приподнялся, а второй опустился. Ну это как по теории дрейфа континентов Альфреда Вагенера²⁴. В результате спрединга²⁵ расплавленное мантийное вещество поднимается вверх по рифтам и растекается в разные стороны. С таким мантийным веществом, возможно, оказалось принесено и это золото. По этому блоку, может быть, когда-то протекала река, а теперь он поднялся и стал высокой горой.

Фишкин и Закатов молча переглянулись. «Смотри, мол, как запросто у Афанасия всё получается. Может, он сейчас и золото найдёт?»

После того как Фёдор отнёс рапорт на повышение Берестова, тот добросовестно тянул свою лямку и старался вникать во все дела. Афанасий оказался толковым геологом, которому по плечу любое дело, но природная хитрость нередко брала верх над всем, что он делал.

– Ладно, мужики, я всё допускаю, – взяв в руки карту, сказал Фишкин. – Только, Афанасий, надо ещё доказать, что тот блок поднят. Кстати, это тоже входит в задачи ваших исследований. А сейчас у меня есть другие, более веские, аргументы по поводу будущей площади работ. На самом юге этой структуры золото установлено в двух штучных пробах, проанализированных спектрозолотометрическим анализом. Их отобрали геологи академического института при тематических работах и попутно с другими проанализировали. Содержания, правда, не ахти какие: всего-навсего на уровне геохимического фона, но главное – золото там установлено. В пробах из других районов вообще пусто. Значит, есть смысл поработать там. Вот здесь они взяты.

Шариковой ручкой Фишкин нарисовал на карте два маленьких кружка, обозначавших пробы, о которых говорил. Возле них поставил номера.

---

²⁴ Автор глобальной тектоники литосферных плит, согласно которой около 200 млн лет назад все материки были сгруппированы в единый суперконтинент, названный им Пангеей (единая земля).

²⁵ В 1960-х годах, благодаря новым данным, гипотеза Вагенера получила дальнейшее развитие. Была открыта пластичная оболочка Земли (астеносфера) и установлено существование глобальной системы срединно-океанических хребтов и рифтов, установлено явление разрастания океанического дна (спрединга).

– Вадим Викторович, получается, что это золото сидит опять неизвестно в чём. Скажите, пожалуйста, какие там породы? Мы же ищем совершенно другой тип оруденения. Какой там зеленокаменный пояс? На карте опять одни гранитогнейсы, значит, или карта врёт, или там ничего нет.

– Давай будем разбираться на месте. Ты же сам теперь знаешь, как в то время карты докембрия рисовали.

Неожиданно для Фишкина Закатов предложил поставить работы на севере этой структуры в бассейне реки Курунг, там, где присутствовали прямые признаки золотоносности.

* * *

Главной зацепкой, из-за которой Закатов хотел ставить работы в бассейне реки Курунг, послужил отчёт неведомого ему Брукса. В начале 1950-х годов его партия проводила изучение огромного района, протянувшегося на десятки километров в междуречье Чары и Олёкмы. Как и многим другим, с золотом геологам не повезло: на первый взгляд, ни промышленных россыпей, ни рудных месторождений, даже малейших перспектив на открытие золота они не установили.

Не найдя ничего интересного в тексте отчёта, Закатов хотел его сдать в геологические фонды, но в последний момент ещё раз посмотрел геологическую карту. На ней оказались вынесены результаты проведённых поисковых работ. Разноцветные кружочки разбегались почти по всем речкам и мелким ручейкам. Кое-где они забирались к вершинам гор, а за водоразделами скатывались в широкие долины рек или в заболоченные впадины. Было видно, что геологи добротнo опoисковали свою площадь, а шлиховые пробы отбирали даже там, где не нашлось воды для их промывки. Это значило, что двадцать килограммов рыхлого материала, необходимого для промывки шлиха, они несли до первого ручья. И таких проб Закатов насчитал несколько десятков.

Тут его внимание привлекли три шлиховые пробы, стоявшие друг за другом по долине какой-то совсем неприметной речушки, протекавшей северней его района. В них геологи установили золото. Кружки, обозначавшие эти пробы, были покрашены не привычным жёлтым цветом, каким обычно показывали золото на картах, а красным, поэтому сразу не бросались в глаза, и Фёдор не обратил на них внимания. Может, чертежница перепутала краски, а может, так задумал сам автор. Этого теперь никто не знал. Внимательно перечитав отчёт, Закатов нашёл пропущенное описание.

«В трёх шлихах, отобранных в русловых отложениях реки Курунг, кроме золота был обнаружен шеелит (трехокись вольфрама), не встреченный ранее нигде. При определении в лабораторных условиях он люминесцирует голубым цветом, разлагается в соляной кислоте. Источник этого минерала не найден».

Далее шло краткое описание золота, найденного в этих же шлиховых пробах. Так было принято: на каждый рудный минерал минералоги давали полную характеристику, потому что после них его мог уже никто никогда не увидеть. Результаты минералогических анализов предназначались исполнителям, которые сами решали, как ими распорядиться. Часто в отчётах приводились сухие данные, но нередко попадались обстоятельные заключения, составленные на их основании.

«Всего было найдено четыре золотины, – писал Брукс. – В шлихах номер 122 и 123 – по одной, в шлихе номер 124 – две. Золото мелкое, размером менее одного миллиметра, золотистого цвета. Все золотины практически не окатаны, форма неправильная, преимущественно вытянутая. На гранях одной золотины копьевидной формы видна штриховка. Её наличие может свидетельствовать о том, что она совсем недавно вынесена из материнской породы. Что это была за порода, сказать пока не представляется возможным. К сожалению, золотины

были обнаружены в лабораторных условиях, поэтому в связи с завершением геологоразведочных работ площадь возможного сноса, дренируемая рекой, в ходе полевых работ не заверена».

Закатов поднял глаза. Тревожно заколотилось сердце, кровь прилила к лицу. Спрятав в чемодан отчёт, он вышел на улицу. Во дворе из бортового УАЗа выгружали корзины с бутылками кислоты для лаборатории, из котельной слышались крики рабочих, затеявших ремонт.

«Надо же, чуть не пропустил такой отчёт! Впредь надо быть внимательней. В трёх шлихах четыре золотины. Неплохо! И описание приличное, но лучше бы этот Брукс привёл химический состав золота. От того, какая у него морфология, конечно, не считая степени окатанности, мне ни холодно и не жарко. Хотя чего удивляться, у него не было такой аналитической базы, какая у нас, так что надо радоваться тому, что имеем».

О перспективности опойскованной площади Брукс отзывался не самым лучшим образом. Текст его заключения Закатов переписал слово в слово, как было в отчёте, и теперь время от времени перечитывал: «На основании проведённых нами работ считаем, что на данном этапе исследований площадь бесперспективна на золото».

Такое категорическое заключение предшественников часто ставило крест на проведении последующих поисков, поэтому многие исполнители старались не давать в своих отчётах подобных выводов. Нередко в заключении можно было увидеть безобидное определение «малоперспективный» или более расплывчатое «возможно», «вероятно». Иногда такая формулировка служила последней соломинкой, за которую можно было зацепиться, чтобы продолжать работы.

«Вот тебе и на! Нашли не окатанное золото, а площадь бесперспективна. Почему же так сурово? Ну, хотя бы написали что-нибудь вроде того, что площадь проведённых работ требует доизучения или что-то в этом духе. Видать, этот Брукс был прямым мужиком, считал, что против фактов не попрёшь». – От прочитанного на душе у Закатова стало тоскливо. Захотелось захлопнуть тетрадь и больше к ней не возвращаться. Однако такое состояние продолжалось недолго: «Это мы ещё посмотрим: перспективна эта площадь или нет! Рано ставить крест. А находки Брукса – это очень серьёзная заявка на открытие! Несколько проб с золотом подряд на коротком отрезке долины реки! Это как раз то, что я ищу. Ничего подобного по всей территории ни у кого не было».

– Вот там и надо ставить поисковые работы, – в очередном разговоре с Фишкиным сказал Фёдор. В какой-то момент он хотел поведать о своих переживаниях по поводу проб Брукса, но подумал, что его личные мысли и предчувствия не имеют отношения к делу. – Этот участок попадает в северную часть структуры. Правда, с породами пока также непонятно.

– Ну что ж, работай, – махнул тот рукой. – Только надо побыстрее заканчивать проект. Время поджидает, Федотов уже дважды справлялся, сказал, чтобы ты поторопился.

Все сроки, отпущенные на проект, уже давно прошли, и главного геолога стали беспокоить из геологуправления. Однако, понимая всю сложность стоявшей перед Закатовым задачи, Федотов не давил, спуская всё на тормозах.

«Интересно, кто же такой этот Брукс? – в последнее время постоянно думал Фёдор. – Что за самородок такой, откуда взялся? Почему именно он нашёл эти мелкие золотишки, а не кто-то другой. Ведь после него на этой площади прошли среднемасштабные поиски, при которых отобрали и проанализировали проб намного больше него. И ведь никто ничего не определил, в пробах даже нет «следов» золота. Самое невероятное, что шлихи отбирали в тех же местах. Шеелит нашли, а золота не видели. Просто заколдованный круг какой-то! Можно подумать, будто нечистая сила так его спрятала, чтобы никогда не открыли. Ну не мог же Брукс, в конце концов, просто так вынести эти пробы на карту. Так сказать, приписать. Нет, это исключено, – твёрдо решил Фёдор. – Раньше такое не пришло бы даже в голову – тогда всё делали на совесть».

Глава 9. Спасение

Когда Иван очнулся, день клонился к закату и заметно похолодало.

«Сколько же я пробыл в забытии? – подумал он, растирая заочевенные руки. – Может, час, а может, два».

Рядом, будто предупреждая об опасности, тревожно шумела река. Пересилив себя, Иван пошёл за дровами, разжёг костер. Дым поплыл над берегом, опустился к воде. Вырвавшееся пламя обдало жаром, жизнь возвращалась в его тело. Теперь жизнь требовалось вдохнуть в тела своих товарищей. Вскипятив чай и попоив раненых, он отправился рыбачить. Когда он набирал воду, увидел стайку хариусов, стоявших на струе, и понял – это спасение. Рыбалка была его страстью, пришедшей из детства. Ещё будучи подростком, он ловил рыбу в небольших горных речушках, потом в могучих сибирских реках и вот теперь оказался на одном из многочисленных притоков Алдана – реке Бурхале, спускавшейся с высоких гор.

Вырезав длинное удище, Иван привязал к нему леску с крючком. Крючок закрыл клоком курчавых волос, отрезанных ножом из интимного места, и обмотал их яркой ниткой. Спрятавшись за камнем, он сделал заброс. Мушку понесло по течению, запрыгав на струе, она скатилась в тихую заводь. Тотчас последовала атака, и он выдернул извивавшегося хариуса. Крупная рыба упала на гальку. Схватив хариуса, Иван быстро снял с крючка. Тугое сильное тело рыбы забилося в его руках. Развивающийся спинной плавник хариуса казался сказочно красивым и чуть не доставал хвостового плавника, по всему телу были разбросаны бурые пятнышки. Положив рыбу на гальку, Иван сделал очередной заброс, и снова удача. К его удивлению, хариус ловился не хуже, чем летом, и выглядел даже жирней. Когда все поднялись, их ждал сюрприз: возле огня томился полный котелок ухи. От костра исходило тепло, трещали дрова, вверх летели искры.

– Ну ты молодец! – молодой человек первый раз за всё время услышал похвалу Сенькина. – Теперь мы с голоду не умрём. Можно продержаться только на одной рыбе, а тут ещё и брусники полно.

– Значит, хариус никуда не ушёл, здесь и будет зимовать, – со знающим видом сказал подполковник Свиридов. – Обычно до сентября он скатывается вниз по течению и стоит в глубоких ямах. Стало быть, река не мелкая и хватает корма.

После еды настроение поднялось, заговорили о последнем переходе и как-то незаметно вернулись к пролетевшему самолёту.

– Надеяться надо только на себя, – сказал майор. – Больше никто сюда не полетит, да и зачем? Раз лётчики увидели наш разбившийся Ли-2 и никого вокруг – стало быть, всё ясно: все до единого погибли. – После недавнего срыва он пришёл в себя и пытался как-то оправдать своё поведение. Но всё же иногда казался странным. – Сейчас люди у нас не в цене, – продолжал майор. – Вон их сколько на Колыме: все лагеря забиты, а их всё везут и везут. Как будто вся страна – одни политические, бандиты и шпионы. Откуда их столько взялось? Вроде ничего у нас не изменилось, а заключённые только добавляются. Поговоришь с каким-нибудь поселенцем – вроде бы нормальный человек. Спрашиваешь, за что сидел, а он и сказать-то толком ничего не может, получается, ни за что человека посадили. Статью пришили – и на Колыму, а тут он бесправный, его используют вместо дармовой рабочей силы. Эх, дела! – Он тяжело вздохнул. – Это все Берия! Это он народ уничтожает. Вот кто наш главный враг...

– Что ты мелешь? – бросил Свиридов. – При чём тут Берия? На Колыму отправляют врагов народа. Среди них есть шпионы, диверсанты, националисты и прочий контингент – это люди, занимавшиеся антисоветской деятельностью и подрывавшие советский строй. Эх, майор, до чего ты докатился! Несёшь голимую антисоветчину. Лучше придержи язык за зубами. Услы-

шал бы твои бредни кто-нибудь дома, сразу закатили бы пятьдесят восьмую и под фанфары ты загремел бы на нары. И не боишься? – спросил он, с живым интересом посматривая на майора.

– А чего мне бояться? Нас всё равно никто не слышит, кругом тайга. Разве что медведь подслушает.

– Ошибаешься: у нас везде есть глаза и уши, о каждом всё известно. И о тебе соответствующие органы тоже знают. Если не прекратишь, я сам доложу по инстанции о твоих анти-советских разговорах. Будешь знать, как болтать языком.

– Да ладно тебе, подполковник, спустись на землю, – с иронией в голосе сказал майор. – Мы, может, последние часы доживаем на этой земле, а ты всё блюдешь честь мундира, беспокоишься о партийных устоях. Оглянись вокруг, ведь на свете есть иная жизнь и люди там живут по-другому, не чета нам, а ты её боишься – эту жизнь, боишься как чёрт ладана, и других туда не пускаешь. Ведь сам небось откуда-нибудь из деревни, где царили другие порядки. Тебя же дома не учили так жить, как ты живёшь. А ты что делаешь? Мирных людей убиваешь.

– Но-но, потише! – дёрнулся Свиридов. – Я к этому не имею никакого отношения. Такие дела решают без меня.

– Ну да, конечно, ты тут ни при чём, святой мне нашёлся. Все вы такие. Хорошо, будем считать, что ты чистенький, ничем ещё не замазанный, – будто смирившись, сказал майор. – Но согласись, нами, русскими людьми, правит грузинско-жидовская шайка, – произнёс он с новой силой. – Сколько людей они извели! – Он закачался из стороны в сторону, видно, не в силах добавить словами. – А за что, скажи мне? Думаешь, за идею? Нет, ошибаешься – ради наживы. Бесплатная рабочая сила зарабатывает им валюту, строит города и электростанции, добывает металл. Главное, обидно, – вякнуть никто не может – всем рот закрыли, всё засекретили. Куда ни плюнь, одни запреты, ничего русскому человеку теперь не позволено.

Подул ветер, пламя огня метнулось в сторону майора, осветив его лицо. Оно казалось багровым.

– Давай лучше прекратим этот опасный разговор, – предложил Свиридов. – Мы ничего друг другу не докажем и тем более ничего не сможем сделать. За нас другие всё уже решили.

Ивану показалось, будто подполковник с чем-то согласен, но по долгу службы не мог в этом сознаться.

– Ну что, закончим? – кивнул тот майору.

– Раз не хочешь больше говорить, то не надо.

– Вот и хорошо, я всё списываю на твою контузию и большую психику.

«Ловко он закончил, – подумал Иван. – Майор болен, поэтому и наговорил тут лишнего. Что взять с такого человека? Теперь никто не держит зла друг на друга. Лишь бы всё обошлось без последствий, а то подполковник возьмёт и проявит свою гражданскую позицию. Тогда Синицыну мало не покажется».

– Да, конечно, в таких условиях, когда ты измотан, можно наговорить чего угодно, – будто услышав его слова, стал защищать майора Сенькин, тоже слышавший весь разговор. – Главное в этой трагедии то, что мы остались живы. Вот что значит судьба! Видно, у нас на роду написано, чтобы задержаться на этом свете. Повезло нам, товарищи, не сказано! После того, что случилось, за жизнь надо держаться. Я думаю, нас будут искать.

– Конечно, будут, – подтвердил Свиридов. – Только не нас, а золото, которое везли на твоём борту. Ведь его там почти целая тонна. Наверху теперь знают, где самолёт упал, и, следовательно, уверены, что золото никто не возьмёт. Значит, больше сюда никто не прилетит, а как снег ляжет, пробьют зимник и заберут золотишко. Ради этого золота не только временный зимник протянут, даже постоянную дорогу отсыплют.

«Ничего себе! Тонна золота, – подумал Иван. – Это, значит, его охраняли те мужики-дальстроевцы, а подполковник считался у них главным. Получается, всё золото числится на нём. Круто! Конечно, нас станут обязательно искать. В нашей стране людей не бросают в беде.

Вон полярников спасли, а самолёт Леваневского! Его до сих пор ищут. А тут на борту оказалось столько металла...»

– Это мне надо думать о своей шкуре, – услышал он голос Свиридова. – За то, что я бросил груз и ушёл с вами в тайгу, по головке не погладят. Если живым останусь, как бы самому не угодить на нары. Могут и к стенке поставить. Наши органы постоянно чистят, да что толку. – Он тяжело вздохнул и толстой веткой застучал по валявшейся палке. Глухие удары разнеслись по лесу. Вдобавок к этому стало слышно, как он цокает языком, видимо, в душе переживая о произошедшем. – Ох, и наделал же я дел! – сказал он с сожалением. – Из-за меня семья пострадает. Не надо было уходить от самолёта, и вас я зря отпустил. Сидели бы сейчас в разбитом фюзеляже и ждали своего конца. Зато после смерти из нас сделали бы героев. Ведь мы металл стерегли. А теперь кто мы? Беглецы, спасающие свою шкуру. А кто нас подбил на этот побег? Иван, геолог дальстроя. Это он самостил нас уйти с места катастрофы. Вот с него и спросят по всей строгости советского закона.

Подполковник нашёл Ивана глазами и кивнул в его сторону головой.

– Да-да, это ты, сукин сын, втянул нас в эту авантюру. Поэтому, если что-нибудь случится – ты за всё в ответе.

«Ничего себе, – вздрогнул парень. Мурашки пробежали по коже. – Оказывается, теперь я буду крайним во всей этой трагедии. Буду виноват за то, что не захотел погибать возле разбитого самолёта и всех убедил выходить к людям, то есть спасать свою жизнь».

– Ладно, ты не волнуйся, я пошутил, – глядя на изменившегося прямо на глазах парня, смягчился Свиридов. – Ты молодец, нашёл правильное решение, иначе нам бы всем пришёл конец. Проблемы с властями могут быть только у меня, а ты чист как стёклышко. И вообще, что сделано, то сделано, назад не повёрнешь. Не будем искать вчерашний день, если что...

Он не договорил, впереди что-то зашумело, затрещали ломающиеся ветки и кусты.казалось, что кто-то валил лес. «Наверно, ураган», – промелькнуло в голове у каждого, и все с испугом уставились туда, откуда только что слышался шум. Посидев в недоумении, Сенькин сказал:

– Не переживай, подполковник, мы не дадим тебя в обиду. Я напишу докладную в твою контору, думаю, все меня поддержат. Переживать надо мне. Из всего экипажа я один остался, значит, мне одному придётся за всё отвечать: и за самолёт, и за погибших товарищей, и за пассажиров, и даже за твоё золото, которое было на борту. Чувствую, тут одной объяснительной не отделаться, сразу дело заведут. Ох, жизнь! – тяжело вздохнул Сенькин. – Чего на свете только не бывает! Но я никогда не думал, что такое может случиться со мной.

«Действительно, вот кому надо думать о нарах в бараке, – подумал Иван. – По большому счёту катастрофа произошла по вине экипажа. Хотя, как говорит Сенькин, экипаж не виновен – самолёт оказался неисправен. А может, его перегрузили?» – неожиданно возникла у него догадка.

– Даже если не посадят, то с авиацией придётся распрощаться, – тяжело вздохнул пилот, – дорога на аэродром мне заказана. Хотя я буду бороться до последнего. Вот увидите...

Вдруг рядом с ними затрещали ветки, и кто-то стал ломиться к костру. Этот кто-то, видно, был огромным – высоко над ними в темноте вспыхнули два огонька. Подполковник выхватил пистолет и передёрнул затвор. В следующее мгновение из зарослей показался огромный лось. Увидев людей, он на мгновение замер. Все сидели не шелохнувшись, даже подполковник забыл о своём пистолете. Секунду постояв, лось, ломая бурелом, кинулся обратно в лес.

Всё произошло так быстро, что никто не успел даже опомниться. Впервые Иван увидел огромного зверя прямо перед собой.

– Сколько мяса убежало! – придя в себя первым, с сожалением произнёс Сенькин. – Хватило бы надолго. Ну что же ты не стрелял? – обратился он к подполковнику. – Пальнул бы.

Под колючим взглядом пилота тот быстро нашёлся.

– У меня же не ППШ и не карабин, а всего-навсего ТТ. С такого расстояния стрелять в сохатого из пистолета – всё равно что подписать себе приговор. Не дай Господь, я бы его ранил, он бы нас растоптал – лося даже медведь обходит стороной, а ты захотел, чтобы я завалял его из пистолета.

Между тёмных туч появилась полоска звёздного неба. Выглянула и скрылась луна. Звёзды мерцали в ночном безмолвии, будто вселяя надежду в завтрашнем дне.

– Похоже, что за сохатым кто-то гнался, – помолчав, добавил Свиридов. – Вон как он ломанулся. Мы же его не пугали. Так ведь?

– Наверно, медведь, – сказал Сенькин. – Иначе он бы не вышел к костру. Кстати, я видел свежие медвежьи следы.

* * *

Ночью стало холодно. Иван раздул огонь и, подкинув дров в костёр, снова лёг. Лунный свет, прорезая вершины лиственниц, падал на лицо, серебром красил землю. Сон не шёл. Перед глазами прошли события последнего дня, а потом он увидел стол, заставленный едой, и сидевшего рядом Жеку.

– Закажи ещё водочки, думаю, ты не обеднеешь, – сказал тот с лёгкой усмешкой. – Раз сам не пьёшь, я за тебя выпью. Немного посижу с тобой, а там мой учитель подойдёт.

Иван подвинул ему тарелки с остатками еды и позвал официанта. Вскоре весь стол оказался заставлен разными закусками, а рядом с Жекой красовался графин с водкой, и стояли две чистые рюмки. Ивану ничего уже не лезло в горло, а Жека наворачивал за обе щеки.

– А ты, кстати, кто по специальности, что закончил? – отправляя бифштекс в рот, спросил Жека. – Чем будешь заниматься на Колыме?

Узнав, что он геолог, Жека даже бросил жевать.

– Вот тебе на! Что же ты молчал?

– А ты не спрашивал, заладил, что я особист, и всё тут. Если бы я даже сказал, что бы изменилось? Не стал есть?

От его реакции Ивану стало смешно, первый раз за весь вечер на его лице появилась улыбка.

– Про особиста я ничего не говорил, – выпив очередную рюмку, стал оправдываться Жека, – это ты, Ваня, сам придумал. Про мусоров сказал, это факт – отпираться не стану. Ладно, теперь это уже неважно, дело в том, что я тоже имею прямое отношение к геологии. Так сказать, занимаюсь поисками полезных ископаемых. Правда, в основном ищу золото. На Колыме, ты сам знаешь, везде, где ни копни, есть золотишко. А вот хорошие объекты с приличными содержаниями металла и промышленными запасами надо искать. Да тут ещё мерзлота, короткое лето, ну, словом, сам понимаешь, целый ворох всяких проблем, которые мешают к нему подобраться. Золото само в руки не идёт, чтобы его найти, надо прилично повкалывать.

Найти месторождение всегда считалось непросто. Об этом Брукс хорошо знал, но никогда не задумывался, что в этом регионе есть ещё вечная мерзлота, которую надо принимать в расчёт при поисках полезных ископаемых.

– Очень интересно! – воскликнул парень. – И как же ты его ищешь?

– Ну, Ваня, в двух словах об этом не расскажешь. У меня своя метода, – туманно ответил Жека и, подумав, добавил: – В основном ищу с помощью лотка. Слышал небось про шлиховой метод?

– А-а! – с разочарованным видом произнёс он. – Значит, ты старатель-одиночка, искатель фарта, – и, сообразив, что ничего нового тот больше не скажет, спросил: – С кем у тебя тут встреча?

Жека сказал, что ждёт настоящего геолога, которого Иван, может, никогда не видел, но наверняка о нём слышал.

– Кто же это? – спросил он, а про себя подумал, что знакомых у него здесь нет.

– Кригер, профессор Кригер, – с важным видом ответил Жека. – Тебе это имя что-нибудь говорит?

Иван задумался. Ещё не забылись фамилии преподавателей и геологов, с которыми когда-то его сводила судьба, но Кригера среди них не оказаось.

«Кто же это, кто? А ведь я где-то слышал эту фамилию. Но где, где?» – пытался он вспомнить. Потом откуда-то из подсознания возникла эта фамилия, будто сама собой. Кригер являлся автором известного вузовского учебника по месторождениям полезных ископаемых, по которому он учился в Горном.

– Не может быть! – заёрзал на стуле Иван. – Откуда он тут взялся? Кригер живёт в Москве. Это очень известный учёный, автор фундаментальных работ и учебников, по которым учатся все студенты. Это столп отечественной геологической науки.

– Жил в Москве, а теперь – в Магадане. Отбывает здесь ссылку, – незлобно усмехнувшись, сказал Жека. – Раньше писал учебники для студентов, а сейчас учит меня на коллектора в учебном комбинате. Слышал про такой?

– Не-а, – мотнул Иван головой.

«Какие-то сказки он мне тут рассказывает. Придумает же такое: Кригер на Колыме в ссылке!»

– Вот то-то и оно, – закусывая, продолжал Жека. – Теперь будешь знать, что есть такой в Магадане. В нашем учебном комбинате преподают почти все профессора. Интеллигенция! И учат не хуже, чем в твоём Горном. Смотри-ка, а вон и сам Кригер.

* * *

На следующий день связали плот, и большинством голосов решили затариться рыбой. До вечера Иван с Сенькиным и подполковником рыбачили прямо возле стоянки. Рыба ловилась на всё, что ей предлагали. В ход пошли яркие тряпочки, короеды и даже катыши из макарон.

Иван поймал пять крупных ленков друг за другом, а Сенькин – здоровенного тайменя. Общими усилиями его кое-как вытащили на берег, и теперь мощная рыбина билась на гальке возле его ног, а пилот кричал на весь лес:

– Эге-ге-ге, ура! Он попался на мою закидушку, попался, скотина. Здоровый, как настоящая чушка! Чушка, чушка-а-а, – эхом отозвалось в лесу.

Таймень оказался великолепен: длиной в рост человека с большим ртом, красными плавниками и красноватыми пятнами и чёрными крапинками на спине. Зубастый рот выдавал в нём страшного хищника. Глядя на рыбу, трудно было поверить, что такие «крокодилы» водятся в этой горной реке, на которой волею случая они оказались.

– Я с роду такого не видел, вот удача! – всё не мог успокоиться пилот. – Выберемся, я когда-нибудь сюда приеду снова.

Вечером нагнали тёмные тучи, подул пронизывающий ветер, а ночью пошёл мелкий снег. Он ложился на голые ветки лиственниц, на кусты карликовой берёзки и тальника, падал на землю, закрывая опавшую хвою, жёлтую листву, зелёный брусничник со спелыми бордовыми ягодами. Под утро подморозило, вдоль берега образовалась ледяная корка. Тонкий лёд лежал между валунами и в мелких западинах, сковал мари. Под ногами лёд хрустел, и при каждом шаге Ивану казалось, что он идёт по битому стеклу. Зима шла вдогонку за ними.

Погрузив раненых, отчалили от берега. Быстрое течение подхватило плот и понесло вперёд. Замелькали нависающие скалы, обрывистые берега со склонившимися над водой деревьями. Сенькин со Свиридовым стояли на вёслах, но поначалу толкались больше шестами.

Местами становилось так глубоко, что длинные шесты не доставали дна, и тогда кто-нибудь из гребцов хватался за весло. Следовало смотреть в оба – пары упущенных секунд хватило бы, чтобы тяжёлый плот, потерявший управление, закрутился волчком. И тогда как неприкаянный он мотался бы по реке от берега к берегу. Один раз Сенькин зазевался, и они на полной скорости врезались в каменистый берег. От резкого удара брёвна плота стали разъезжаться в стороны, Сенькин вместе с шестом едва не полетел в воду. Выручил майор.

– Ты что, угробить нас хочешь? – матюгнувшись, схватил он пилота и прижал к мокрым брёвнам. – Если плот развалится, нам хана, никто не спасётся.

Мощным течением плот прибило к уступу, захлестнуло ледяной водой. Шестом майор стал отталкиваться от берега. Ему помогал Свиридов, Сенькин грёб веслом. Общими усилиями плот кое-как вывели на струю. Потом пошли перекаты, и их плот снова крутило и било о камни. Казалось, ещё немного – и они не выдержат: бросят грести и сдадутся на милость случая. Так проплыли несколько часов, неожиданно характер течения резко изменился, река успокоилась.

Весь день тучи висели прямо над головой, цеплялись за высокие горы. К вечеру немного прояснилось, вынырнуло солнце и, осветив реку тусклыми предзакатными лучами, снова спряталось за тучи. Прямо на глазах стало темнеть. Быстро причалили к пологому берегу, вытянули плот на мель. И тут из кучи плавника выскочил заяц. Он оказался белым как снег, чернел только короткий хвостик. Отбежав на безопасное расстояние, зверёк остановился и, вздрагивая всем телом, уставился на пришельцев. Любопытство стоило косому жизни. Пуля, пущенная Свиридовым, поразила цель. Ещё в ушах стоял грохот от выстрела и над рекой висел сизый дымок, а заяц уже лежал в котелке.

Было промозгло и сыро. Иван быстро развёл костер. После горячего чая немного ожили и с нетерпением стали ждать зайчатины. Про пойманную рыбу сразу забыли, героем дня стал Свиридов.

– Ну ты, подполковник, оказывается, стрелять умеешь, – пошутил Сенькин. – А я уж грешным делом подумал, что пистолет у тебя только для порядка. Так сказать, в придачу к военной форме.

После ужина быстро улеглись спать, а ночью Иван проснулся от выстрелов. Кто стреляет и в кого, спросонья он не понял, только подошедший Свиридов рассказал, что случилось. А произошло следующее. Подполковник долго не мог уснуть, вставал, подкидывал дрова в костёр. Потом усталость взяла верх. Проснулся он от страшного сна: на него натравили медведя, и тот уже готовится к броску. Ещё мгновение – и зверь нападёт. От страха Свиридов резко дернулся, рука ударила обо что-то мягкое. Неожиданно это мягкое громко рывкнуло и отскочило в сторону. В самом деле, медведь! Выхватив пистолет, Свиридов поднял стрельбу.

Иван подумал, что подполковнику это приснилось, и, чтобы как-то оправдаться за ночной переполох, он придумал красивую сказку про пришедшего к ним медведя. Каково же было его удивление, когда утром он увидел медвежьи следы возле костра и на косе. Вместе с убежавшим медведем исчезла вся рыба, которую наловили на предыдущей стоянке.

– Всё, товарищи, теперь каждую ночь будем ставить дневальных, – командным голосом сказал Сенькин, – дежурить будем по очереди. Кроме охраны в обязанности дневального входит поддержание огня и уход за ранеными. Вы теперь уяснили, что в тайге, как на войне, может случиться что угодно.

Ледяная кромка у берега заметно увеличилась. Теперь она стала довольно толстым слоем льда, а не тонкой корочкой, которая легко крошится при лёгком прикосновении. Всё говорило о том, что скоро может пойти шуга, когда ледяная крошка заполонит всю реку, создавая сплошные заторы.

– Дело швах, командир, – поёживаясь от холода, сказал Свиридов, – однако скоро река станет. Придётся идти пешком.

* * *

На следующий день выпал снег, укрыв землю белым покрывалом. Тайга сразу притихла, будто затаилась. Исчез лежавший ещё вечером пёстрый ковер, сотканный из зелёного мха, жёлтого ягеля и бурых листьев. Вокруг стало белым-бело. На реке появились настоящие забереги, грозившие перерасти в сплошной ледяной панцирь. Предсказания Свиридова начинали сбываться. У всех на уме крутилось только одно: «Что делать, если замёрзнет река?»

Освободив плот из ледового плена, двинулись в путь. Валунистые косы постепенно сменялись галечными, берега стали обрывистыми. Вскоре распогодилось, из-за туч показалось голубое небо, выглянуло солнце.

– Товарищи, ещё будет праздник на нашей улице, – отталкиваясь от берега, с задором сказал Сенькин. – Снег нас только поугубил, вот увидите, мы проскочим до шуги. А сегодня, вообще-то, лётная погода.

Но радости от его слов никто не испытывал и тем более не связывал со спасительным самолётом, о котором все успели забыть. Неожиданно лежавший на носилках Лемкович закричал:

– Самолёт, я вижу самолёт! Смотрите, вон там он, над горами.

Там, куда он показал, летел самолёт. Из-за шума реки его гула не слышали. По-видимому, он прочёсывал тот район, где они недавно прошли. На первый взгляд, это был Ли-2, похожий на прилетавший в прошлый раз.

– А я вам что говорил! – торжествовал Сенькин. – Вернулся, голубчик, вернулся. А как же ему не вернуться, ведь тут свои?

Из всех сил стали грести к берегу и, причалив, быстро собрали костёр. В ход пошли ветки стланика, добытый из-под снега хворост и даже невесть откуда взявшиеся бумажки. Едва живой язычок пламени лизнул хвою, перекинулся на ветки – и костёр вспыхнул. Клубы белого дыма взвились ввысь. В душе Иван ликовал. От радости его охватила эйфория. О них не забыли, их ищут и могут найти! Неожиданно самолёт изменил курс и, снижаясь, полетел в их сторону. Затеplилась надежда на спасение.

– Они увидели, летят к нам! – закричал Иван. Привязав свою рубашку к шесту, он стал ею размахивать, будто гонял голубей. Пролетев прямо над ними, самолёт пошёл на второй круг. Словно приветствуя, он покачал крыльями и, казалось, замедлил движение. От самолёта отделился чёрный комок, который скоро перерос в огромный тук, спускавшийся на парашюте. Сделав ещё круг, самолёт улетел.

В сброшенном тюке оказались продукты, лекарства, палатка и две резиновые лодки. Трудно было сказать, чем руководствовались пилоты, сбрасывая спасательный набор, но они попали почти в десятку. До полного комплекта не хватало только печки и спальных мешков. Винить за это их не следовало: кто мог знать, найдут ли они живых людей и сколько.

В каждой лодке разместилось по три человека. Иван вместе с раненым Лемковичем попал к Свиридову. Для лучшей устойчивости подполковник привязал к своей «резинке» по бревну с каждого бока. Получилось замысловатое плавучее средство с резиновой лодкой посередине. Спереди и сзади него выступали круглые лесины разной длины. Лодка с привязанными бревнами стала жёсткой конструкцией и в то же время лёгкой, в отличие от непотопляемого плота. Сразу как только отчалили от берега, она показалась довольно юркой, но всё же не такой, какой могла стать, если бы её не перегрузили. По сравнению с большим плотом, жизненного пространства здесь оказалось меньше, поэтому пришлось приспособливаться. Лемковича положили на свернутую палатку, Иван сел впереди, а на корме грёб Свиридов.

Все понимали, что, если пойдет шуга, придётся идти пешком. Насколько это трудно, они уже испытали, поэтому спешили как могли. И спешка подвела. Когда впереди показался оче-

редной порог, какие легко проходили на тяжёлом плоту, первым сплавлялся Свиридов. Не раздумывая, он пошёл по основной струе, прижимавшейся к одному берегу. Неожиданно резинка с привязанными брёвнами и людьми поднырнула под набежавшую волну, её придавила огромная масса воды. Сзади приостановившуюся лодку подгоняло быстрое течение, и она полностью ушла под воду. В одно мгновение все оказались в ледяной реке во власти волн и водоворота. До берега доплыл только Иван. Подполковника Свиридова и Левковича похоронили в одной могиле на высоком берегу. Кругом, словно в скорби склонив головы, безмолвно стояли заснеженные лиственницы, а на пороге всё так же шумела река.

С боков свиридовской лодки отвязали брёвна, за вёсла сел майор, перешедший от Сенькина. Теперь в каждой лодке осталось по два человека, но замены у гребцов не было. Облегченные «резинки» пошли быстрее. Первым сплавлялся пилот с тяжело раненным Васильевым. Всю дорогу тот стонал и бредил, а приходя в сознание, просил воды, и Сенькину приходилось бросать вёсла и оказывать ему помощь. Вскоре появились залесённые надпойменные террасы, река стала шире, исчезли перекаты, и вместе с ними заметно уменьшилась скорость течения. Лодки почти остановились. Русло делало замысловатые изгибы, огибая одинокие сопки. От берега до берега реку забило тонким льдом. Редкие льдины медленно плыли по всей ширине реки, натывались друг на друга, прибывались к берегу и крошились на камнях. Повсюду, насколько хватало взгляда, виднелась ледяная каша.

– Всё, товарищи, кажется, мы приплыли, пошла пуга! – сказал расстроенный Сенькин.

Казалось, обидно сознавать, что до Алдана осталось совсем немного, а они могут застрять в замерзающей реке. Чтобы льдом не порезало резиновые лодки, Сенькин подвёл под них куски шёлка от разрезанного парашюта. После остановки майор с Иваном шёл первым и, как ледокол, раздвигал и крошил лёд, а пилот, не напрягаясь, двигался по чистой воде и молил Бога, чтобы выдержали лодки. Только в одном месте, где река делала большую петлю, огибая высокую гору с обрывистым прижимом, пришлось пробиваться через сплошной затор льда.

Лодки выдержали, и поздно вечером, не доходя устья, они встретили рыбака, заготавливавшего рыбу на зиму.

Глава 10. Площадь поисков

Наконец-то Закатов окончательно определился с площадью поисковых работ. Она протянулась с юга на север почти на сто километров, захватывая горы и долины полноводных рек. На юге находился участок, выделенный по предложению Фишкина. Север приходился на территорию, которую выбрал Фёдор. Именно здесь в трёх пробах Брукса обнаружилось четыре знака золота.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.